DUKE
UNIVERSITY

DIVINITY SCHOOL
LIBRARY

А. Михайловъ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ АНАБАПТИЗМЪ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій, д. 14.
1889.

Div. S.
284.3
S544R

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Смутное время анабаптизма, эта историческая драма, начинающаяся въ Цвиккау и кончающаяся въ Мюнстерѣ, является самою любопытною и поучительною эпохой въ ряду другихъ эпохъ религіозныхъ и соціальныхъ броженій. Религіозныя и соціальныя броженія никогда не прекращались и не прекращаются въ европейскомъ обществѣ. Они только ослабѣваютъ или усиливаются въ извѣстныя времена, принимая тотъ или другой видъ и характеръ. Каждый разъ, когда является въ болѣе или менѣе тревожные дни какой-нибудь сильный мыслитель или талантъ съ религіозною или соціальною проповѣдью, ищущее исхода общество видитъ въ его проповѣди нѣчто новое, съ жадностью прислушивается къ ней, увлекается ею, ждетъ отъ нея практическихъ результатовъ, иногда даже не подозрѣвая, что нова въ этой проповѣди только форма, а не сущность. Идеи, высказываемыя вошедшимъ на время въ славу талантливымъ пропагандистомъ, обсуждаются, порождаютъ горячихъ сторонниковъ и еще болѣе горячихъ противниковъ, но, по большей части, среди этихъ словопреній никто даже и не подозрѣваетъ, что все это было предме-

томъ обсужденій и споровъ въ другія, отдаленныя отъ насъ времена. Исторія всегда забывается въ подобныхъ случаяхъ. А, между тѣмъ, ее надо бы помнить и въ особенности надо бы помнить изъ нея именно тотъ моментъ, когда въ теченіе очень немногихъ лѣтъ извѣстная часть Европы пережила всѣ стадіи въ области религіознаго и соціальнаго броженія, какія потомъ переживались уже не въ той силѣ и не въ той полнотѣ другими народами. Этотъ моментъ — смутное время анабаптизма. Все, что проповѣдывали и разрабатывали религіозные пропагандисты и соціальные новаторы въ позднѣйшія времена, было уже высказано или хотя намѣчено въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія Мюнцеромъ и его послѣдователями, сподвижниками и преемниками. Въ области соціальныхъ вопросовъ тутъ вы найдете все, начиная съ вполнѣ разумныхъ требованій справедливости, которыя такъ или иначе старались удовлетворить или даже уже удовлетворили въ послѣдующіе вѣка, и кончая самыми чудовищными проявленіями коммунистическаго деспотизма, выразившагося въ страшной, близкой иногда къ безумію, дѣятельности Іоанна Лейденскаго. Въ сферѣ религіозныхъ воззрѣній вы встрѣтите здѣсь то же самое: анабаптисты прошли всѣ ступени отрицаній и сомнѣній, создали въ короткое время цѣлую массу сектъ и толковъ, коснулись и вопросовъ простыхъ церковныхъ обрядностей, и вопросовъ той

сущности религіи, которой въ нашъ вѣкъ посвящались цѣлые трактаты Штраусами и Ренанами. Въ какія-нибудь пятнадцать лѣтъ анабаптизмъ передумалъ, высказалъ и пережилъ то, что потомъ передумывалось, высказывалось и переживалось въ остальной Европѣ въ теченіе вѣковъ. Это могло произойти, конечно, только при совершенно случайномъ стеченіи крайне сложныхъ обстоятельствъ той лихорадочной эпохи, и потому мы можемъ болѣе или менѣе спокойно смотрѣть на всѣ крайности и ужасы этого времени, изучая его во всѣхъ проявленіяхъ и сознавая вполнѣ, что оно едва ли повторится снова гдѣ-нибудь въ Европѣ въ той же силѣ, какъ не повторится уже весь тотъ страшный гнетъ, который истощилъ терпѣніе тогдашняго общества. Ломка, происходившая въ то время въ Германіи, была сильнѣе даже ломки, происшедшей во Франціи во время первой французской революціи, такъ какъ въ Германіи во времена появленія анабаптизма вопросъ шелъ не объ измѣненіи одной какой-нибудь стороны общественнаго строя, а о разрушеніи всѣхъ прежнихъ отношеній, всѣхъ сторонъ общественной жизни.

Я пишу не исторію смутнаго времени анабаптизма. Всесторонней и удовлетворительной въ научномъ отношеніи исторіи анабаптизма не существуетъ покуда и въ Германіи. Правда, въ первой половинѣ нашего столѣтія было издано нѣсколько сочиненій объ этомъ предметѣ, вродѣ

труда Гаста, но всѣ эти произведенія давно устарѣли. Новѣйшія же изслѣдованія, не смотря на всѣ ихъ достоинства, являются или неполными, или односторонними. Такъ, въ исторіи крестьянской войны Циммермана говорится только объ анабаптистахъ временъ Мюнцера. Въ сочиненіяхъ Газе и Келлера, посвященныхъ анабаптизму, мы видимъ почти исключительно одну исторію мюнстерскаго царства, тогда какъ предъидущія событія излагаются далеко не полно. Трудъ Корнеліуса по тому же вопросу долженъ бы былъ пролить новый свѣтъ на мюнстерское царство, но онъ покуда остается неоконченнымъ и останавливается какъ разъ при выходѣ на сцену интересной личности Іоанна Лейденскаго. Пользуясь этими работами, я хотѣлъ предложить читателямъ возможно сжатый очеркъ общей картины этого движенія и намѣтить главные моменты развитія новыхъ идей этого времени, не вдаваясь въ мелкія подробности и въ чисто-спеціальные вопросы изъ области религіи. Къ тому же, эти вопросы и были довольно подробно обсуждаемы въ русской литературѣ въ дѣльныхъ сочиненіяхъ гг. А. Вишнякова и А. Песоцкаго, писавшихъ объ анабаптизмѣ, какъ объ одной изъ религіозныхъ сектъ.

Первоначально мой трудъ былъ напечатанъ въ журналѣ «Русская Мысль». Авторъ.

Книги, на которыя есть указанія.

1) *Blanc*, Histoire de la révolution française. 1847.

2) *Cornelius*, Geschichte des Muensterischen Aufruhrs. Leipzig. 1855.

3) *Dietrich*, Der Bauernkrieg, Ulm. 1844.

4) *Erseh und Gruber*, Allgemeime Encyklopaedie, XXI Th. Leipzig. 1842.

5) *Ewerbeek*, L'Allemagne et les allemandes. Paris. 1851.

6) *Erbkam*, Geschichte der protestantischen Sekten. Hamburg und Gotha. 1848.

7) *Freytag*, Aus dem Jahrhundert der Reformation. Leipzig. 1883.

8) *Hast*, Geschichte der Wiedertaeufer. Muenster. 1836.

9) *Hase*, Das Reich der Wiedertaeufer. Leipzig. 1860.

10) *Hartfelder*, Zur Geschichte des Bauernkriegs. Stuttgart. 1884.

11) *Jolrg*, Deutschland in der Revolutions-Periode. Frkeiburg. 1851.

12) *Kaufmann*, Socialism und Communism. London. 1883.

13) *Keller*, Geschichte der Wiedertaeufer. Muenster. 1880. Ein Apostel der Wiedertaeufer. Leipzig. 1882.

14) *Koenig*, Deutsche Literaturgeschichte. 1879.

15) *Kolb*, Die Culturgeschichte. 1873.

16) *Laurent*, Etudes sur l'histoire de l'humanité. Bruxelles.

17) *Лукрецій Каръ*. О природѣ вещей. Москва 1876.

18) *Merle d'Aubigné*, Geschichte der Reformations, Stuttgart. 1848.

19) *Perrens*, Jérome Savanarole. Paris. 1859.

20) *Песоцкій*. Царство анабаптистовъ и общество меноннстовъ („Странникъ“. 1869).

21) *Plitt und Herzog*, Real-Encyklopaedie fuer protestantische Theologie. Leipzig. 1878.

22) *Ranke*. Deutsche Geschichte m Zeitalters der Reformation. Berlin. 1856.

23) *Schenkel*. Das Wesen des Protestantismus. Schaffhausen. 1851.

24) *Schmidt*. Zeitschrift fuer Geschichtswissenschaft. IV. 1845.

25) *Stern*, Die Socialisten des Reformations-Zeit. Berlin. 1883.

26) *Schlosser*. Dis Weltgeschichte. Berlin. 1885.

27) *Шерръ*. Исторія цивилизаціи въ Германіи. 1868.

28) *Seideman*. Thomas Muenzer. Eine Biographie. Dresden und Leipzig. 1842.

29) *Sudre*. Histoire du communisme. Paris. 1849.

30) *Вишняковъ*. Общество анабаптистовъ („Православное Обозрѣніе“ 1861 г.).

31) *Weber*. Zur Geschichte des Reformations-Zeitalters. Leipzig. 1874.

32) *Weill*, Der Bauernkrieg. Darmstadt. 1847.

33) *Циммерманъ*. Исторія крестьянскихъ войнъ въ Германіи. 1866.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ АНАБАПТИЗМЪ.

I.

Времена реформаціи были, можетъ быть, самыми смутными и тревожными временами, какія когда бы то ни было переживала Европа. Это были дни, когда люди огнемъ и мечомъ старались покончить со старымъ порядкомъ вещей во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Германія и другія государства, сдѣлавшіяся мѣстами реформаціонной проповѣди, были свидѣтелями кровавыхъ драмъ, отчасти вызванныхъ самой реформаціей, отчасти совпавшихъ съ нею, какъ это всегда бываетъ во времена броженія. Въ общественномъ зданіи трудно расшатать какую-нибудь одну часть, не затронувъ, не пошатнувъ другихъ. Особенно трудно было это сдѣлать въ ту тревожную эпоху, когда проповѣдывалъ Лютеръ.

Теперь не легко представить въ сжатой картинѣ неустройство тогдашняго европейскаго общества вообще и нѣмецкаго въ особенности. Примѣры безправія, жестокости, разврата, гру-

бости мы видимъ тутъ на каждомъ шагу. Среди правящихъ классовъ сплошь и рядомъ встрѣчаются намъ люди вродѣ знаменитаго своими похожденіями герцога виртембергскаго Ульриха. «Всякаго, кто осмѣлился сказать, что слѣдовало бы выполнить блаубейренскій договоръ, — говоритъ Шлоссеръ,—онъ предавалъ пыткѣ, не для того, чтобы вынудить какое-нибудь признаніе, а просто чтобы только помучить. Одному изъ совѣтниковъ, человѣку хорошей фамиліи, по его приказанію, сначала сожгли руки и ноги, а потомъ тѣло облили спиртомъ и тоже зажгли. Старѣйшему изъ своихъ совѣтниковъ, восьмидесятилѣтнему старику, онъ велѣлъ отрубить голову, а потомъ четвертовать его. За браконьерство онъ выкалывалъ оба глаза [1]). Это былъ не выродокъ, а очень обыкновенный властитель того времени. Эти властители не только обирали народъ, но издѣвались надъ нимъ: одинъ приказывалъ крестьянамъ колотить палками по водѣ пруда, чтобы въ прудѣ не квакали лягушки, другой казнилъ крестьянина за ловлю раковъ въ господскомъ ручьѣ и т. д. [2]). Люди вездѣ люди и въ Германіи крѣпостное право вызывало тѣ же ужасы, какіе оно вызывало у насъ. Высшее духовенство было до того развратно, что, по свидѣтельству одного епископа, «каждый отецъ долженъ былъ отдать свое дитя лучше въ публичный домъ,

---

[1]) *Schlosser*: „Weltgeschichte". Berlin, 1885, B. IX. S. 311.—[2]) *Dieterich*: „Der Bauernkrieg". Ulm, 1844. S. 8—9.

чѣмъ въ монастырь: въ первомъ можно было во всякое время свернуть съ дороги порока, изъ второго возврата на честный путь не было» [3]). У всѣхъ монаховъ были любовницы и незаконнорожденныя дѣти, высшія духовныя лица въ Римѣ держали публичные дома и при Юліи III въ священномъ городѣ было до 40,000 падшихъ женщинъ, дававшихъ доходъ духовенству. Поведеніе самихъ папъ часто было позорно. «Легче ничего не говорить объ этомъ папѣ, чѣмъ говорить о немъ воздержанно, замѣчаетъ Манзи объ Александрѣ VI. Онъ соединилъ въ себѣ самые крайніе пороки и имѣлъ очень мало добродѣтелей или, вѣрнѣе сказать, вовсе не имѣлъ ихъ. Онъ добился власти подкупомъ и сохранялъ ее не болѣе честными средствами. Я не нашелъ до сихъ поръ ни одного автора, который похвалилъ бы его ни среди его современниковъ, ни среди позднѣйшихъ писателей» [4]). Даже въ самый разгаръ борьбы противъ распространенія реформаціонныхъ идей католическое духовенство устраивало скандальныя процессіи изъ нѣсколькихъ сотенъ голыхъ мужчинъ, женщинъ, юношей и дѣвушекъ, проходившихъ среди бѣлаго дня по городскимъ улицамъ. Проявленія фанатизма въ это время доходили до крайнихъ предѣловъ: въ концѣ пятнадцатаго вѣка былъ составленъ «молотъ колдуновъ» и уже въ 1484 году

---

[3]) *Kolb*: „Culturgeschichte“. 1873, B. II. S. 297.—[4]) *Perrens*: „Jérome Savanarole“. Paris. 1859. P. 77.

начинаются казни этихъ несчастныхъ «по кодексу»; въ пять лѣтъ ихъ гибнетъ до 48 человѣкъ въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ въ одинъ годъ сжигается 41 человѣкъ и дѣло принимаетъ такіе размѣры, что въ концѣ слѣдующаго столѣтія «судья Ремигій сжегъ въ Лотарингіи въ пятнадцать лѣтъ 800 вѣдьмъ [5]). Звѣрства растутъ все сильнѣе, по мѣрѣ того какъ народъ пробуетъ освободиться отъ гнета: въ 1476 году сжигаютъ какого-нибудь Ганса Бегейма, а собравшуюся для его освобожденія толпу разгоняютъ выстрѣлами; въ исторіи же волненій 1525 года мы читаемъ: «Въ воротахъ Цаберна лежали такіе груды убитыхъ крестьянъ, что въ городъ можно было проникнуть съ трудомъ, и то проѣзжая на лошади по трупамъ; въ улицахъ и домахъ убитые лежали почти «плотно другъ на другѣ»; францисканскіе монахи, какъ говорятъ ихъ отчеты, похоронили 16,242 трупа да подобрали 1,500 труповъ крестьянъ, убитыхъ во время бѣгства. Въ городѣ Энзисхеймѣ въ 1526 году была моровая язва, «происшедшая, какъ говоритъ историкъ, вѣроятно, отъ массы труповъ казненныхъ людей» [6]). Огрубѣніе нравовъ было крайне велико, и даже среди «цвѣта интеллигенціи» полемика велась не иначе, какъ въ «нецензурныхъ» выраженіяхъ, не попадающихъ

---

[5]) *Шерръ*: „Исторія цивилизаціи". 1868, стр. 395—400.
[6]) *K. Hartfelder*: „Zur Geschichte des Bauernkriegs". Stuttgart, 1884. S. 57, 131.

нынче и въ лексиконы. Эпитеты: «лютеранскій дуракъ», «враль», «тунеядецъ», «откормленная свинья» и т. п. были изъ числа самыхъ вѣжливыхъ, напримѣръ, въ полемикѣ Мурнера [7]). Образцы этой полемики мы еще увидимъ, говоря о Лютерѣ и Мюнцерѣ. Но какъ бы ни казались странны эти литературные пріемы, они имѣли крайне важное значеніе въ то время. Имъ многимъ обязанъ нѣмецкій народъ. Тогда какъ въ Италіи, Франціи и Испаніи литература гналась за созданіемъ изящныхъ художественныхъ произведеній, въ нѣмецкихъ литературныхъ произведеніяхъ преобладалъ плебейскій тонъ и на нихъ лежала рѣзкая и грубая печать чисто-народныхъ иронiи, юмора и полемическихъ пріемовъ. Сатира была здѣсь преобладающею литературною формою. Сатира касалась здѣсь всего: нравственности, церкви, дворянства, двора, и уже въ «*Рейнеке Фуксѣ*» говорятся смѣлыя рѣчи про то, что «король и его бароны грабятъ и рѣжутъ и никто не смѣетъ имъ сказать правды; мелкихъ же воришекъ вѣшаютъ, оставляя большихъ управлять землею и замками» [8]). Сатирическіе листки, грубыя брошюры, полныя насмѣшекъ пасквили въ стихахъ и прозѣ противъ поповъ и дворянъ,— все это появилось въ Германіи гораздо ранѣе, чѣмъ Лютеръ и его сподвижники взялись за это

---

[7]) *R. Koenig*: „Deutsche Literaturgeschichte“. 1879. S. 224.—[8]) *G. Weber*: „Zur Geschichte des Reformations-Zeitalters“. Leipzig. 1874. S. 42—43.

оружіе, какъ бунты и союзы крестьянъ появились раньше, чѣмъ началъ свою пропаганду Мюнцеръ. Среди такого общества борьба Лютера съ католицизмомъ, пошатнутымъ уже въ глазахъ значительной части интеллигенціи и народа и гусситскими войнами, и скандалами людей вродѣ Борджіевъ, была одною изъ искръ, заброшенныхъ въ горючій матеріалъ, накопившійся въ теченіе многихъ вѣковъ умственнаго и общественнаго гнета. Самъ Лютеръ, конечно, не предвидѣлъ вполнѣ, до чего дойдетъ начатое имъ движеніе и какіе элементы примкнутъ къ нему. Ему приходилось не разъ открещиваться отъ многихъ людей, считавшихъ его своимъ союзникомъ и слышавшихъ отъ него съ горечью слова: «Покарай тебя Богъ, сатана!» Тѣмъ не менѣе, никто не подрывалъ въ глазахъ народа такъ страшно авторитета властей, какъ самъ Лютеръ въ первую эпоху своей реформаторской дѣятельности. Онъ полемизировалъ съ властями, какъ онъ полемизировалъ и съ учеными, на грубомъ языкѣ своего времени: «Короли созданы для народовъ; они должны искать только блага своихъ подданныхъ. Но они принадлежатъ только міру, а міръ врагъ Бога; они живутъ по правиламъ міра и противъ законовъ Бога. Съ начала исторіи очень рѣдко встрѣчается умный князь, еще рѣже князь честный и благородный. Обыкновенно это великіе глупцы и проклятые тунеядцы. Они служатъ Богу ликторами и палачами, когда онъ хочетъ нака-

зать злыхъ. Нашъ Господь—могущій властитель, ему нужны благородные, славные, богатые палачи и ликторы, подобные существующимъ; онъ желаетъ, чтобы они жили въ изобиліи, въ богатствѣ и почестяхъ и чтобы ихъ всѣ страшились, Его божественной волѣ было угодно, чтобы мы называли его палачей милостивыми господами, чтобы мы пресмыкались у ихъ ногъ, чтобы мы были ихъ покорными слугами. Но эти палачи не умѣютъ сами по себѣ дойти до такого искусства, чтобы сдѣлаться добрыми пастырями. Чтобы властитель сдѣлался разумнымъ, честнымъ, христіаниномъ, это великое чудо, это драгоцѣнное свидѣтельство божественной милости, потому что обыкновенно случается такъ, какъ бывало съ евреями, которымъ Господь говорилъ: «Я далъ имъ царя во гнѣвѣ моемъ». Говоря такимъ образомъ о властителяхъ вообще, Лютеръ не менѣе грубо и дерзко относился и къ отдѣльнымъ личностямъ. Про Генриха VIII «Божіею немилостью короля Англіи» [9]), онъ говорилъ: «Онъ воплощенное безуміе, онъ лжетъ умышленно, онъ глупъ и тупъ и, кромѣ того, безстыденъ, какъ блудница». Герцога Георга Саксонскаго, какъ злѣйшаго врага реформъ, онъ называлъ «воплощеннымъ дьяволомъ, хуже фараона». Про всѣхъ своихъ властительныхъ противниковъ онъ замѣчаетъ: «Вотъ люди, которыхъ прежде назвали бы

[9]) Такъ озаглавлено сочиненіе Лютера, изданное въ 1521 году.

глупцами, нынче же нужно давать имъ титулы свѣтлостей и сіятельствъ» [10]). Замѣтимъ кстати, что эти грубости не мѣшали Лютеру быть другомъ коронованныхъ лицъ и не отталкивали этихъ особъ отъ него. Таково было тогда время, таковы были нравы. Но какъ бы то ни было, однѣ подобныя непозволительныя рѣзкости, доходя до народа въ формѣ летучихъ листковъ и брошюръ, способны были произвести броженіе въ умахъ, а поводовъ къ этому броженію было довольно и безъ того.

«Народъ страдалъ душой и тѣломъ: онъ былъ суевѣренъ и нищъ; нужно было уничтожить двойное рабство,—говорилъ одинъ изъ современныхъ намъ историковъ.—Думалъ-ли Лютеръ взяться за это дѣло? Нѣтъ, потому что въ этомъ революціонерѣ оставался живъ монахъ. Лютеръ желалъ видѣть свободнымъ христіанина,—человѣка онъ оставлялъ рабомъ» [11]). Лютеръ былъ, въ сущности, не болѣе, какъ теологъ, и оставался теологомъ [12]). Онъ во многихъ случаяхъ даже въ области теологіи доводилъ до крайнихъ предѣловъ свою осторожность и не безъ основательнаго расчета щадилъ внѣшній церковный порядокъ, что видно, напримѣръ, изъ его предостереженій, обращенныхъ ко многимъ духовнымъ

---

[10]) *F. Laurent*: „Etudes sur l'histoire de l'humanité Bruxelles. T. VIII, p. 506—507.—[11]) *L. Blanc*: „Hist. de la révolution française". 1847. T. I. p. 38.—[11]) *I. Шерръ*, стр. 289.

лицамъ, когда послѣднія стали въ 1520 и 1521 годахъ вступать въ браки [13]). Но въ то же время Лютеръ не могъ остановить дальнѣйшаго развитія имъ самимъ начатаго движенія, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Онъ походилъ на чародѣя, вызвавшаго демоновъ, но забывшаго слово заклинанія, необходимое для того, чтобы они снова исчезли. Это проклятіе всѣхъ реформаторовъ, идущихъ впередъ только до извѣстнаго предѣла. Лютеру приходилось поневолѣ бороться и съ папой, и со свѣтскими властями, не сочувствовавшими идеѣ реформаціи; такимъ образомъ, онъ самъ ронялъ въ глазахъ народа обаяніе этихъ властей и невольно толкалъ народъ къ той самой политической революціи, на которую онъ смотрѣлъ съ нескрываемымъ ужасомъ, боясь, что она въ своей всесокрушающей бурѣ погубитъ и его дѣло — дѣло всей его жизни. Онъ доводилъ свою миролюбивую осторожность до того, что даже во времена своего всемогущества, изъ нежеланія ссориться съ князьями и рыцарями, допускалъ многое неприглядное въ дѣлѣ употребленія церковныхъ имуществъ или протестовалъ противъ борьбы силой даже и тогда, когда это было крайне необходимо, какъ во времена Шмалькальденскаго союза [14]). Но никакіе его уступки и протесты, благоразумные и неблагоразумные, не могли уже остановить начавшагося урагана. Уже въ діалогѣ, написан-

[13]) *В. Шлоссеръ*. Т. IV, стр. 446.—[14]) Ibid., стр. 453, 379.

номъ однимъ изъ близкихъ Лютеру людей, говорится, что крестьяне полагаются на Зикингена, какъ на защитника Лютера и Гуттена противъ папы и духовенства. На это Зикингенъ отвѣчаетъ, что онъ постоитъ за святое дѣло. «Время близко, когда ложныхъ духовныхъ лицъ обуздаютъ; если Господь изберетъ его, Зикингена, онъ готовъ исполнить Божію волю». Тутъ же выражается надежда, что Зикингенъ, вставъ во главѣ войска, побѣдитъ антихриста. Но недовольство возбуждалось не однимъ католическимъ духовенствомъ; крестьяне волновались не изъ-за религіозныхъ вопросовъ: дворянство угнетало ихъ до послѣдней степени, какъ своихъ рабовъ. Когда этому народу сказали объ «евангельской свободѣ», онъ не могъ не признать ея за синонимъ освобожденія отъ всѣхъ тяготившихъ его обязанностей и учрежденій, являвшихся муками его существованія. Такимъ образомъ, если реформація и не призывала къ войнѣ крестьянъ, какъ говорятъ противники Лютера, то она давала сильный толчекъ движенію, указывала на новое направленіе этого движенія. Изъ мелкихъ бунтовъ ради личныхъ выгодъ движеніе превращалось теперь въ общее дѣло во имя высокихъ цѣлей [15]). Лютеръ, предчувствуя, до чего можетъ дойти дѣло, предостерегаетъ властителей: «Господа и правители, управляйте съ умѣренностью и справедливостью, такъ какъ ваши

[15]) *G. Weber*, *S.* 51—52. *Dietrich*, *S.* 13.

подданные не вынесутъ болѣе вашей тираніи; они не могутъ, они не хотятъ этого; нынѣшній міръ не міръ былыхъ временъ, когда вы ходили охотиться на людей, какъ на дикихъ звѣрей» [16]). Въ то же время, онъ говорилъ и крестьянскимъ депутатамъ: «Политическая власть иногда несправедлива, но это не касается васъ; вы не имѣете права противиться ей съ оружіемъ въ рукахъ; одинъ Богъ покараетъ виновныхъ, сдѣлавшихъ вамъ зло» [17]). Но властители не послушались; не послушался и народъ; чего не хотѣли дать сверху, то попробовали взять снизу. Народъ пошелъ по указанному пути; Лютеръ, остановившійся разсчетливо и вполнѣ сознательно на половинѣ дороги, былъ замѣненъ другими вожаками. Покуда онъ возставалъ, главнымъ образомъ, противъ догматовъ и обрядовъ католической церкви, въ Саксоніи явились воодушевленные, страстные проповѣдники, пошедшіе дальше его въ своихъ воззрѣніяхъ и требованіяхъ. Это были такъ называемые цвиккаускіе пророки. Ихъ проповѣдь началась среди сильно возбужденнаго народа, хранившаго въ душѣ память объ иныхъ религіозныхъ движеніяхъ, происходившихъ вокругъ него во имя одинаково дорогихъ для всѣхъ идей.

Что это были за идеи?

Величайшій принципъ, унаслѣдованный отъ

---

[16]) *F. Laurent*; VIII: S. 506.—[17]) *H. Ewerbeck*: „L'Allemagne et les allemandes. Paris, 1851, p. 333.

еврейства и легшій въ основу христіанства, это твердая вѣра въ прогрессъ, то-есть въ лучшее будущее на землѣ. Почти весь древній міръ оплакивалъ золотой вѣкъ, оставшійся гдѣ-то далеко позади насъ. Иногда являлись мыслители, отвергавшіе этотъ золотой вѣкъ въ прошломъ, подобно Лукрецію, превосходно нарисовавшему картину жизни первобытнаго человѣка [18]), но эти мыслители, не находя золотого вѣка въ прошломъ, не находили его и въ будущемъ. Христіанство вслѣдъ за еврействомъ, жившимъ вѣчными чаяніями лучшаго будущаго для себя на землѣ, провозглашало, что золотой вѣкъ находится въ грядущемъ, и этимъ самымъ побуждало человѣка стремиться къ этому свѣтлому грядущему. Во дни бѣдствій, когда нужна была какая-нибудь опора, чтобы не пасть духомъ отъ отчаянія, это ожиданіе золотого вѣка особенно сильно пробуждалось въ народѣ; тогда являлись пророки, возвѣщавшіе приближеніе желаннаго «тысячелѣтняго царства Божія», и люди, пытавшіеся проложить ему путь, осуществить его. Эти попытки и идеи сказывались въ цѣлой массѣ религіозныхъ движеній съ самаго начала христіанства; онѣ же сказывались и въ движеніи, возбужденномъ цвиккаускими пророками. Въ своихъ собраніяхъ эти люди проповѣдывали о скоромъ разрушеніи міра, о приближеніи страшнаго суда для истребленія нечести-

[18]) *Т. Лукрецій Каръ:* „О природѣ вещей". Пер. А. Клеванова. Москва, 1876 г., стр. 145 и слѣд.

выхъ и безбожныхъ, о томъ, что міръ очистится кровью и будутъ пощажены только добрые, а затѣмъ начнется царство Бога на землѣ и будутъ одно крещеніе, одна вѣра [19]). Народъ, страдавшій много и не разъ уже соединявшійся подъ знаменами возстанія то въ обществѣ «Башмака», то въ обществѣ «Бѣднаго Конрада», не могъ не откликнуться на эту странную, мистическую, но тѣмъ не менѣе, пламенную проповѣдь о приближеніи золотого вѣка. Кому плохо живется, тому страстно хочется вѣрить въ лучшее будущее. Кромѣ того, цвиккаускіе пророки нашли уже вполнѣ подготовленную почву: ихъ проповѣдь въ самой своей сущности не была чѣмъ-нибудь новымъ для народа, не могла поразить простыхъ людей неслыханною смѣлостью, такъ какъ она говорила то, что говорили раньше и другіе. Еще въ 1476 году молодой пастухъ Гансъ Бегеймъ, прозванный Иванушкой-Свистуномъ, найгрывавшій на своей дудкѣ на церковныхъ праздникахъ и на свадьбахъ, дошелъ до убѣжденія, что близится конецъ несправедливостямъ, сломалъ свою дудку и сталъ проповѣдывать въ вюрцбургской области про общее равенство и про свободу, про новое царство Господне, «гдѣ не будетъ ни князей, ни папы, никакихъ господъ и повинностей, гдѣ всѣ будутъ братья, каждый самъ себѣ будетъ зарабатывать насущный хлѣбъ и никто не

---

[19]) *В. Циммерманъ*: „Исторія крестьянскихъ войнъ въ Германіи". 1866 г. В. I, стр. 175—176.

будетъ желать имѣть больше, чѣмъ другіе». На его проповѣдь сошлось, какъ говорятъ, до 40,000 крестьянъ [20]). Епископъ вюрцбургскій Рудольфъ велѣлъ его схватить и сжечь, разогнавъ выстрѣлами десятитысячную толпу крестьянъ, пришедшихъ съ факелами освободить пророка [21]). То были времена короткихъ судовъ, короткихъ расправъ. Но идеи нельзя ни схватить, ни сжечь. Съ исходомъ второй половины XV столѣтія точно какая-то волшебная нить соединила всѣхъ крестьянъ, слышно было, что какіе-то люди ходятъ по деревнямъ и тайно носятъ разные грозные планы и рѣшенія [22]). Въ 1493 году эти планы и рѣшенія охватили жителей многихъ городовъ и стали явными: составившійся народный союзъ имѣлъ цѣлью преобразовать современный религіозный и политическій порядокъ, ограничить духовенство, отмѣнить духовный и роттвейльскій суды, дать общинамъ самоуправленіе, судъ присяжныхъ, право налагать самимъ на себя подати и т. д. [23]). Знаменитый крестьянскій «Башмакъ» (Bund-Schuh), поднятый, какъ знамя, говорилъ о тѣсномъ союзѣ всѣхъ крестьянъ; «какъ переплетались вмѣстѣ его завязки, такъ должны были переплестись между собою союзники» [24]). Когда крестьянскія движенія подавлялись въ Германіи, ихъ заговоры, союзы и возстанія основывались

---

[20]) *Dieterich*: „Der Bauernkrieg". Ulm, 1884. S. 15. [21]) *В. Циммерманъ*, стр. 2. — [22]) Ibid., стр. 3. — [23]) Ibid., стр. 16. — [24]) *H. Ewerbeck*, *S.* 305.

въ Швейцаріи, составляя одну неразрывную цѣпь, звенья которой доходятъ вплоть до появленія цвиккаускихъ пророковъ, не только не высказывавшихъ въ началѣ ничего особенно новаго въ сферѣ соціальныхъ и политическихъ воззрѣній, но не бывшихъ даже въ строгомъ смыслѣ этого слова иниціаторами въ дѣлѣ послѣдовавшихъ возстаній и бунтовъ. Эти возстанія и бунты были и тамъ, куда не достигало ихъ вліяніе. Они явились, главнымъ образомъ, только центромъ, къ которому примкнуло движеніе, и придали этому движенію особенную силу, поставивъ его на религіозную почву. Это всегда нужно имѣть въ виду, чтобы не впадать въ ошибку, въ которую впадаютъ многіе историки, изображающіе цвиккауцевъ иниціаторами всего движенія.

II.

Цвиккау—небольшой городокъ, раскинувшійся въ Рудныхъ горахъ Саксоніи. Кромѣ правящихъ классовъ и монаховъ, въ немъ была довольно значительная партія простого народа, рудокоповъ, суконщиковъ. Среди этой-то части населенія давно началось религіозное движеніе, направленное противъ католичества и, въ то же время, выражавшее недовольство направленіемъ реформаціи. Партія сначала не имѣла особенно ученыхъ пред-

ставителей, не высказывала ничего рѣшительнаго, не предпринимала ничего важнаго ни противъ папистовъ, ни противъ реформаторовъ. Какимъ путемъ она образовалась, кто были ея первые представители, что она проповѣдывала въ первое время,—все это остается и, вѣроятно, останется навсегда въ области смутныхъ и спорныхъ вопросовъ. Вліяній для зарожденія религіознаго броженія было много и, можетъ быть, даже пребываніе въ городѣ наглаго торговца мѣстами въ царствѣ небесномъ, Тецеля, не прошло безслѣдно для населенія. Не могло же въ самомъ дѣлѣ не наводить бѣдняковъ на мрачныя мысли сознаніе, что богатые за свои деньги могутъ откупиться даже отъ ада. Но какъ бы то ни было, большая часть ученыхъ и сами позднѣйшіе представители этой партіи признаютъ, что начало движенія лежитъ въ средневѣковомъ мистическомъ сектантствѣ и, въ частности, въ сектѣ вальденцовъ. Это, можетъ быть, отчасти вѣрно въ томъ отношеніи, что въ ученіи этихъ сектантовъ было много общаго съ ученіемъ вальденцовъ. Но началось движеніе, вѣроятно, вслѣдствіе болѣе близкихъ причинъ: броженіе тогда было повсемѣстное, какъ мы уже сказали, и выражалось оно и въ бунтахъ крестьянъ, и въ религіозныхъ сектахъ, многіе представители которыхъ скрывались въ Богеміи. На связь съ Богеміей указываетъ уже то, что городское правительство въ Цвиккау, назначивъ потомъ слѣдствіе противъ возникшей въ городѣ

партіи, прямо приписываетъ ея заблужденія «богемскому происхожденію» [25]).

Первыми вожаками этой партіи были люди, оставившіе по себѣ мало слѣдовъ въ исторіи. Однимъ изъ главныхъ называютъ Николая Шторха, простого суконщика, очень сильно вліявшаго на народъ. «Это былъ человѣкъ набожный и святой, — по словамъ одного изъ древнихъ историковъ анабаптизма, Вагнера, —не дозволявшій себѣ роскоши въ жизни; его блестящіе глаза и спокойное лицо невольно располагали въ его пользу всякаго, кто имѣлъ съ нимъ дѣло; обращеніе его съ людьми было просто и открыто; сила его слова была такъ могущественна, какъ будто онъ имѣлъ въ себѣ Духа Божія». Мюнцеръ говоритъ про него съ большимъ уваженіемъ, замѣчая, что «онъ зналъ священное писаніе лучше всякаго священника и истинѣ, проповѣдываемой имъ, присущъ Духъ Святой» [26]). Шторхъ доходилъ до экстаза въ своей проповѣди; пророческія видѣнія составляли исходный пунктъ его дѣятельности. За Шторхомъ слѣдуетъ назвать Марка Штюбнера, бывшаго студентомъ Виттенбергскаго университета. Онъ былъ сначала восторженнымъ слушателемъ Лютера, упивался первыми произведеніями реформатора, потомъ, подобно многимъ людямъ того времени, пошелъ далѣе, куда вело его

---

[25]) *Erbkam*: „Gesch der protestant. Sekten". Hamburg und Gotha, 1848. S. 490.—[26]) *Вишняковъ*: „Общество анабаптистовъ" (*Православное Обозрѣніе* 1861 года, № 11, стр. 364).

логическое развитіе идей Лютера. Третьимъ вожакомъ цвиккаускихъ сектантовъ является Маркъ Ѳома, суконщикъ и мало образованный человѣкъ. Далѣе говорится, что сектанты-вожаки имѣли двѣнадцать апостоловъ и семьдесятъ двухъ учениковъ. Вотъ все, что можно сказать о первыхъ цвиккаускихъ пророкахъ. За послѣдователями цвиккаускихъ пророковъ упрочилось названіе «анабаптистовъ-перекрещенцевъ», такъ какъ всѣ они отрицали значеніе крещенія безсознательныхъ младенцевъ и большинство изъ нихъ требовало перекрещиванія взрослыхъ. Названіе это едва-ли можно признать удачнымъ и сами сектанты называютъ себя «баптистами», «крещеными христіанами», «вѣрными», «народомъ избраннымъ», «новымъ израилемъ», но не «перекрещенцами». Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Ѳома Мюнцеръ, вовсе не прекрещивались. Перекрещиваніе, кромѣ того, имѣло мѣсто только для тѣхъ, кто крестился въ дѣтствѣ, и съ теченіемъ времени для дѣтей перекрещенцевъ оно должно было уничтожиться, такъ какъ этихъ дѣтей перекрещенцевъ не крестили до совершеннолѣтія [27]). Вообще было бы трудно, если не невозможно, изложить въ стройномъ порядкѣ ученіе перекрещенцевъ первой эпохи, когда оно еще не успѣло улечься въ опредѣленныя застывшія формы: оно распадалось на множество различныхъ толковъ, противорѣчившихъ нерѣдко одинъ другому; оно,

[27]) *L. Keller*, S. 1. *В. Циммерманъ*. В. I, стр. 241.

какъ сама жизнь, постоянно развивалось и часто приходило къ безусловно противоположнымъ воззрѣніямъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о поднятіи меча противъ враговъ: сперва это признавалось страшнымъ грѣхомъ, потомъ, подъ вліяніемъ практики и опыта, это стало священнымъ долгомъ. Возможность всѣхъ противорѣчій среди перекрещенцевъ мы пояснимъ сразу, какъ только укажемъ на основное положеніе ихъ ученія: они признавали основаніемъ всего *Новый Завѣтъ* и руководствовались *Ветхимъ Завѣтомъ* настолько, насколько онъ не противорѣчилъ *Новому Завѣту;* но рядомъ съ этимъ они, подобно многимъ другимъ, предшествовавшимъ и послѣдующимъ сектамъ, признавали въ самыхъ широкихъ размѣрахъ внутреннее откровеніе. Они говорили: «Еслибъ Богъ хотѣлъ научить писаніемъ, онъ далъ бы библію прямо съ неба» [28]). Въ то же время, они хорошо помнили, что въ *Дѣяніяхъ святыхъ апостоловъ* сказано: «И будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, излію отъ Духа моего на всякую плоть; и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія; и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ» [29]). Вѣря на основаніи этого въ непосредственное откровеніе Божіе, они считали себя орудіями воли Божіей, способными пророчествовать, какъ пророчествовали древніе пророки. Вотъ почему у этой партіи не существовало и

[28]) *Hase*, S. 6.—[29]) „*Дѣянія святыхъ апостоловъ*“. II, 17.

законченныхъ положеній вѣроисповѣданія и также не существовало внѣшняго или внутренняго единства по всѣмъ вопросамъ, а былъ широкій произволъ для проповѣди отдѣльныхъ лицъ [30]). Уже въ XVI вѣкѣ ихъ насчитывалось до сорока различныхъ толковъ. Но анабаптисты, повидимому, и не гнались за единствомъ въ частностяхъ. Главною ихъ цѣлью было водвореніе на землѣ христіанскаго ученія и христіанской церкви апостольскихъ временъ. Въ богословскія тонкости они старались не вдаваться, ставя религію выше богословія и внутреннюю религіозность выше внѣшней обрядности. Вѣра, по ихъ убѣжденіямъ, должна состоять изъ упованія на милосердіе Божіе и изъ послушанія заповѣдямъ Христа. Вѣру безъ дѣлъ они признавали мертвою. Наслѣдственность грѣха они отрицали, такъ какъ Богъ создаетъ только доброе. Въ связи съ этимъ отвергалось и предопредѣленіе, а признавалась свободная воля. Не было бы ея—не было бы отвѣтственности за свои поступки. Этой свободной волѣ давался широкій просторъ и, по выраженію Буллингера, «они предоставляли каждому и думать, и вѣрить, какъ онъ хочетъ». При такомъ вѣроученіи духовенство дѣлалось излишнимъ. Кромѣ того, они считали не христіанскимъ дѣломъ полученіе жалованья или собираніе десятины за исполненіе священныхъ

---

[30]) *L. Keller*, S. 4. *K. Hase*, S. 9.

обязанностей. Въ этомъ сказывалось господствовавшее тогда недовольство ничтожнымъ и алчнымъ католическимъ духовенствомъ, возносившимъ молитвы за грѣшниковъ за извѣстную плату и безъ застѣнчиво торговавшимъ мѣстами въ царствѣ Божіемъ: служи обѣдни—спасенъ будешь.

Проповѣдь цвиккаускихъ пророковъ на первыхъ же порахъ произвела немалый переполохъ, увлекая простой народъ, пугая состоятельные классы. Гоненія не заставили себя ждать: не такое было тогда время, чтобы смотрѣть спокойно на зарождавшуюся въ народѣ секту. Всѣ чувствовали себя и безъ того нехорошо, не безопасно. Шторхъ и его единомышленники должны были благодарить судьбу и за то, что съ ними не поступали такъ, какъ поступали еще не особенно давно съ ихъ предшественниками. У многихъ были въ памяти костры, на которыхъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ жгли живыми разныхъ фанатиковъ въ Нордгаузенѣ, Ашерслебенѣ, Зондергаузенѣ, Гейденѣ и т. д. Цвиккаускіе пророки были только изгнаны изъ роднаго города, причемъ нѣкоторымъ пришлось предварительно посидѣть въ тюрьмѣ. Быть можетъ, это изгнаніе было большою политическою ошибкой со стороны властей. Пророки, изгнанные изъ города, разсѣялись въ разныя стороны, то-есть понесли свое ученіе изъ маленькаго Цвиккау въ широкій міръ.

Это было въ 1521 году.

Въ числѣ ушедшихъ на проповѣдь былъ и Ѳома Мюнцеръ, уже успѣвшій примкнуть къ новымъ сектантамъ. На этой крупной исторической личности мы и должны остановиться здѣсь.

III.

Ѳома Мюнцеръ былъ единственнымъ сыномъ не особенно бѣдныхъ родителей [31]). Онъ родился въ домѣ Генриха Оппенмана въ Штольбергѣ у подножія Гарца въ 1490 году [32]).

Про дѣтство Мюнцера нечего сказать: оно совершенно неизвѣстно. Конечно, обладая богатою фантазіей, можно не только утверждать, какъ достовѣрный фактъ, извѣстіе о повѣшеніи жестокимъ графомъ Штольбергомъ отца Мюнцера на

---

[31]) *J. Seidemann*: „Thomas Münzer". Eine Biographie. Dresden und Leipzig, 1842. S. I. Ссылающіеся очень часто на Зейдемана авторы говорятъ, что родители Мюнцера были бѣдны. Зейдеманъ говоритъ: „Nicht ganz unbemittelt". Въ другомъ мѣстѣ Зейдеманъ говоритъ, на основаніи одного, къ сожалѣнію, испорченнаго письма Мюнцера, что „мать Мюнцера достаточно принесла съ собою въ Штольбергъ". Еще далѣе у Зейдемана говорится, что „Мюнцеръ наслѣдовалъ послѣ матери много домашняго скарба" (стр. 1, 17).—[32]) *В. Циммерманъ* говоритъ (В. I, стр. 169), что онъ гдѣ-то читалъ, что Мюнцеръ родился въ 1493 г. Вейль относитъ время рожденія Мюнцера къ 1498 г. (*A. Weill*: „Der Bauernkrieg". 1847. S. 135).

глазахъ десятилѣтняго ребенка, но и толковать о томъ, какое страшное впіяніе произвело это событіе на впечатлительнаго мальчика, пробудивъ въ немъ съ дѣтства ненависть къ аристократамъ. Но исторія не сказка и крайне сомнительный слухъ не приходится возводить на степень достовѣрнаго факта. Даже передающій этотъ слухъ Зейдеманъ, главный біографъ Мюнцера, указывая на источникъ, откуда взято это свѣдѣніе, относится къ нему съ сомнѣніемъ [33]). То же говоритъ и Циммерманъ, совершенно вѣрно замѣчая, что Мюнцеръ непремѣнно указалъ бы на этотъ вопіющій фактъ въ своихъ прокламаціяхъ къ народу, еслибъ этотъ фактъ дѣйствительно существовалъ [34]). Еще бы! Мюнцеръ пользовался всѣмъ, что могло возбудить въ народѣ ненависть къ тогдашнему дворянству. Историки, признающіе слухъ о повѣшеніи отца Мюнцера за дѣйствительный фактъ, хотятъ отчасти объяснить этимъ послѣдующую дѣятельность Мюнцера. Можетъ быть, эти же цѣли заставляютъ ихъ заявлять, что родители Мюнцера были «бѣдны» и

---

[33]) *J. Seidemann.* S. I: „Отецъ Ѳомы Мюнцера былъ похищенъ преждевременною смертью. Не заслуживаетъ довѣрія молва, будто графы Штольбергъ повѣсили его, почему впослѣдствіи сынъ, какъ мститель за поруганіе отца, напалъ со своими крестьянами на графство, чтобы присвоить себѣ послѣднее". Этотъ слухъ распространялся двумя сочиненіями, враждебными Мюнцеру. Авторъ одного изъ нихъ говоритъ, что онъ „это слышалъ отъ Меланхтона".—[34]) *В. Циммерманъ.* В. I, стр. 169.

даже «очень бѣдны». Но едва-ли можно назвать удачнымъ это стремленіе. Люди, подобные Мюнцеру, вообще не нуждаются въ личныхъ страданіяхъ, чтобы сдѣлаться революціонерами, и жажда мести за личныя обиды менѣе всего является побудительною причиной ихъ дѣятельности. Въ тѣ же времена въ подобныхъ побудительныхъ причинахъ къ революціонной дѣятельности не нуждались даже и менѣе увлекающіеся и страстные люди, такъ какъ возбужденіе носилось въ воздухѣ; оно было въ толкахъ народа, въ преніяхъ ученыхъ, въ литературныхъ листкахъ, и Мюнцеръ, вѣроятно, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, съ пеленъ слышалъ повсемѣстные отголоски протестовъ и озлобленія. Крайне мало сохранилось извѣстій и о юности Мюнцера: о ней мы знаемъ почти одно то, что онъ высказалъ самъ на мучительномъ допросѣ передъ своею смертью [35]). Изъ этихъ показаній все же можно видѣть, что это была за личность.

Онъ былъ коллабораторомъ въ Аштерслебенѣ и Галле. Уже здѣсь онъ устроилъ тайный заговоръ противъ тогдашняго магдебургскаго архіепископа Эрнста II. Это обстоятельство, относящееся ко времени до 1513 года, то-есть до года смерти Эрнста II, показываетъ, что уже въ ранней молодости въ Мюнцерѣ была склонность къ агитаторской дѣятельности. Также рано пробудилась

---

[35]) *Erbkam*: „Thomas Müntzer“ („Real-Encyclopoedie von Herzog und Plitt“. X. S. 365).

въ немъ лихорадочная неусидчивость, страстная жажда найти подходящую дѣятельность. Изъ Галле онъ быстро перебирается въ Лейпцигъ для изученія богословія; въ 1515 году онъ является какъ magister artium и баккалавръ богословія и получаетъ въ качествѣ богослова мѣсто въ Фрозенѣ близъ Ашерслебена; потомъ въ 1517 году онъ дѣлается учителемъ въ брауншвейгской гимназіи Мартина и въ томъ же году снова возвращается въ Штольбергъ; въ 1519 году онъ хлопочетъ уже въ Лейпцигѣ о новомъ мѣстѣ, его опредѣляютъ капелланомъ и исповѣдникомъ въ монастырь бернардинскихъ монахинь въ Бентицѣ близъ Вейсенфельса; но и это положеніе не удовлетворяетъ его и онъ въ началѣ 1520 г. вступаетъ въ переговоры съ магистратомъ въ Цвиккау, гдѣ ему и даютъ мѣсто проповѣдника въ главной городской церкви св. Маріи. Съ первой же проповѣди здѣсь его имя получаетъ громкую извѣстность, пріобрѣтая ему и друзей, и враговъ. Проповѣдь была произнесена въ воскресный день на текстъ: «просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, стучите и отверзется». Здѣсь, въ Цвиккау, сразу обнаруживается настоящій Мюнцеръ, народный вождь, боецъ-агитаторъ, демагогъ. Страстно воспламененный реформаціей, еще слѣпо вѣрящій въ Лютера, онъ на первыхъ же порахъ вступаетъ въ Цвиккау въ борьбу съ богатыми и сильно нищенствующими монахами. На его сторонѣ были симпатіи народа, такъ какъ гор-

дость и алчность монаховъ давно уже вызывали ропотъ среди низшихъ классовъ. Онъ говорилъ, что «это слѣпые пастыри слѣпыхъ овецъ, которые во время своихъ безконечныхъ молебствій успѣваютъ прибрать къ рукамъ имущество вдовъ и у одра умирающихъ думаютъ не о религіи, а объ удовлетвореніи своей ненасытной алчности». Ненавистные народу монахи сдѣлали, на свою бѣду, ошибку и въ отвѣтъ на проповѣди Мюнцера, ссылавшагося на *Евангеліе*, говорили съ каѳедры, что тотъ «дурно проповѣдуетъ, кто проповѣдуетъ только *Евангеліе*, такъ какъ этимъ онъ противорѣчитъ всѣмъ человѣческимъ установленіямъ, которыя должно соблюдать прежде всего. *Евангеліе* требуетъ многихъ дополненій; не должно жить только по *Евангелію:* если-бы смотрѣть на евангельскую бѣдность, то князья и графы не могли бы присваивать себѣ мірскія сокровища; какъ пастырямъ душъ, имъ пришлось бы быть бѣдными и нищими» [36]). Въ этомъ спорѣ Мюнцеръ еще готовъ былъ подчиниться наумбургскому епископу и обращался за совѣтомъ къ Лютеру, котораго онъ считалъ покуда «образцомъ и свѣточемъ друзей Божіихъ». Едва кончился этотъ споръ, какъ началась въ половинѣ 1520 г. другая борьба къ докторомъ богословія Іоганомъ Виденауеромъ или, какъ его звали, согласно обыкновенію того времени, по мѣсту рожденія, Еграномъ. Егранъ служилъ въ церкви св. Маріи еще

[36]) *Е. Циммерманъ*, I, стр. 170.

до Мюнцера и вращался, главнымъ образомъ, среди аристократіи. Это былъ типичный «свѣтскій» проповѣдникъ; пустой и тщеславный, презрительно смотрѣвшій на невѣжество монаховъ и игравшій роль священника-аристократа, гуманистъ на словахъ и далеко не безупречный по жизни, сочувствовавшій реформаціи, но понимавшій въ узкомъ смыслѣ разныя церковныя реформы. Мюнцеръ вступилъ съ нимъ въ ожесточенную открытую борьбу, перешедшую тоже на церковныя каѳедры, такъ сказать, на гласный судъ народа. Это было въ духѣ той эпохи. Народъ сразу понялъ, что Мюнцеръ является вовсе не реформаторомъ въ одной области богословія, а защитникомъ правъ низшихъ классовъ, политическимъ борцомъ, и примкнулъ къ нему, тогда какъ аристократія стала на сторону Еграна. Сойдясь въ это время съ Николаемъ Шторхомъ, Мюнцеръ сталъ уже во главѣ значительной партіи, требуя чисто-соціальныхъ реформъ. Егранъ долженъ былъ уѣхать изъ города, но спокойствіе отъ этого не возстановилось. Перейдя изъ церкви св. Маріи въ церковь св. Екатерины, Мюнцеръ продолжалъ громить духовныхъ лицъ за ничтожество; теперь его жертвой былъ Николай Гоферъ. Гоферъ бѣжалъ и подалъ жалобу на Мюнцера. Послѣдняго власти позвали къ отвѣту, но онъ съ каѳедры началъ обличать и ихъ. Тогда его отставили отъ мѣста. Онъ соединился окончательно съ ткачами, окружавшими Шторха, и дѣло дошло

чуть не до настоящаго возстанія. Мюнцеръ, можетъ быть, и не особенно вѣрилъ тогда въ откровенія и пророчества своихъ добрыхъ друзей и едва ли раздѣлялъ всѣ ихъ мистическія воззрѣнія. Недаромъ же послѣдующіе перекрещенцы не причисляютъ его къ отцамъ секты. Но эти ткачи были нужны ему, какъ сила для борьбы, съ самаго начала своего существованія уже угрожавшая порядку въ Цвиккау. Разыгралась исторія, окончившаяся изгнаніемъ пророковъ; съ ними покинулъ городъ и Мюнцеръ. Въ маріинскую церковь былъ назначенъ дѣятельный и строгій проповѣдникъ Николай Гаусманъ, возстановившій кое-какъ порядокъ. Это назначеніе было сдѣлано по совѣту Лютера [37]).

Изъ этихъ голыхъ фактовъ можно уже отчасти понять, что за личность былъ Мюнцеръ.

Натуры, лишенныя самобытности, энергіи и страстности, проходятъ жизненный путь довольно ровно, если и не мирясь съ выпавшимъ имъ на долю положеніемъ, то подчиняясь ему: онѣ могутъ всю жизнь тянуть одну лямку, вертѣться въ бѣличьемъ колесѣ, переливать изъ пустого въ порожнее, если именно это имъ опредѣлено судьбою. Не таковы натуры самобытныя, энергичныя и страстныя: только при самой счастливой случайности, при совпаденіи ихъ наклонностей съ выпавшею на ихъ долю дѣятельностью, ихъ жизнь слагается правильно и гармонично, по большей же

[37]) *Erbkam* („R.-E. von Herzog“. X. S. 367).

части онѣ мечутся въ разныя стороны, рвутся изъ отмежеванныхъ имъ судьбою границъ, тревожно хватаются за сотни дѣлъ, нока не нападутъ на дѣятельность, вполнѣ отвѣчающую ихъ призванію. Такимъ «безпокойнымъ» человѣкомъ былъ и Мюнцеръ. Онъ принималъ на себя различныя обязанности, можетъ быть, для того, чтобы оказать матеріальную поддержку семьѣ, можетъ быть, потому, что считалъ сначала эти обязанности подходящими для себя,—этого мы не можемъ опредѣлить съ достовѣрностью. Но вѣрно то, что каждое принятое имъ мѣсто оказывалось ему не по натурѣ, дѣятельность казалась узкою и онъ метался съ одного мѣста на другое, пріобрѣтая славу неуживчиваго человѣка. Въ Цвиккау онъ разомъ становится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по натурѣ,—вождемъ народа. Роль учителя, роль духовника, роль проповѣдника въ церкви не могли его удовлетворить. Онъ видѣлъ, что нужна болѣе широкая дѣятельность, чтобы помочь народу. Какъ страдалъ этотъ народъ,—онъ зналъ это хорошо, такъ какъ нужно было быть слѣпымъ и глухимъ въ то время начинавшейся борьбы, возстаній и смутъ, чтобы не знать этого; онъ горячо принималъ къ сердцу положеніе этого народа, какъ принимали это къ сердцу тогда лучшіе люди, какъ могъ принимать это къ сердцу молодой, честный, добрый и пылкій человѣкъ, какимъ и былъ тогда Мюнцеръ. Именно въ эту эпоху своей жизни Мюнцеръ началъ все болѣе и болѣе глубоко сомнѣ-

ваться въ Лютерѣ, не дѣлавшемъ ни шагу къ реформамъ, которыя, по мнѣнію Мюнцера, были необходимы христіанамъ, нуждавшимся въ полномъ преобразованіи государства и церкви. По мнѣнію Мюнцера, главная ошибка Лютера была въ томъ, что для него вѣра все, а дѣла ничто. «Эта проповѣдь мертвой вѣры,—говорилъ онъ,—вреднѣе, чѣмъ ученіе папистовъ». Впослѣдствіи самъ Лютеръ писалъ: «Это ученіе объ оправданіи вѣрою заслуживаетъ сердечной благодарности; по немъ должно исправиться и жить благочестиво; къ сожалѣнію, выходитъ наоборотъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Прежде людьми владѣлъ одинъ дьяволъ, а теперь цѣлыхъ семь. Люди стали скупѣе, хитрѣе, себялюбивѣе, немилосерднѣе, развратнѣе, наглѣе и злѣе, чѣмъ при папствѣ». Но чтобъ придти къ этому взгляду, Лютеру нужно было прожить еще годы и увидать на практикѣ то, что уже предвидѣлъ Мюнцеръ. Мюнцеръ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости разрушить старую церковь до основанія и уничтожить всѣ существовавшія государственныя отношенія; Лютеръ же въ то время боялся еще снять рясу и надѣть пасторское облаченіе, боялся сдѣлать перемѣны въ богослуженіи, боялся браковъ духовныхъ лицъ,—однимъ словомъ, всего того, что постепенно вводилось помимо его и что онъ потомъ только санкціонировалъ [38]). Мюнцеръ не признавалъ полумѣръ и починокъ, когда была нужна

[38]) *Ф. Шлоссеръ*, стр. 446, 453.

перестройка; Лютеръ же какъ бы говорилъ: «Отрицай то, что уже отрицаю я, и не касайся до того, до чего еще не считаю нужнымъ касаться я»,—новый папа уже сказывался въ немъ. Видя кажущуюся непослѣдовательность Лютера, Мюнцеръ принялся еще усерднѣе за богословскія занятія. Поэтъ и эксцентрикъ, въ которомъ чувствительность и воображеніе преобладали надъ обширнымъ умомъ, Мюнцеръ читалъ преимущественно исторіи о мужчинахъ и женщинахъ, которымъ приписывались лицезрѣніе Бога и тайныя откровенія. Особенное вліяніе имѣлъ на него, кромѣ мистика Таулера, пророкъ двѣнадцатаго вѣка, калабріецъ аббатъ Іоахимъ, тоже говорившій о близости суда Господня, о наступленіи царства духа, когда водворятся любовь, радость и свобода, о погибели книжной учености и торжествѣ духа надъ буквой и т. д. [39]). Духъ сомнѣнія сталъ усиливаться въ Мюнцерѣ. Онъ уже говоритъ: «Мы, тѣлесные люди, должны быть богами черезъ сдѣлавшагося человѣкомъ Христа и научены и обожествлены имъ самимъ; мы превратимся въ него самого и земная жизнь сольется съ небесной». «Библія ничто безъ живого внутренняго откровенія Божія». «Она можетъ замѣнить всѣ законы, но нуженъ новый Даніилъ для ея изложенія, который, какъ Моисей, сталъ бы во главѣ народа». «Бывшіе до настоящаго времени проповѣдники евангелія являлись только

[39]) *В. Циммерманъ*, I, стр. 172.

учеными, придерживавшимися буквы писанія». «Смотрите, что вы проповѣдуете, иначе ваша теологія не будетъ стоить ни гроша. Нужно искать внутренняго откровенія» [40]). Вѣра въ откровеніе дошла мало-по-малу у Мюнцера до фанатизма; онъ началъ считать себя человѣкомъ, который не только удостаивается Богомъ святыхъ его откровеній, но который самъ можетъ заставить Бога дать желаемое откровеніе. «Удалившись въ уединенное мѣсто,—говоритъ Мюнцеръ,—размышляй о Богѣ, о томъ, что онъ есть самъ по себѣ, что по отношенію къ намъ, принимаетъ ли онъ какое-нибудь участіе въ нашемъ положеніи и заботится ли сколько-нибудь о насъ? Размышляй о томъ, ради ли насъ пострадалъ Іисусъ Христосъ и спасъ ли онъ насъ, или мы еще находимся подъ гнетомъ бѣдствій и грѣха? Размышляй о томъ, наша ли вѣра истинная, или вѣра турокъ, язычниковъ и іудеевъ? Потомъ, когда думы эти начинаютъ волновать тебя, требуй у Бога знаменія, разрѣшенія твоихъ вопросовъ и успокоенія. Если Богъ такого знаменія скоро не дастъ, тогда не только не нужно отступать отъ него, но, напротивъ, еще настоятельнѣе требовать, сердиться на него, роносить, укорять въ неправосудіи. Самъ же онъ обѣщалъ намъ спасти всякаго, желающаго спастись, учить насъ истинѣ и добру, и всегда давать просимое. Какъ же онъ можетъ отказывать въ знаменіи сердцу, ко-

[40]) *Hase*, S. 17, 18.

торое жаждетъ познанія о немъ? Если бы Богъ на самомъ дѣлѣ отказалъ тебѣ въ этомъ знаменіи, онъ рѣшительно не заслуживалъ бы вниманія къ себѣ со стороны человѣка. Тотъ Богъ — не Богъ, который не бесѣдуетъ съ нами, какъ съ Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ...» [41]). Въ этомъ отношеніи Мюнцеръ былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка. Онъ вѣрилъ въ свои непосредственныя бесѣды съ Богомъ такъ же твердо, какъ Лютеръ искренне вѣрилъ, что дьяволъ, о которомъ онъ не мало говорилъ въ застольныхъ бесѣдахъ, «спитъ гораздо ближе къ нему, чѣмъ его Катя» [42]).

Таковъ былъ Мюнцеръ, таковы были событія въ Цвиккау въ то время, когда цвиккаускіе пророки были изгнаны изъ своего родного города, чтобы разнести по свѣту свое ученіе.

IV.

Цвиккаускіе пророки появились въ Виттенбергѣ и произвели неслыханный переполохъ. Чтобы понять всю сущность происшедшаго, необходимо нужно поближе познакомиться съ тѣмъ, что и какъ сѣяли эти сѣятели новаго ученія, а

---

[41]) *Вишняковъ*: „Общество анабаптистовъ и меннонистовъ“ (*Православное Обозрѣніе* 1861 г. № 1, стр. 359). — [42]) *G. Freitag*: „Aus demJahr hundert der Ref.“ Leipzig, 1883. S. 118, 134 u. ff.

также и съ тою почвой, куда должно было быть брошено сѣмя ихъ ученія.

Хороши или дурны были вожаки воинствовавшаго перекрещенства — это мы увидимъ ниже. Здѣсь же мы должны только замѣтить, что всѣ эти люди,—дѣйствовавшіе теперь Шторхъ, Мюнцеръ и явившіеся въ послѣдующія времена Книппердолинкъ, Іоганнъ Бокгольдъ,—были не исключеніями, не выродками среди первыхъ перекрещенцевъ, какъ желаютъ увѣрять нѣкоторые изслѣдователи [43]); эти люди оказались только послѣдовательными и, не останавливаясь на одной теоріи, довели ученіе до его логическихъ выводовъ, насколько могутъ быть вполнѣ логическими выводы тамъ, гдѣ признается непосредственное откровеніе и пророческія способности всѣхъ и каждаго.

Въ чемъ же должны были заключаться дѣла, безъ которыхъ вѣра мертва?

Мы имѣемъ отрывочныя указанія на проповѣдь перекрещенцевъ въ этомъ смыслѣ. Одна партія высказывала суровыя правила относительно ѣды, питья, сна, одежды; она радовалась, когда терпѣла насиліе, и считала жизнь тяжелымъ гнетомъ; встрѣчая веселыхъ людей, она говорила: «горе вамъ, смѣющимся теперь, такъ какъ скоро вы будете плакать и стонать» [44]). Это были проповѣдники только суроваго аскетизма, строгіе къ другимъ и къ себѣ, воздержан-

[43]) *Keller*, S. 2. — [44]) *K. Hase*, S. 12.

ные и трезвые. Другіе смотрѣли на дѣло шире и говорили, что «истинные христіане не нуждаются во властяхъ, такъ какъ законъ данъ только для неправыхъ и непослушныхъ; для тѣхъ, кто охотно исполняетъ долгъ справедливости и слѣдуетъ всѣмъ заповѣдямъ Божіимъ, государство съ его исправительными средствами и наказаніями является зломъ; это зло нужно выносить, покуда рядомъ съ вѣрующими и праведниками живутъ невѣрующіе и невѣрные; покуда власти существуютъ, «братья» должны имъ повиноваться и терпѣть преслѣдованія, какъ училъ Христосъ; но самимъ вѣрующимъ не позволяется принимать на себя какія-нибудь обязанности власти: никто изъ нихъ не долженъ, какъ представитель государства, поднимать мечъ». Далѣе говорилось, что между вѣрующими и невѣрующими не должно быть сношеній, торговли, общенія, а тѣмъ болѣе браковъ; вѣрующіе не должны были судиться; въ военной службѣ не могъ состоять вѣрующій; запрещалась ему также присяга [45]). Вѣрующіе не должны были клясться. Суды, военную службу, присягу, клятвы,—все это уже пробовали не разъ отрицать представители различныхъ сектъ и не только послѣ введенія христіанства, руководившагося иногда тѣми или другими положеніями *Новаго Завѣта*, но и гораздо ранѣе. Никто только изъ представителей этихъ ученій не говорилъ, какъ это исполнить на практикѣ. Не

[45]) *L. Keller*, S. 11.

нужно быть особенно дальновиднымъ, чтобы понять, что всѣ подобныя запрещенія, какъ запрещенія военной службы, присяги и тому подобнаго, или должны были остаться праздными фразами, или повести къ революціи. Нельзя же представить себѣ, чтобъ государство допустило спокойно въ своей средѣ существованіе подобныхъ отрицателей, освобождавшихъ себя отъ того, что считаютъ за долгъ, отъ чего не могутъ безнаказанно отказаться другіе граждане. Сами граждане, несущіе извѣстныя повинности и тяготы, въ концѣ концовъ, возмутились бы противъ подобныхъ сектаторовъ, сознавая, что за каждаго отказавшагося отъ военной службы, придется служить другому, за каждаго, отказавшагося отъ исполненія судебныхъ обязанностей, придется отправлять ихъ другому, и т. д. Относительно имущества ученіе перекрещенцевъ, между прочимъ, говорило: «христіанинъ не долженъ имѣть никакой собственности, но среди христіанъ должна существовать общность имуществъ, такъ какъ это было въ апостольскія времена». Одного этого положенія достаточно, было, чтобы повести въ ту смутную эпоху тоже къ революціи со всѣми ея крайностями и ужасами, то есть вызвать, съ одной стороны, ненависть къ перекрещенству состоятельныхъ классовъ общества, а съ другой—возбудить низкія страсти въ голодающей и разнузданной массѣ. Правда, уже съ самаго начала секты нѣкоторые ея члены пугливо прибав-

ляли къ фразѣ о необходимости общности имуществъ слова: «насколько это возможно», но за то другіе смѣло прибавляли къ этой же фразѣ слова: «во что бы то ни стало» [46]). Первые вмѣняли себѣ на практикѣ въ обязанность только оказывать другъ другу взаимную помощь; вторые готовы были поднять оружіе, чтобы заставить богачей раздѣлить имущество съ бѣдняками. Здѣсь надо опять замѣтить, что первые являлись, въ сущности, пустыми фразерами, забавляющимися произнесеніемъ громкихъ и ни къ чему не обязывающихъ словъ, тогда какъ вторые стремились къ послѣдовательности, какъ и должно людямъ, исповѣдующимъ принципъ, что вѣра мертва безъ дѣлъ, то-есть сознающимъ, что нужно не разговаривать, а дѣйствовать. Народъ, конечно, долженъ былъ примкнуть во время, бурнаго движенія къ послѣднимъ. Къ проповѣдующимъ воду и пьющимъ вино послѣдователи не примыкаютъ. Народъ-же въ то время, какъ мы уже видѣли, соединялся и до перекрещенцевъ въ союзы во имя тѣхъ-же революціонныхъ идей.

Говоря о взглядахъ перекрещенцевъ на общность имуществъ, Газе замѣчаетъ: «Они понимали общность имуществъ не въ коммунистическомъ смыслѣ зависти и алчности, а въ смыслѣ ничтожества собственности вообще и въ смыслѣ

---

[46]) Ibid., S. 11 — 13.

любви, не желающей имѣть ничего лично для себя; они признавали собственность не кражей, но грѣхомъ». [47]) Этотъ же взглядъ высказываютъ и другіе писатели, Циммерманъ, Вейль. Если это и вѣрно, то вѣрно только для извѣстной части перекрещенцевъ того времени, когда люди, возбужденные страстные, фанатизированные, были склонны ко всякимъ крайностямъ, а не къ трусливымъ полумѣрамъ. Недаромъ же нѣкоторые изъ анабаптистовъ заходили даже такъ далеко, что признавали общность женъ и слова: «дай просящему» переводили словами: «отдай себя просящему» [48]). Въ вопросѣ объ общности имущества, какъ его ставили перекрещенцы, мы видимъ зародыши того, что логично развилось въ проповѣди Мюнцера до крайнихъ иредѣловъ, до прямыхъ угрозъ. Если въ проповѣди Мюнцера слышалось стремленіе обновить ветхаго человѣка, образовать истиннаго христіанина не по внѣшности, а по духу, то рядомъ съ этимъ явилось и сознаніе глубокихъ матеріальныхъ бѣдствій простого народа, мѣшающихъ духовному обновленію этой массы. Бѣдный иростой народъ въ тѣ страшныя времена всякихъ несправедливостей, отягощенный невыносимыми податями и повинностями, отдающій господамъ все добытое имъ цѣною пота и крови, гибнущій въ нищетѣ и работѣ, среди заботъ о кускѣ насущнаго хлѣба, не могъ

---

[47]) *K. Hase*, S. 14.—[48]) Ibid., S. 13.

возвыситься до вѣры, до Бога: ему некогда было и думать. Это понимали многіе изъ передовыхъ людей того времени, но именно Мюнцеръ задумалъ измѣнить этотъ порядокъ дѣлъ. И вотъ ожесточенно и безпощадно, совершенно въ духѣ того грубаго и воинственнаго времени нападаетъ на сильныхъ міра сего, какъ нападалъ на нихъ и Лютеръ, съ тою только разницей, что въ нападкахъ Мюнцера страшна уже не одна форма, а и сущность. Лютеръ бранилъ ихъ, Мюнцеръ возмущаетъ противъ нихъ. «Посмотрите,—пишетъ онъ, главные представители, наши князья и господа, берутъ все въ собственность; рыба въ водѣ, птица въ воздухѣ, растеніе на землѣ,—все это должно принадлежать имъ. Потомъ они же распространяютъ между бѣдняками заповѣдь Божію: «не укради». И если они у бѣднаго земледѣльца или ремесленника грабятъ и отнимаютъ все существенное на землѣ, то онъ за захватъ имъ ничтожнѣйшей вещи будетъ ими повѣшенъ. Господа дѣлаютъ все, чтобы простой человѣкъ сталъ ихъ врагомъ. Причины возмущенія они не хотятъ уничтожить, чего же хорошаго можно ожидать въ будущемъ? Говоря это, я уже являюсь возмутителемъ». Подобныя рѣчи не могли не дѣйствовать на народъ, тѣмъ болѣе, что онѣ исходили отъ такого человѣка, какъ Мюнцеръ. «Это былъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и симпатичныхъ людей реформаціонной эпохи,—говоритъ о немъ Циммерманъ,—онъ жилъ и умеръ какъ

юноша» [49]). «Это былъ, — замѣчаетъ о немъ Шлоссеръ,—серьезный, нравственный и даже, по свидѣтельству его злѣйшихъ враговъ, Лютера и Меланхтона, вполнѣ достойный уваженія человѣкъ» [50]). «Онъ, этотъ пророкъ революціи,—по выраженію Кауфмана,—стоялъ между аскетическимъ мистицизмомъ ревивалистовъ и строгою воздержанностью пуританъ» [51]). «Сводить на низкія побужденія каждое умственное направленіе, пробивающее, подобно Мюнцеру, путь безъ оглядки, съ разрушительною силой,—пишетъ Ал. Штернъ, — это значитъ унижать человѣческую природу. Мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что Мюнцеръ слѣдовалъ напору своихъ сокровеннѣйшихъ убѣжденій, когда онъ не оставлялъ камня на камнѣ, пробуя изъ развалинъ стараго общества создать новое. Въ его душѣ соединялись глубокое участіе къ нищетѣ низшихъ классовъ, яростная ненависть противъ существовавшихъ властей, жгучее честолюбіе и мистическая мечтательность. Тройной фанатизмъ, направленный противъ государства, общества и религіи, сошелся въ его душѣ и дѣлалъ его втройнѣ опаснымъ» [52]). Мы нарочно

---

[49]) *В. Циммерманъ*: „Исторія крестьянской войны въ Германіи". Спб., 1872 г. Т. I, стр. 168. — [50]) *Шлоссеръ*. „Всемірная исторія". Спб., 1865 Т. XII, стр. 33. — [51]) *Kaufmann*: „Socialism und Communism". London, 1883 г. P. 81.—[52]) *Al. Stern*: „Die Socialisten der Reformazionszeit". Berlin, 1883. S. 18—19.

привели эти отзывы о Мюнцерѣ людей разныхъ партій, чтобы показать, что всѣ они сходятся во мнѣніяхъ о немъ, какъ о нравственной личности. Его нравственная личность стоитъ внѣ всякихъ упрековъ и его ошибки, какъ мы увидимъ дальше, нужно искать не здѣсь. Но чѣмъ безупречнѣе онъ былъ въ отношеніи нравственномъ, тѣмъ сильнѣе онъ долженъ былъ вліять на народъ. Прибавьте къ этому, что онъ былъ честолюбивъ, властолюбивъ и фанатиченъ, что, конечно, могло только содѣйствовать его силѣ, его вліянію на массу. Этотъ молодой человѣкъ въ восточномъ костюмѣ, опушенномъ мѣхомъ, съ длинною густою бородой и правильными чертами лица, имѣлъ патріархальный видъ и внушалъ уваженіе. Онъ ясно и горячо высказывалъ свои крайнія мнѣнія и убѣжденія. Простому народу нравилось, что онъ толкуетъ о дѣятельномъ христіанствѣ, о христіанской жизни, а не о вѣрѣ только, какъ лютеране. О вѣрѣ народъ, въ сущности, мало думалъ, особенно въ то время, когда старая вѣра была расшатана, потрясена, а новая проповѣдывалась сотнями людей, каждымъ на свой ладъ, еще не принявъ устойчивыхъ и опредѣленныхъ формъ. Самъ Лютеръ говоритъ: «Въ высшей степени жалокъ видъ церквей; простой народъ ничему не учится и ничего не знаетъ; онъ не молится больше и ничего не дѣлаетъ, кромѣ злоупотребленія свободой; онъ не исповѣдуется и не ходитъ къ причастію, какъ будто

теперь онъ освобожденъ отъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ» [53]). Мюнцеръ обратился къ этому народу уже не съ проповѣдью о вѣрѣ, а съ проповѣдью о чисто-земныхъ интересахъ. Его идеаломъ является коммунизмъ. Мюнцеръ не указывалъ, подобно Платону, Томасу Мору или Кампанеллѣ, какъ и въ какой формѣ должна сложиться общественная жизнь при общности имуществъ, онъ не представилъ какого-нибудь теоретическаго плана для осуществленія своего идеала, онъ просто съ крайнею рѣзкостью, совершенно въ духѣ того тревожнаго времени призывалъ людей къ дѣлежу имущества.

Проповѣдники новаго ученія должны были сильно испугать своихъ противниковъ, тѣмъ болѣе, что эти глашатаи новыхъ истинъ были въ то время еще безупречно-нравственными людьми и ловкими агитаторами. Даже враждебные имъ историки соглашаются съ этимъ. Умѣренные въ пищѣ и питьѣ, простые въ одеждѣ, дружные между собой, кроткіе въ разговорахъ, но страстно горячіе въ спорахъ, готовые лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ своего ученія, они изумляли всѣхъ своимъ нравственнымъ величіемъ. Они покидали дома, женъ и дѣтей для проповѣди, шли въ путь безъ денегъ, безъ посоховъ даже въ рукахъ, проповѣдывали съ крышъ домовъ, дѣлились всѣ между собою [54]). Они были готовы пре-

---

[53]) *Keller*, S. 3. — [54]) *Hase*, S. 14.

терпѣть мученія и смерть за свою проповѣдь и вели ее неутомимо; если было возможно, вели явно, если было нельзя, вели тайно въ уединенныхъ домахъ, въ долинахъ. У нихъ были заведены тайныя сношенія съ различными городами: ихъ гонцы пробирались ночью съ разными вѣстями и письмами. «Я желалъ бы,—говоритъ Вицель, — чтобы всѣ, называющіе себя христіанами, жили подобно имъ» [55]). Но каковы бы ни были эти проповѣдники, они не сдѣлали бы ничего на неподготовленной почвѣ. Почва же была уже вполнѣ готова для принятія ихъ ученій и всего болѣе была она подготовлена въ Виттенбергѣ.

Когда цвиккаускіе пророки появились въ Виттенбергѣ, здѣсь произошло страшное, небывалое волненіе. Лютеръ въ это время сидѣлъ въ Вартбургѣ, носились даже слухи, что его погубили враги, его инкогнито старались сохранить самымъ усерднымъ образомъ; въ Виттенбергѣ же возбуждали броженіе, съ одной стороны, монахи, стремившіеся переженіться, а съ другой — Карльштадтъ, шедшій все дальше и дальше въ отрицаніи католическихъ обрядностей и въ отсутствіи Лютера игравшій первенствующую роль. Андрей Рудольфъ Боденштейнъ, прозванный по мѣсту своего рожденія Карльштадтомъ, былъ по лѣтамъ немного старше Лютера. Свое богословское образованіе онъ получилъ, какъ предполагаютъ въ

[55]) *В. Циммерманъ.* I, стр. 240.

Италіи, потомъ прибылъ въ Виттенбергъ, гдѣ и получилъ ученыя степени и занялъ каѳедру [56]). Его направленіе было сначала чисто-схоластическое и только вернувшись изъ поѣздки въ Италію въ 1515 году, онъ увидалъ необходимость вступить на новый путь, такъ какъ въ Виттенбергѣ уже выдвинулся Лютеръ и аристотелевская философія замѣнилась изученіемъ Августина. Неуживчивый, любящій деньги, добивающійся извѣстности, мелочно самолюбивый и мучимый сознаніемъ своихъ неудачъ, Карльштадтъ смѣло пошелъ по новой дорогѣ и сталъ дѣйствовать за одно съ Лютеромъ, хотя далеко не искренно относился къ реформатору, завидуя ему въ душѣ. Въ 1521 году онъ уѣзжалъ на короткое время въ Данію, потерпѣлъ тамъ неудачу при введеніи реформъ и въ іюнѣ того же года, вернувшись назадъ и не заставъ уже въ Виттенбергѣ Лютера, съ необычайнымъ рвеніемъ принялся за практическую реформаторскую дѣятельность, если можно такъ выразиться, «на свой страхъ», какъ бы стараясь перещеголять самого Лютера. Нападенія на безбрачіе духовенства, на монашескіе обѣты, на почитаніе святыхъ, на поклоненіе иконамъ,— всѣ эти вопросы, поднятые имъ, разожгли страсти. Монахи оставляли монастыри, студенты врывались съ криками въ церковь во время богослуженій, били стекла у приверженцевъ старыхъ

[56]) *Erbkam*: „Karlstadt“ (Real-Encyclopoedie von Herzog und Plitt. S. 523—532).

обрядовъ, совершали безчинства. Началась открытая борьба, отмѣна церковныхъ одѣяній, церковныхъ церемоній. На третій день Рождества, Карльштадтъ неожиданно обручился съ дочерью одного бѣднаго дворянина и обвѣнчалъ одного священника съ его служанкою. Двадцатаго января состоялась свадьба Карльштадта, надѣлавшая шуму въ городѣ. Скандалы слѣдовали за скандалами. Въ это-то время городъ былъ взволнованъ еще болѣе появленіемъ цвиккаускихъ пророковъ, сразу поразившихъ толпу своими одѣяніями, своею суровою наружностью, своими проповѣдями. На Карльштадта они не произвели особенно сильнаго впечатлѣнія, такъ какъ онъ самъ производилъ реформу за реформой. Но съ Мюнцеромъ, явившимся тоже въ Виттенбергъ, онъ вошелъ въ близкія сношенія, много бесѣдовалъ съ нимъ, подпалъ въ извѣстной степени подъ его вліяніе. Въ это время ему удалось законнымъ путемъ провести нѣсколько реформъ относительно измѣненія богослуженія, строгаго нравственнаго надзора, уничтоженія монашества и устройства на мѣсто его попечительства о бѣдныхъ. Но онъ не удовольствовался полумѣрами, потребовалъ уничтоженія образовъ, а затѣмъ, признавая, что простой человѣкъ можетъ понимать священное писаніе не хуже теолога, добился закрытія университета, распущенія студентовъ. Давно уже Карльштадтъ высказывалъ, что весь хламъ схоластическаго богословія не

стоитъ ничего и что вся внѣшняя обрядность церкви не имѣетъ никакого значенія. Воспламененный теперь событіями, бесѣдами съ Мюнцеромъ, онъ вдругъ увидалъ передъ собою новое «царство духа», увидалъ въ христіанствѣ не богословіе, а живое дѣло народа. Онъ сталъ говорить, что людей нужно возвратить къ природной простотѣ и потомъ уже образовать вновь, что всякое ремесло лучше и полезнѣе кабинетной учености и т. п. Смѣшавъ понятіе о наукѣ съ понятіемъ о ложномъ ея примѣненіи, онъ вызвалъ первую вспышку фанатизма. Впрочемъ, самъ онъ не участвовалъ въ ней. Монахи, граждане, студенты подъ его вліяніемъ начали разрушеніе образовъ и статуй, подняли гоненія на общественныя удовольствія, заявили требованіе раздачи имущества бѣднымъ.

Это были первые взрывы фанатизма, ударившагося въ крайности. Эта вспышка страшно отразилась на умахъ всѣхъ современниковъ и свидѣтелей ея. Была минута, когда самъ Меланхтонъ спрашивалъ съ сомнѣніемъ, «не исходитъ ли извѣстный духъ (spiritus quidam), признанный имъ въ перекрещенцахъ, дѣйствительно отъ Бога», а старый саксонскій курфюрстъ Фридрихъ Мудрый, удивленный нерѣшительностью своихъ совѣтниковъ и еще болѣе нерѣшительный, чѣмъ они, сказалъ: «Это великій, могучій вопросъ, котораго я, какъ свѣтскій человѣкъ, не понимаю; но я охотнѣе возьму посохъ въ руки и удалюсь,

чѣмъ сознательно пойду противъ Бога» [57]). Лютеръ сразу понялъ опасность возникающей партіи, явился изъ Вартбурга въ Виттенбергъ, въ продолженіе семи дней громилъ нововводителей и, наконецъ, успокоилъ городъ. Но успокоеніе было только слѣдствіемъ уваженія къ Лютеру, а не слѣдствіемъ убѣдительности его доводовъ. Ему пришлось возстать противъ чистаго религіознаго одушевленія, которое его противники хотѣли внести во всѣ частности жизни. Ему пришлось назвать пророчества Шторха просто на просто сатанинскимъ навожденіемъ [58]). Онъ волей-неволей долженъ былъ сдѣлать обоюдоострое заявленіе, что въ богослуженіи католической церкви есть обряды, которые слѣдуетъ уничтожить, но въ большинствѣ для христіанина все равно, исполняетъ ли онъ ихъ, или нѣтъ: «отъ уменьшенія внѣшнихъ обрядовъ и уничтоженія образовъ не зависитъ спасеніе души» [59]), т. е. онъ допустилъ въ религіи область безраз-

---

[57]) *L. Keller*, S. 17—18. *K. Hase*, S. 21. *L. Ranke*, B. II, S. 7—26.—[58]) Сюдръ въ своей исторіи коммунизма называетъ Шторха „однимъ изъ *учениковъ* Лютера“, а далѣе говоритъ о Карльштадтѣ, какъ объ *учителѣ* и другѣ Лютера. (*Sudre*: „Histoire du communisme“. Paris. 1848. Pp. 100—101). И то, и другое совершенно невѣрно: Шторхъ не былъ ученикомъ Лютера, Карльштадтъ не былъ его учителемъ и едва ли ихъ можно назвать друзьями, такъ какъ они дѣйствовали болѣе или менѣе за одно только въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ.—[59]) *Erbkam*: „Karlstadt“ (R.-E., 528).

личнаго, что всегда бываетъ рискованнымъ. Этими доводами онъ заставилъ молчать, но не могъ заставить убѣдиться. Также мало убѣдительны были и другія мѣры, какъ, напримѣръ, запрещеніе университетомъ новой книги Карльштадта. Книги запрещать было легко, но трудно было заставить людей не вѣрить этимъ книгамъ. Это было то самое оружіе, которое пускалось въ ходъ и противъ самого Лютера католичествомъ: вездѣ гдѣ пребывалъ Карлъ V, по всѣмъ нидерландскимъ городамъ, сочиненія Лютера сжигались на рыночныхъ площадяхъ и императоръ иронически улыбался, глядя на эти костры и воображая, что уничтоженіе книгъ равняется уничтоженію ученія [60]). Самъ Лютеръ очень мѣтко выразился объ уничтоженіи книгъ: «Конечно, я знаю, искусство и злодѣяніе двѣ разныя вещи, и я не уважаю неискуснаго злодѣянія: но сожиганіе книгъ дѣло такое легкое, что имъ могутъ заниматься даже дѣти, не говоря уже о святомъ отцѣ и его великихъ ученыхъ, которымъ, по моему мнѣнію, приличнѣе бы дѣлать что-нибудь поискуснѣе. чѣмъ жечь книги» [61]). Это не помѣшало ему самому сжечь 10 декабря 1520 года буллу папы и нѣкоторыя сочиненія Эка, а теперь уничтожить книгу Карльштадта. Но появленіе нововводителей охватило его ужасомъ: спасая свое собственное дѣло. какъ любимое дитя, онъ былъ готовъ на все: онъ не только сжигалъ книги. не только

[60]) *Ranke.* II. S. 7. — [61]) *В. Шлоссеръ.* IV, стр. 380.

говорилъ цвиккауцамъ: «Покарай тебя Богъ, сатана»,—онъ смѣло ставилъ на карту свою собственную жизнь, нарушивъ свое инкогнито, явившись въ Виттенбергъ безъ охраны, слыша отъ курфюрста, что послѣдній не можетъ оградить его жизни отъ насилія. Именно въ это время были произнесены его знаменитыя слова: «я болѣе желаю охранить вашу милость, чѣмъ вы можете охранить меня» [62]). Въ такія минуты трудно быть разборчивымъ на слова и средства. Борьба Лютера съ нововводителями была тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ яснѣе сознавалъ онъ самъ, что эти люди плоть отъ плоти его, кость отъ костей его, что они только пошли далѣе его, высказывая громко идеи, быть можетъ, бродившія и въ его головѣ въ молодые годы и откинутыя только ради ихъ неисполнимости, что эти люди не шли на тѣ сдѣлки, въ которыя, въ концѣ-концовъ, отчасти изъ чисто-практическихъ расчетовъ и соображеній вошелъ и долженъ былъ войти онъ. На сторонѣ этихъ людей была логическая послѣдовательность, на сторонѣ Лютера была практическая сдержанность. Лютеръ и его приверженцы сразу поняли страшное значеніе перекрещенцевъ и говорили про нихъ, что «это змѣи въ раю новой церкви», что «они вышли изъ нашей среды, но они не наши», что «тамъ, гдѣ Богъ строитъ церковь, чортъ рядомъ часовню ставитъ» [63]).

[62]) *Dr. Plitt*: „Martin Luther“. Leipzig. 1883, S. 245.— [63]) *K. Hase*, S. 2.

Перекрещенцы, такимъ образомъ, явились радикалами и революціонерами реформаціи: она казалась имъ недостаточной, они хотѣли пополнить, закончить ее не только въ религіозной сферѣ, но, насколько возможно, и въ общественномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ, такъ какъ библію они считали и гражданскимъ сводомъ законовъ. Именно это-то обстоятельство и послужило впослѣдствіи главною причиной кровавой расправы съ этими людьми. Остановить рѣчами и проповѣдями движеніе перекрещенцевъ Лютеру,—да и кому бы то ни было,—было не подъ силу, такъ какъ оно вполнѣ отвѣчало запросамъ и надеждамъ народныхъ массъ. Тщетно были изгоняемы повсюду Шторхъ и его друзья; за ними явились Ѳома Мюнцеръ, Книппердолинкъ, Іоганнъ Бокгольдъ, и проповѣдь этихъ людей касалась, главнымъ образомъ, вовсе уже не теоретическихъ, не чисто-религіозныхъ вопросовъ, такъ какъ многіе изъ этихъ людей менѣе всего заботились объ этой сторонѣ движенія. Они были бойцами, главнымъ образомъ, на почвѣ общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Съ новою силой было не легко считаться и считаться приходилось не рѣчами съ каѳедры, а мечомъ въ открытомъ полѣ. Когда эту силу подавили огнемъ и мечомъ, перекрещенство потеряло свое первоначальное значеніе, сдѣлавшись одною изъ сотенъ мирныхъ, чисто-религіозныхъ, мало привлекательныхъ сектъ.

V.

Мюнцеръ простился съ Цвиккау въ концѣ апрѣля 1521 года и, до прибытія въ Виттенбергъ, нѣкоторое время путешествовалъ по средней Германіи «слова ради», какъ онъ писалъ одному изъ своихъ друзей [64]).

Предъидущая его дѣятельность уже составила ему нѣкоторую извѣстность, и потому всюду къ нему примыкали люди изъ партіи движенія. Въ сентябрѣ того же года мы видимъ его въ Богеміи, и именно въ Заацѣ, гдѣ ютились «богемскіе братья» или, какъ ихъ тогда называли, «пикарды» [65]). Тутъ были и другія подобныя секты, искавшія здѣсь убѣжища отъ преслѣдованій. Слухи о Лютерѣ достигли уже и сюда; всѣ ждали, что нѣмцы будутъ содѣйствовать поднимавшемуся религіозному движенію. Такимъ образомъ эта мѣстность вообще давала, повидимому, хорошую почву для религіозной пропаганды и агитаціи. Вслѣдствіе этого не удивительно, что Мюнцеръ былъ сначала принятъ въ Богеміи хорошо. Это обстоятельство дало ему смѣлость дѣйствовать прямо и открыто. Уже 1 ноября въ Прагѣ появляется его Anschlag, гдѣ онъ, объявляя, что онъ не могъ паучиться истинной вѣрѣ отъ монаховъ и поповъ, излагаетъ свои взгляды на откровеніе Божіе и на изученіе слова Божія, и грозитъ

---

[64]) *J. Seidemann*, 122. — [65]) *Ibid.* Beil. 14.

наказаніемъ всѣмъ обманывающимъ народъ. Довольно многословный и спутанный по слогу, этотъ документъ отличается рѣзкостью по мысли, но это еще не революціонная прокламація. Затѣмъ, въ концѣ ноября, Мюнцеръ издаетъ въ Прагѣ свой манифестъ, обращенный къ жителямъ Богеміи. Въ этомъ манифестѣ уже вполнѣ сказались радикальные взгляды Мюнцера. Онъ пишетъ: «Возлюбленные братья Богеміи! Я хочу согласно съ великимъ поборникомъ Христа, Іоганномъ Гусомъ, огласить храмъ новымъ гимномъ. Горе лживымъ священнослужителямъ, не признававшимъ никогда сущности христіанства! Самъ Богъ проклинаетъ ихъ и ихъ кражу Его слова и придетъ судить ихъ, такъ какъ они обманывали Его народъ. Въ самомъ скоромъ времени обрушится на нихъ страшный гнѣвъ Божій за то, что они осквернялн цѣль вѣры—свободу; а они должны были бы быть твердою стѣной для народа Божія. Евангелія ради, разгромитъ Онъ ихъ Своимъ громомъ, такъ какъ никто въ мірѣ не вредитъ такъ Святому Духу и живому слову, какъ безполезные священнослужители христіанъ. Долго голодали и жаждали люди святой справедливости, и сбылось на нихъ пророчество Іереміи: «Дѣти просили хлѣба, и никто не далъ имъ его». Эти несправедливые, нечестивые домоправители подобны аистамъ, жадно собирающимъ въ поляхъ и лужахъ лягушекъ, чтобы высыпать ихъ въ гнѣзда своимъ дѣтенышамъ; такъ они сбираютъ

слово Божіе изъ книгъ, проглатываютъ сырыя буквы и набиваютъ ими желудки. Они не знаютъ, что означаетъ Богъ, вѣра, христіанская добродѣтель, добрыя дѣла. Вѣчно ссылаются они на мертвую букву. «Такъ сказалъ Христосъ, такъ у Павла, такъ у апостоловъ», говорятъ они, вмѣсто стремленія убѣдиться разумомъ. Нелѣпый обычай бросать ищущимъ и вопрошающимъ мертвую букву введенъ лѣнью священнослужителей. Полный скорби и состраданія, оплакиваю я отъ всей души гибель истинной церкви Божіей. Среди ея развалинъ христіанство не видитъ египетской тьмы, охватившей его. Болѣе Господь не можетъ наказать церковь, развѣ только стереть ее съ лица земли. Я часто и много читалъ исторіи древнихъ отцовъ; я находилъ церковь не запятнанной и дѣвственною послѣ смерти непосредственныхъ учениковъ апостольскихъ. Запятнана и осквернена она была среди ремесленничества и торгашества невѣрныхъ, приносящихъ жертвы, священнослужителей. Когда народъ отказался отъ избранія священниковъ, тогда начался обманъ, тогда перестало ученіе церкви соотвѣтствовать слову Божію. Оно вдалось въ дѣтскіе крики, въ фантастическія обрядности, во все достойное грудныхъ ребятъ. Но радуйтесь! Всходы вашихъ полей склоняются и бѣлѣютъ, готовые для жатвы. Небо наняло меня въ поденщики по грошу въ день, и я точу свой серпъ, чтобы жать колосья. Голосъ мой возвѣститъ величайшую истину и уста

мои проклянутъ безбожниковъ, для обличенія и истребленія которыхъ я переступилъ ваши границы, о, возлюбленные богемскіе братья! Я стремлюсь только къ тому, чтобы вы восприняли живое слово, въ которомъ я живу и дышу, чтобъ оно не было безплоднымъ. Не мѣшайте и помогите мнѣ, чтобы ваши молебствующіе священнослужители устрашились. Я обѣщаю вамъ великія почести и славу. Здѣсь возникнетъ и распространится въ міръ апостольская церковь. Спѣшите же на встрѣчу не мнѣ,—я не ищу отъ васъ никакой пользы, —но ея слову, распространеніе котораго будетъ быстро. Церковь молится не нѣмому Богу, но живому и говорящему. Если я солгу въ живомъ словѣ Господа, исходящемъ нынѣ изъ моихъ устъ, то пусть постигнетъ меня участь Іереміи, и я самъ отдаю себя на муки въ настоящей и будущей жизни» [66]). Въ наше время какъ-то непривычно читать воззванія, написанныя съ такою рѣзкостью; но, какъ мы уже указали, въ то время и языкъ Лютера отличался не меньшею грубостью: этотъ тонъ былъ въ духѣ времени, это былъ тогдашній «способъ выраженія». Тѣмъ не менѣе, нужно было имѣть не мало рѣшимости, чтобъ обратиться съ подобнымъ манифестомъ, даже и въ то время, къ чужому народу, въ чужой странѣ. «Но,—говоритъ Циммерманъ,—Мюнцеръ—вполнѣ юноша, полный довѣрія къ себѣ, безразсудно-отважный юноша: у него нѣтъ

[66]) *Seidemann*, 122.

ничего, кромѣ самаго себя, вѣры въ свое предназначеніе и убѣжденія, что настало время дѣйствовать» [67]). Только съ этою вѣрой и можно было вести ту жизнь, которую велъ онъ, безъ отдыха, среди нужды, безъ своего угла. Но Мюнцеръ обманулся въ своихъ расчетахъ; его манифестъ встрѣтилъ въ Прагѣ не только ревнивый отпоръ со стороны каликстинцевъ, но даже навлекъ на автора гоненіе. Вліятельныя лица въ Прагѣ испугались и рѣчей Мюнцера, и его самого: здѣсь могли мечтать о реформаціи, но революція вызвала только страхъ. Мюнцеръ долженъ былъ удалиться изъ города.

Отправившись въ дальнѣйшее путешествіе, Мюнцеръ посѣтилъ Бранденбургъ, потомъ въ 1522 году Виттенбергъ, гдѣ и произошли уже извѣстные намъ безпорядки, куда дважды долженъ былъ являться Лютеръ для усмиренія волненія. Здѣсь Мюнцеръ тѣсно сблизился съ Карлштадтомъ, окончательно порвалъ связь съ Лютеромъ и удалился въ Нордгаузенъ. Въ 1523 году онъ получилъ мѣсто священника въ маленькомъ городкѣ Алштедтѣ въ Тюрингіи. Онъ нашелъ въ городкѣ преданную ему паству и товарища по службѣ, Симеона Гаферица, раздѣлявшаго его убѣжденія. Мало того, онъ нашелъ здѣсь семейное счастіе съ любимою подругою жизни, монахиней, оставившей монастырь [68]). Но, несмотря на возможность устроиться здѣсь болѣе или ме-

[67]) *В. Циммерманъ*, I, 180.—[68]) *Seidemann*, 21—22.

нѣе спокойно, несмотря на свою женитьбу, Мюнцеръ продолжалъ стремиться къ агитаціи, стараясь теперь, главнымъ образомъ, подорвать авторитетъ Лютера, чтобы добиться широкихъ реформъ. Никогда не сознавалъ Мюнцеръ такъ ясно, какъ теперь, что Лютеръ является не только самымъ главнымъ, но и самымъ сильнымъ врагомъ этихъ реформъ; значитъ, прежде всего нужно было подорвать его авторитетъ, развѣнчать, свергнуть его съ пьедестала. Этимъ и занялся теперь Мюнцеръ. Тайныя типографіи печатали его летучіе листки, тайные агенты разносили ихъ повсюду; эти же агенты вербовали ему сообщниковъ; въ самомъ Алштедтѣ онъ вводилъ реформы. Лютеру доносилось обо всемъ и онъ, властный, распоряжающійся дѣлами церкви, обуздывающій увлеченія забѣгавшихъ слишкомъ далеко новаторовъ, потребовалъ Мюнцера къ отвѣту въ Виттенбергъ. Мюнцеръ не явился. Тогда Лютеръ, по своему обыкновенію, обратился съ жалобой къ властямъ. Власти колебались: курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый оказывался всегда нерѣшительнымъ, когда приходилось быть судьею въ религіозныхъ спорахъ; ему все казалось, что онъ въ этихъ случаяхъ идетъ противъ самого Бога. Народъ же стекался въ Алштедтъ слушать проповѣди Мюнцера, какъ на богомолье.

Въ началѣ 1524 года въ алштедтскій замокъ прибыли самъ курфюрстъ саксонскій Фридрихъ Мудрый и его братъ Іоаннъ. Мюнцеръ воспольз-

зовался случаемъ, чтобы сказать предъ ними проповѣдь и призвать ихъ къ себѣ на помощь. Именно въ это время у него еще было горячее убѣжденіе, что въ борьбѣ противъ старыхъ золъ должны участвовать всѣ. «Правителей и господъ нужно также приглашать вступать въ союзъ. Должно братски вспоминать о нихъ. Изгонять ихъ и убивать слѣдуетъ только въ томъ случаѣ, еслибъ они отказались вступить въ союзъ и сдѣлаться гражданами новаго царства». «Драгоцѣнные и любезнѣйшіе правители,—говорилъ онъ курфюрсту Фридриху и герцогу Іоанну, — если вы видите и понимаете бѣдствія христіанства, то вами должно овладѣть такое же рвеніе, какъ царемъ Іуемъ. Поэтому долженъ возстать новый Даніилъ и показать вамъ откровеніе, и пророкъ этотъ долженъ, какъ учитъ Моисей, стать во главѣ народа. Онъ примиритъ гнѣвъ государей и негодующаго народа. Господь говоритъ: «Я пришелъ не съ миромъ, а съ мечомъ». Но на что вамъ мечъ?—На то, чтобъ истреблять и удалять злыхъ, препятствующихъ Евангелію, вотъ что вы должны дѣлать, если хотите служить Богу. Христосъ воистину приказалъ: «Возмите моихъ враговъ и умертвите ихъ предо мною!» [69]). За что?—А за то, что они испортили правленіе Христа. Противящихся откровенію Божію слѣдуетъ истребить безъ всякой пощады, какъ истребили Гискій, Іосія, Даніилъ и Илія жрецовъ

[69]) *Ев. отъ Луки*, 19, 27.

Вааловыхъ; иначе христіанская церковь не возвратится къ прежнему положенію своему. Необходимо во время жатвы выполоть дурную траву изъ вертограда Божія. Богъ сказалъ: «Не жалѣйте безбожниковъ, разбейте алтари ихъ, разсѣйте идоловъ ихъ и сожгите ихъ, дабы Я не разгнѣвался на васъ!» [70]). Въ этомъ духѣ была проповѣдь Мюнцера въ алштедтскомъ замкѣ. Онъ убѣждалъ истребить идолослуженіе и ввести силой Евангеліе. «Если государи не истребятъ безбожниковъ, то Богъ отниметъ у нихъ мечъ. Вся община имѣетъ силу меча, который хочетъ править самъ, и ему дана вся власть на небѣ и на землѣ. Земля полна тщеславными лицемѣрами и нѣтъ ни одного смѣлаго человѣка, который рѣшился бы высказать истину». Указывая въ очень прозрачныхъ и рѣзкихъ намекахъ на нерѣшительность и лицемѣріе Лютера, подразумѣвая его подъ именемъ «тихони» и «откормленной свиньи», Мюнцеръ требавалъ не полумѣръ, а радикальнаго переворота [71]). Намъ странно теперь читать эти обращенія къ князьямъ и властителямъ, призывающія ихъ самихъ принять горячее участіе въ дѣлѣ оттачиванія оружія противъ нихъ же. Но таковы были тогда времена: мы указывали, что говорилъ Лютеръ о князьяхъ и властителяхъ, а между тѣмъ въ ихъ средѣ нашлись искренніе его друзья. Вслѣдствіе этого, нечего удивляться

[70]) *Циммерманъ* I, 181—182.—[71]) *Koestlin*: „Martin Luther“. 1875, I. 709.

наивности Мюнцера и нечего удивляться снисходительности его слушателей-князей. Нерѣшительный курфюрстъ не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ Мюнцера послѣ проповѣди послѣдняго, не засадилъ его въ тюрьму, не изгналъ изъ города. Можно даже было думать, что смѣлая выходка сошла совершенно безнаказанно для проповѣдника. Но гроза была уже близка. Лютеру пересылали печатаемыя Мюнцеромъ брошюры и доносили о преслѣдованіи иконъ, начатомъ Карлштадтомъ въ Орламюнде, гдѣ нашелъ себѣ мѣсто Карлштадтъ. Дошла до Лютера и проповѣдь Мюнцера. Она не могла не возмутить великаго реформатора, оберегавшаго свое собственное дѣло отъ всякихъ крайнихъ выходокъ. Молчать Лютеръ не могъ. Онъ писалъ: «Кулакамъ воли не давать, или вонъ изъ государства! Вотъ что должны сказать государи пророкамъ. Дьяволъ дѣйствуетъ черезъ смятеніе умовъ». Меланхтонъ писалъ: «Они обращаютъ Евангеліе на служеніе мірской политикѣ». Правители волей-неволей должны были уступить. Они запретили Мюнцеру печатать его летучіе листки и въ маѣ 1524 года призвали его къ отвѣту въ Веймаръ. Мюнцеръ выпутался на этотъ разъ довольно счастливо. Но уже въ іюнѣ близъ Алштедта въ Мальдербахѣ произошло новое тревожное событіе: возмутившійся народъ сжегъ часовню, гдѣ было чудотворное изображеніе св. Маріи. Во время борьбы противъ иконъ вообще, борьба противъ чудесъ, совершаемыхъ

иконами, конечно, была еще ожесточеннѣе, и фактъ сожженія этой часовни не былъ единичнымъ, не могъ быть приписанъ исключительно вліянію Мюнцера. Но теперь ему все уже ставилось на счетъ. Въ то же время разнеслись слухи, что Мюнцеръ основалъ тайный союзъ, что заговоръ охватилъ всю Тюрингію, что предполагается истребить папистовъ и власти. Этотъ слухъ не былъ ложью. Въ Мюнцерѣ произошелъ извѣстный переворотъ: какъ послѣ посѣщенія Виттенберга онъ убѣдился, что нельзя надѣяться на Лютера, что, прежде всего, нужно пошатнуть его авторитетъ, такъ послѣ встрѣчи съ курфюрстомъ и его братомъ Мюнцеръ убѣдился, что ему нечего надѣяться и на правителей. Теперь онъ уже понялъ, что правители и господа никакъ не станутъ дѣйствовать съ нимъ заодно, и уже прямо взывалъ къ народу, и только къ народу: «Любезные товарищи, я хочу порасширить дыру, чтобы весь міръ могъ черезъ нее увидѣть и понять, каковы наши большіе Иваны, что это за гадкія чучела». Онъ пишетъ, что Богъ говоритъ его устами, что онъ поставленъ надъ людьми и царствами, чтобъ онъ «кололъ, разбивалъ и опустошалъ, сооружалъ и сѣялъ». «Міру приходится выдержать великій ударъ; начнется игра, которая ниспровергнетъ безбожныхъ съ престола и возвыситъ униженныхъ» [72]). Опасность отъ подобныхъ воззваній была велика. Это долженъ былъ

[72]) *Циммерманъ* I, 186—187.

сознавать даже курфюрстъ саксонскій. Дѣло шло не о религіи, а прямо о политической революціи.

Мюнцеръ долженъ былъ снова явиться 1 августа въ Веймаръ на допросъ. Этотъ допросъ, должно быть, былъ тяжелъ: изъ залы совѣта Мюнцеръ вышелъ блѣдный, какъ мертвецъ. Изъ замка вышли каноники, смѣясь надъ нимъ. Мальчишки-конюхи кричали ему: «Гдѣ же твой духъ и твой Богъ?» Алштедтскій амтманъ Гансъ Цейсъ спросилъ его: «Ну, что?»—«Да то,—отвѣтилъ Мюнцеръ,—что мнѣ приходится отправиться въ другое государство». И онъ направился въ Алштедтъ, питая надежду на поддержку горожанъ. Однако, Алштедтъ не вступился за своего проповѣдника: преданъ ему былъ только простой народъ; бюргеры же, смущенные и испуганные требовали его удаленія. Была минута, когда Мюнцеръ думалъ еще остаться въ городѣ и защищаться вооруженною силою, если на него нападутъ; онъ даже вооружился для этой цѣли, но тотчасъ же понялъ невозможность борьбы и направился въ Мюльгаузенъ. Едва онъ прибылъ туда, какъ городской совѣтъ получилъ письмо Лютера, предостерегавшее власти противъ бунтовщика [73]).

Послѣдніе дни болѣе или менѣе спокойной жизни кончились для Мюнцера: за нимъ уже зорко слѣдили; противъ него предостерегали еще не знавшихъ его людей. Онъ самъ уже не на-

[73]) *A. Schmidt*: „Zeitschrift für Geschichtswissenschaft". IV. 1845. S. 365—394. Ст. Гольцгаузена.

дѣялся ни на Лютера, ни на князей, а ждалъ спасенія только отъ народнаго возстанія.

VI.

Какъ тревожно было настроеніе умовъ въ эту тяжелую эпоху, это мы видимъ изъ суевѣрныхъ разсказовъ того времени, передаваемыхъ Циммерманомъ. Разсказывали, что въ 1523 году въ Мюльгаузенѣ на небѣ показывались чудесныя явленія, а въ позднюю осень вторично цвѣли розы и деревья. Въ другихъ мѣстахъ говорили, будто бы видѣли на солнцѣ три круга и внутри ихъ горящій факелъ; на лунѣ представлялись два круга, а внутри крестъ. Въ Венгріи, будто бы, видѣли ночью на небѣ двѣ вѣнчанныя головы, сражавшіяся другъ съ другомъ; На Рейнѣ слышали въ самый полдень въ воздухѣ смятеніе и громъ оружія, какъ будто отъ сраженія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у животныхъ рождались необыкновенные уроды. Въ одномъ мѣстѣ видѣли бой между аистами, въ другомъ—между воронами и галками. Распространился слухъ о землетрясеніяхъ въ южныхъ земляхъ; въ Швабіи, Баваріи и Австріи свирѣпствовали повальныя болѣзни; въ Кемптенѣ, въ Альгау, отъ 1521 и 1523 г., умерло болѣе 1,600 человѣкъ. Ко всему этому прибавились еще проливные дожди и кометы; времена года перепутались: въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ зима была однажды такъ тепла, что бѣдный на-

родъ ходилъ на босу ногу, какъ въ Михайловъ день; червяки и бабочки ползали и летали точно лѣтомъ; въ февралѣ цвѣли вишни, а на деревьяхъ всѣ почки разбухли и начали развертываться. Къ Святой же вдругъ настала холодная зима; вслѣдствіе сильныхъ бурь и непогодъ плоды были значительно побиты и во всемъ Оберландѣ простой народъ впалъ въ крайнюю нужду. Все это считали предзнаменованіемъ чего-то необыкновеннаго. Но и безъ всякихъ явленій и пророчествъ весь порядокъ вещей, продолжавшійся уже много лѣтъ, предвѣщалъ важный переворотъ. Предсказаніями занимался не только народъ, но и сама высокая наука, которую тогда уважали и которой удивлялись, — сама астрологія признала 1524 годъ за предѣлъ, послѣ котораго долженъ совершиться неслыханный доселѣ переворотъ. «Астрологи, быть можетъ, говорятъ правду, — писалъ въ началѣ 1520 г. баварскій канцлеръ Экъ своему герцогу. Трудно предполагать, чтобъ огонь, воспламеняющійся повсюду въ настоящее время, утихъ, не произведя никакого опустошенія». Одна народная поговорка, распространенная издавна, говорила слѣдующее: «кто въ 1523 г. не умретъ, въ 1524 г. не утонетъ, а въ 1525 г. не будетъ убитъ, скажетъ, что съ нимъ случилось чудо» [74]). Не трудно понять, какое впечатлѣніе

[74]) *Hast*: „Geschichte der Wiedertaüfer". Muenster, 1836. S. 37.

производили на народъ всѣ эти явленія, если мы вспомнимъ, что въ тѣ времена самъ Меланхтонъ писалъ: «Въ Римѣ родилась лошачиха, а въ окрестностьхъ Аугсбурга родился двухголовый ребенокъ, что, безъ сомнѣнія, указываетъ на великую перемѣну въ нашемъ обыкновенномъ строѣ жизни». Потомъ онъ же, излагая біографію Іоанна Регимонтануса, говоритъ: «Такъ какъ я знаю, что на человѣка вліяютъ небесныя явленія то, я долженъ указать, подъ какимъ созвѣздіемъ онъ родился» [75]).

Такое настроеніе умовъ бываетъ только въ самыя смутныя времена, когда броженіе дѣлается повсемѣстнымъ и всеобщимъ; близость грозы предчувствовалъ Лютеръ. Уже въ 1522 году онъ писалъ: «Народъ всюду волнуется и все видитъ; онъ не хочетъ, не можетъ позволить такъ угнетать себя долѣе». Дѣйствительно, куда бы мы ни взглянули въ области, гдѣ совершалось реформаціонное движеніе, вездѣ мы увидимъ вспышки народныхъ волненій и возстаній. Въ однихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Мюльгаузенѣ, произошла безкровная революція, свергнувшая въ городѣ аристократію и замѣнившая ее демократіей въ управленіи; въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Вальдсгута, открыто возставшіе крестьяне создаютъ «евангельское братство», положившее цѣлью повиноваться только императору и никому болѣе. Не перекрещенцы,

[75]) *Циммерманъ*: I. 190. 247. 248.

не Мюнцеръ начали это движеніе: народъ страдалъ такъ сильно, что могъ возстать и безъ подстрекателей. Но именно въ это время изгнанный изъ Алштедта Мюнцеръ и его ученики проходятъ по волнующимся областямъ и принимаютъ участіе въ дѣлѣ народа.

Пробывъ недолго въ Мюльгаузенѣ. Мюнцеръ тѣсно сблизился съ Пфейферомъ, бывшимъ монахомъ въ рейффенштейнскомъ монастырѣ, краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, только-что произведшимъ переворотъ въ Мюльгаузенѣ. Изъ Мюльгаузена Мюнцеръ направился въ Нюрнбергъ, «не для возмущенія народа, а для печатанія книгъ», въ которыхъ безпощадно побивался Лютеръ: *Вавилонская блудница*, *Дѣвица Мартинъ*, *Докторъ Враль*, *Виттенбергскій папа*, *Драконъ*, *Левъ*, *Василискъ*,—подорвать авторитетъ Лютера было теперь нужнѣе всего въ началѣ возстанія. Изгнанный изъ Нюрнберга, Мюнцеръ входитъ въ сношенія съ швейцарскими перекрещенцами, только-что возникающею сектой. Затѣмъ мы видимъ его въ Клетгау и Гегау и, можетъ быть, именно въ это время онъ входитъ въ сношенія съ Гюбмейеромъ, вальдсгутскимъ реформаторомъ. Въ своихъ признаніяхъ передъ смертью Мюнцеръ говоритъ, что онъ «избралъ эту страну — чтобъ узнать тамошнее положеніе дѣлъ, воспользоваться оберландскимъ возстаніемъ и распространить границы преданныхъ ему областей; возстаній же здѣсь онъ не производилъ. такъ какъ они уже

произошли раньше» [76]). Пфейферъ прибылъ сюда нѣсколько раньше, Мюнцеръ — позднѣе. Всюду подготовляя почву къ возстаніямъ, раздувая уже вспыхнувшій пожаръ, Мюнцеръ является вдохновителемъ крестьянъ, и если не диктуетъ имъ программы требованій, то во всякомъ случаѣ является «вдохновителемъ», при помощи котораго составились знаменитые двѣнадцать тезисовъ крестьянъ, обобщившіе въ одно болѣе или менѣе стройное цѣлое всѣ требованія народа. Прежніе тезисы, представляемые народомъ, были менѣе сжаты и ясны, чѣмъ эти. Кто написалъ ихъ? Одни утверждаютъ, что Пфейферъ [77]); но тезисы появились въ мартѣ 1525 года, когда Пфейферъ и даже Мюнцеръ уже удалились изъ Швабіи. Другіе говорятъ, что авторомъ ихъ былъ бывшій пфальцграфскій канцлеръ Фуксштейнеръ [78]); Веберъ же замѣчаетъ, что эти тезисы «во всякомъ случаѣ были набросаны въ кружкѣ Мюнцера и Гюбмейера» [79]). Но, какъ бы то ни было, Мюнцеръ въ своемъ предсмертномъ признаніи заявилъ, что онъ не составлялъ этихъ тезисовъ, но «выписалъ изъ Евангелія нѣкоторыя положенія относительно управленія», т. е. внесъ въ эти тезисы свою лепту, и, конечно, внесенное имъ было самымъ существеннымъ. Другимъ принадлежала только редакція.

---

[76]) *Seidemann*, 152.—[77]) *Циммерманъ*, II, 98.—[78]) *Jörg*: „Deutschland in der Revolutionsperiode von 1522—1526“. Freiburg, 1851. S. 180 und vol.—[79]) G. *Weber*, 57.

Обращаясь къ христіанскому читателю, этотъ манифестъ говоритъ: «Многіе лицемѣрные христіане по поводу настоящаго соединенія крестьянъ изрыгаютъ хулы на Евангеліе и говорятъ: «Вотъ каковы плоды новаго Евангелія: никому не повиноваться, повсемѣстно безчинствовать и возмущаться, собираться шайками и мятежническими скопищами для того, чтобы реформировать, гонять, даже, быть можетъ, умерщвлять духовныя и свѣтскія власти». Отвѣтомъ на эти безпутныя и лживыя обвиненія должны служить нижеслѣдующія тезисы, написанные съ цѣлью снять клевету съ слова Божія. Во-первыхъ Евангеліе не виновато въ мятежахъ и волненіяхъ, потому что оно вышло изъ устъ Христа, обѣтованнаго Мессіи, котораго слово и жизнь поучаютъ только любви, миру, долготерпѣнію и единенію («Римл.» 2); всѣ вѣрующіе во Христа должны жить въ любви, мирѣ и согласіи, а потому всѣ тезисы крестьянъ, какъ всякій ясно увидитъ, направлены только къ тому, чтобы внушить крестьянамъ истинныя евангельскія правила и научить ихъ жить сообразно съ этими правилами. Какимъ-же образомъ лицемѣрные христіане могутъ считать Евангеліе причиной неповиновенія? Если есть между христіанами такіе лицемѣры и враги Евангелія, которые съ упорствомъ возстаютъ противъ всѣхъ нашихъ требованій и желаній, то въ этомъ виновато не Евангеліе, а виноватъ дьяволъ, заклятый врагъ Евангелія; онъ-то и вовлекаетъ своихъ сы-

новъ въ преступленія. возбуждая въ нихъ невѣрія для того, чтобы слово Божіе.—слово любви, мира и единенія.—окончательно заглохло и было предано забвенію. Во-вторыхъ. отсюда слѣдуетъ ясно и безспорно. что крестьяне, желающіе въ своихъ тезисахъ строго придерживаться евангельскихъ правилъ, не могутъ быть названы непокорными и мятежными. Если Господь услышитъ молитвы крестьянъ. желающихъ только одного—жить по Его слову. то кто осмѣлится тогда порицать волю Божію? («Римл.» 11). Кто осмѣлится вмѣшиваться въ Его судъ? («Пс.» 40). Кто осмѣлится противиться его величію? («Римл.» 8). Если Онъ внялъ моленіямъ сыновъ Израилевыхъ. взывавшихъ къ Нему о помощи. и освободилъ ихъ отъ руки Фараона. то развѣ Онъ не можетъ и теперь спасти своихъ людей? Да. Онъ пошлетъ имъ свое спасеніе. и пошлетъ немедленно (2 «Моис.» 3. 14; «Лука» 18. 8). Итакъ. христіанинъ. читай внимательно эти тезисы и глубже вникай и обсуждай ихъ. Во-первыхъ. мы покорнѣйше просимъ и единодушно желаемъ. чтобы отнынѣ насъ не лишали нашихъ правъ и преимуществъ. чтобы всякій приходъ самъ выбиралъ своего священника (1 «Тимоѳ.» 3) и чтобы прихожане имѣли право смѣщать его. если онъ поступаетъ не по закону («Тит.» 1). Выбранный пастырь долженъ проповѣдывать Евангеліе ясно и разумно, безъ всякихъ своихъ прибавленій. мудрствованій и выпусковъ («Дѣян.

Апост.» 14). Когда намъ будетъ постоянно проповѣдуема истинная вѣра, мы пріобрѣтемъ право просить у Господа, чтобы Онъ снискалъ насъ своею благодатью, поселилъ и усугубилъ въ насъ живую вѣру (5 «Моис.» 31). Если благодать Божія не вселится въ насъ, то мы навсегда останемся только никуда негодною плотью и кровью (5 «Моис.» 10; «Іоаннъ» 6); въ Писаніи ясно говорится, что только истинная вѣра можетъ приблизить насъ къ Богу и что спасеніе наше въ Его милосердіи («Галат.» 1). Мы нуждаемся въ достойномъ предстателѣ и духовномъ отцѣ, который былъ-бы наученъ Писанію такъ, какъ это мы высказали. Во-вторыхъ, несмотря на то, что справедливая десятина, установленная въ *Ветхомъ Завѣтѣ*, была отмѣнена въ *Новомъ*, мы, все-таки, охотно будемъ выплачивать ее зерномъ, но только тамъ, гдѣ это нужно. Поэтому мы жертвуемъ ее Богу, въ пользу Его служителей («Евр. Ис.» 109). Если въ ней будетъ нуждаться священникъ, проповѣдующій, какъ слѣдуетъ, слово Божіе, то мы спорить не станемъ; пусть тогда эту десятину собираютъ и получаютъ церковные сборщики, назначаемые общиной, а священникъ, выбранный приходомъ, со всѣми своими домочадцами будетъ пользоваться изъ сбора соотвѣтственною частью, по распоряженію всего прихода; остатокъ долженъ быть подѣленъ между бѣдными прихожанами той-же деревни, по мѣрѣ ихъ нуждъ и по усмотрѣнію прихода (5 «Моис.» 25;

1 «Тимоѳ.» 5; «Матѳ.» 10 и «Коринѳ.» 9), а все, что затѣмъ останется, должно сберегаться на случай какого-нибудь несчастія или войны; изъ этого-то избытка и слѣдуетъ удовлетворять общественнымъ нуждамъ, не обременяя бѣднаго населенія налогами. Еслибы случилось, что одна или нѣсколько деревень продали свою десятину по какой-нибудь надобности, то купившій долженъ прежде всего доказать дѣйствительность покупки, и тогда мы войдемъ съ нимъ въ соглашеніе, смотря по важности дѣла («Лука» 6; «Матѳ.» 5). Но кто не самъ купилъ деревню, десятину, а получилъ ее отъ иредковъ, присвоившихъ ее себѣ силой или хитростью, тому мы не хотимъ и не должны ее давать; мы только обязываемся, какъ сказано прежде, содержать священниковъ и, по Писанію, раздавать милостыню нищимъ. Кромѣ того, мы не хотимъ платить ни духовнымъ, ни свѣтскимъ лицамъ никакой малой десятины, такъ какъ Богъ предоставилъ скотину въ полное распоряженіе человѣка (1 «Псал.» 1). И потому эту десятину мы считаемъ несправедливою, выдуманною людьми, и давать ее больше не будемъ. Въ-третьихъ, до сихъ поръ было въ обыкновеніи считать насъ чужою собственностью, но это противно Священному Писанію, потому что Христосъ своею божественною кровью всѣхъ насъ искупилъ и всѣмъ намъ даровалъ спасеніе («Ис.» 53; 1 «Петр.» 1; 1 «Коринѳ.» 7; «Римл.» 13), начиная отъ послѣдняго пастуха до могущественнѣй-

шаго монарха. Вотъ почему Священное Писаніе говоритъ, что мы свободны и мы хотимъ быть на самомъ дѣлѣ свободными («Премудр.» 6; 1 «Петр.» 2). Это не значитъ, что мы хотимъ необузданной воли и не признаемъ никакихъ властей. Мы должны жить по заповѣдямъ, а не по внушеніямъ грѣховной плоти (5 «Моис.» 6; «Матѳ.» 4); мы должны любить Бога, какъ своего Творца, и признавать Его въ ближнихъ, которымъ мы обязаны доставлять все то, что сами желали бы имѣть, по слову Спасителя на тайной вечери («Лука» 4, 6; «Матѳ.» 5; «Іоанн. 13»). Поэтому мы не будемъ нарушать заповѣди Божіей, которая вовсе не говоритъ намъ, чтобы мы не повиновались властямъ. Не только предъ властями, но предъ всякимъ мы должны смиряться (Римл.» 31). Мы не думаемъ сопротивляться выбраннымъ и установленнымъ правителямъ, потому что законъ Божій («Дѣян. Апост.» 5) запрещаетъ намъ это. Итакъ, мы не нарушаемъ покорности, потому и вы должны, съ своей стороны, поспѣшить освободить насъ изъ-подъ ига крѣпостнаго рабства или евангельскимъ словомъ доказать намъ, что мы должны оставаться рабами. Въ-четвертыхъ, до сихъ поръ велось обыкновеніе, что ни одинъ бѣдный человѣкъ не имѣлъ права ни охотиться на птицъ, ни ловить рыбу въ господскихъ владѣніяхъ. Это кажется намъ совершенно несправедливымъ, несогласнымъ съ братскою любовью и словомъ Божіимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ знат-

ные господа нарочно держатъ животныхъ, чтобы только повредить намъ и увеличить нашу бѣдность. Эти безсмысленныя твари жадно пожираютъ у насъ все, что Богъ далъ человѣку для его пропитанія, а мы должны молчать, хотя этимъ явно наносится оскорбленіе и Богу, и людямъ. Создавъ человѣка, Господь далъ ему власть надъ всякими животными, надъ птицами, въ воздухѣ летающими, и рыбами, въ водахъ плавающими («Моис.» 1; «Дѣян. Апост.» 19; 1 «Тим.» 4; 1 «Коринѳ.» 10; «Колос.» 2). Поэтому мы желаемъ, чтобы всякій, владѣющій рѣкою или озеромъ, представилъ достаточныя письменныя доказательства своего права владѣнія, и тогда пусть владѣетъ,— мы не станемъ употреблять противъ него насилія: надобно поступать со всякимъ по правиламъ христіанской любви и братства. Тотъ-же, кто не представитъ удовлетворительныхъ доказательствъ своего правовладѣнія, пусть отступится отъ захваченнаго въ пользу общины. Въ-пятыхъ, мы считаемъ себя также обиженными и въ отношеніи владѣнія лѣсомъ: наши господа присвоили себѣ всѣ лѣса, и если бѣдный человѣкъ нуждается въ деревѣ, онъ принужденъ платить за него вдвое дороже, чѣмъ дѣйствительно желалъ получить. По нашему мнѣнію, лѣса, на владѣніе которыми духовные и свѣтскіе господа не могутъ представить доказательствъ, должны быть отданы въ распоряженіе общины; каждый, въ случаѣ нужды, можетъ получать отъ общины безплатно

дрова и лѣсъ, даже и для столярнаго производства, разумѣется, только съ вѣдома лицъ выбранныхъ общиною, въ видахъ предупрежденія истребленія лѣсовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пріобрѣтетъ собственность честнымъ путемъ. община должна войти въ соглашеніе съ собственниками, по законамъ христіанской и братской любви. Если же лѣсное имущество было сначало куплено однимъ, а потомъ перепродано другому лицу, то съ покупщиками надобно войти въ соглашенія, какія укажетъ дѣло, по духу братской любви и Священнаго Писанія. Въ-шестыхъ, мы считаемъ себя горько обиженными тяжелою службой, которая съ каждымъ днемъ становится все невыносимѣе и невыносимѣе. Мы желаемъ, чтобы на это было обращено вниманіе и чтобы насъ не обременяли такъ жестоко; пусть насъ заставляютъ служить такъ, какъ служили наши отцы, согласно съ Божескимъ Писаніемъ («Римл.» 10). Въ-седьмыхъ, мы не хотимъ больше и слышать о поборахъ и несправедливостяхъ господъ; всякій долженъ неприкосновенно пользоваться своими правами, какъ они опредѣлены въ условіяхъ между господиномъ и крестьяниномъ. Господинъ не долженъ болѣе мучить и прижимать крестьянина, не долженъ требовать отъ него ни службы и ни другаго чего даромъ («Лук.» 3; «Θесс.» 6), такъ, чтобы крестьянинъ могъ свободно и спокойно распоряжаться своимъ имуществомъ. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестьянинъ дол-

женъ служить охотно и покорно,—впрочемъ, за извѣстное вознагражденіе и только въ опредѣленное время, для устраненія всякихъ потерь и убытковъ. Въ-восьмыхъ, многіе изъ насъ, имѣющихъ собственность, отягчены высокимъ податнымъ окладомъ, котораго не могутъ взносить изъ имущества; отсюда, крестьянамъ часто приходится терять свое достояніе. Мы желаемъ, чтобы господа послали для оцѣнки такихъ имуществъ честныхъ людей и взимали оброкъ смотря по ихъ стоимости. Крестьянинъ не долженъ работать для себя безъ выгодъ, потому что всякій работникъ достоинъ своей платы («Матѳ.» 10). Въ-девятыхъ, мы чувствуемъ себя глубоко обиженными тою безбожною несправедливостью, съ которою постоянно увеличиваютъ наши наказанія; очень часто насъ наказываютъ несоразмѣрно съ виною, по злобѣ, а иногда ради пристрастнаго снисхожденія къ другимъ. Мы желаемъ, чтобы насъ наказывали согласно съ древнимъ писаннымъ закономъ. соразмѣрно съ виною, а не пристрастно («Ис.» 10; «Ефес.» 6; «Лук.» 3; «Іерем.» 16). Въ-десятыхъ, мы считаемъ себя и тѣмъ еще обиженными, что нѣкоторыя лица присвоили себѣ пашни и луга, принадлежащіе общинамъ. Если эти земли пріобрѣтены въ собственность нечестнымъ путемъ, то мы опять отберемъ ихъ въ пользу нашихъ общинъ; но если за нихъ заплачены слѣдуемыя деньги, то мы вступимъ въ дружеское и братское соглашеніе съ ихъ владѣль-

цами, смотря по важности дѣла. Въ-одиннадцатыхъ, мы хотимъ совершенной отмѣны обычая, называемаго посмертнымъ отобраніемъ: мы не можемъ допустить и терпѣть, чтобъ у вдовъ и сиротъ, вопреки чести и Божіей волѣ, такъ безсовѣстно отнималась собственность, какъ это случается во многихъ мѣстахъ, подъ разными видами. Вмѣсто того, чтобы защищать и оберегать насъ, многіе обдираютъ, грабятъ поселянъ, и еслибы было у нихъ достаточно силы, то они обобрали бы ихъ до послѣдней нитки. Господь не хочетъ этого долѣе терпѣть, и обычай посмертнаго отобранія долженъ быть отмѣненъ: съ этихъ поръ по смерти лица семейство его никому и ничего не платитъ — ни много, ни мало. (5 «Моис.» 13; «Матѳ.» 8, 23; «Ис.» 10). Въ-двѣнадцатыхъ, мы пришли къ такому рѣшенію: если одинъ или нѣсколько изъ нашихъ тезисовъ не согласны со словомъ Божіимъ, то мы отъ нихъ отступимся, какъ только это намъ докажутъ по Писанію. И если даже какой-нибудь изъ нашихъ тезисовъ будетъ признанъ достойнымъ вниманія и названъ справедливымъ, а впослѣдствіи окажется неправильнымъ, то мы немедленно отъ него откажемся, какъ отъ мертваго и недѣйствительнаго члена. Если даже многіе тезисы будутъ найдены противными Богу и вредными для ближняго. то мы всѣ ихъ возьмемъ назадъ и будемъ молить Господа, чтобъ Онъ далъ намъ разумъ поступать и жить по христіанскому ученію, потому что этотъ ра-

зумъ исходитъ только отъ Бога, а не отъ кого другаго. Благодать Господа нашего Іисуса Христа буди со всѣми вами». Мы выписали весь этотъ характерный манифестъ, такъ какъ тутъ важно не одно его содержаніе, — важенъ и его тонъ. Въ этихъ тезисахъ въ сжатомъ видѣ высказано все то, чего требовали крестьяне. Текстъ манифеста былъ, какъ мы видимъ, написанъ въ умѣренномъ тонѣ, очевидно не рукою Мюнцера, всегда рѣзкаго въ своихъ выраженіяхъ и вдающагося въ безконечныя повторенія. Самыя требованія, въ сущности, сводились на то, что теперь не составляетъ предмета споровъ: люди требовали освобожденія отъ рабства, отъ безправія. Тѣмъ не менѣе власть, духовенство и дворяне, стоявшіе за старое положеніе вещей, не могли согласиться ни на какія уступки. И этихъ уступокъ стали добиваться вооруженною силою.

Мюнцеръ, видя вездѣ возстающій народъ, спѣшилъ изъ Швабіи и съ Дуная въ Мюльгаузенъ. Онъ не могъ стать во главѣ крестьянскихъ возстаній въ чужой странѣ и надѣялся захватить власть въ свои руки на родинѣ. Аресты, преслѣдованія, нищета—ничто не смущало его. Онъ просилъ у своихъ друзей куска хлѣба, говоря имъ, что онъ не возьметъ у нихъ ни одного талера: только-бы не умереть съ голода, — вотъ все, что было нужно ему. Нуждаясь въ самомъ необходимомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, бодро и смѣло проповѣдывалъ на пути. Выносливость его была изумительна.

Когда онъ прибылъ въ Мюльгаузенъ, почва здѣсь была уже подготовлена Пфейферомъ, прибывшимъ въ городъ гораздо раньше Мюнцера. Революція въ Мюльгаузенѣ была произведена быстро, безъ кровопролитія. Здѣсь былъ выбранъ новый совѣтъ, носившій названіе «вѣчнаго». Пфейферъ занялъ мѣсто священника въ церкви Св. Николая, Мюнцеръ—священника въ церкви Св. Маріи. Вліятельные люди, представители стараго порядка, прежнее духовенство—бѣжали. Начались разсужденія о составленіи совершенно новаго «христіанскаго правительства», административной и судебной дѣятельности — на новыхъ началахъ.

Какой-же новый строй вводило это новое правительство? Проповѣдь Мюнцера была проповѣдью коммунизма. Мюнцеръ понималъ коммунизмъ только въ томъ смыслѣ, какъ его понимали въ первыя времена христіанства: кто имѣлъ много, тотъ обязанъ былъ дѣлиться съ тѣмъ, кто не имѣлъ ничего. Дать необходимое, ѣду и одежду неимущимъ, не поощрять даровыми подачками тунеядства, не побуждать людей ни къ праздности, съ одной стороны, ни къ роскоши—съ другой—вотъ о чемъ мечталъ Мюнцеръ. Онъ самъ подавалъ примѣръ умѣренности и скромности въ жизни. Къ несчастію, все это было превосходно въ теоріи, а на практикѣ пришлось встрѣтиться съ алчностью, съ празднолюбіемъ, съ буйными страстями народа. Масса черни, испорченной и развращенной при старомъ порядкѣ вещей. видѣла

въ новомъ строѣ только возможность ничего не дѣлать, грабить монастыри, бражничать. Правда, не изъ одного этого отребья состоялъ народъ, но врагамъ бросались въ глаза безчинства только этой горсти людей, и потому на Мюнцера обрушились впослѣдствіи упреки «за разнузданіе страстей». Обвинители, конечно, не могли въ эту эпоху кровавой борьбы хладнокровно взглянуть на дѣло и понять, что предшествовавшій порядокъ дѣлъ былъ здѣсь нисколько не лучше: теперь грабили дворянъ и богатыхъ духовныхъ лицъ, прежде грабили дворяне и богатыя духовныя лица: теперь бражничала городская чернь, прежде бражничалъ городской beau monde: измѣнились только роли, и измѣнились вовсе не по желанію, хотя и по винѣ Мюнцера. Изъ Мюльгаузена возстаніе быстро стало распространяться по окрестностямъ. Ученики Мюнцера разносили новое ученіе. Пфейферъ велъ списки вступавшихъ въ союзъ членовъ.

Видя повсюду возстающихъ крестьянъ, противъ вліянія Мюнцера стали поднимать громкія голоса люди, желавшіе водворить миръ. Докторъ Штраусъ, священникъ Винель, проповѣдникъ Эберлинъ дѣйствовали въ этомъ духѣ, уговаривали крестьянъ положить оружіе, обѣщая имъ, въ случаѣ повиновенія властямъ, льготы и милости. Въ этомъ же духѣ дѣйствовали и нѣкоторые князья и дворяне, не рѣшавшіеся вступить, по той или другой причинѣ, въ открытый бой съ народомъ: на-

родная сила на первыхъ порахъ казалась слишкомъ грозною и непобѣдимою, тѣмъ болѣе, что въ раздробленной Германіи между властями было очень мало согласія и единодушія. Иногда эти попытки съ мирными сдѣлками съ крестьянами удавались. Мюнцеръ болѣе всего боялся этихъ миролюбивыхъ соглашеній. «Хитрость, лицемѣріе и предательство—вотъ самые страшные враги народа», какъ думалъ Мюнцеръ. Онъ удваивалъ свою энергію, обращаясь съ воззваніями къ тѣмъ, кого онъ называлъ: «Дорогіе товарищи въ лохмотьяхъ и съ пустыми желудками, съ челомъ, сморщеннымъ отъ нищеты, и съ загрубѣлыми руками». Имъ онъ писалъ: «Чистый страхъ Божій прежде всего. Долго-ли вы будете еще спать? Долго-ли вамъ не понимать воли Божіей? Какъ часто я говорилъ вамъ, что такъ должно быть. Богъ не можетъ болѣе открываться. Вы должны стоять. Не сдѣлаете этого,—тщетны будутъ ваши надрывающія сердце жертвы. Вы должны будете снова терпѣть страданія. Говорю вамъ: не хотите пострадать по волѣ Божіей, будете мучениками по волѣ дьявола. Берегитесь же! Не унывайте, будьте бдительны, не льстите больше безсмысленнымъ мечтаніямъ, безбожнымъ злодѣямъ. Дѣлайте дѣло и боритесь во имя Господа. Время настало. Привлекайте своихъ братьевъ, чтобъ они не издѣвались надъ словомъ Божіимъ, иначе они всѣ погибнуть. Вся Германія, Франція и Италія поднялись. Начнется музыка, погибнутъ злодѣи.

На Святой недѣлѣ разрушены четыре монастырскихъ церкви на Фульдѣ. Крестьяне Клетгау, Гегау и Шварцвальда возстали въ числѣ 30,000 и ихъ рать прибываетъ съ каждымъ днемъ. Я боюсь только, чтобы глупыхъ людей не увлекли фальшивыми договорами, въ которыхъ они не разглядятъ злаго умысла. Если васъ будетъ хоть трое твердо вѣрующихъ въ Бога, одушевленныхъ однимъ желаніемъ прославить Его имя и честь, вы не побоитесь и сотни тысячъ человѣкъ. За дѣло, за дѣло.—пора! Злодѣи струсили, какъ псы. Возбуждайте вашихъ братьевъ къ согласію и уговаривайте ихъ снаряжаться. Горе выше мѣры теперь. Скорѣй же, скорѣй за дѣло, за дѣло! Не склоняйтесь, если даже враги будутъ обращаться къ вамъ съ добрымъ словомъ. Не трогайтесь бѣдствіями безбожниковъ. Они будутъ дружески молить, стонать, плакать передъ вами, — плакать, какъ дѣти,—не жалѣйте ихъ. Самъ Богъ приказалъ такъ черезъ Моисея [80]). Намъ Онъ открылъ то же. Возбуждайте села и города, въ особенности же горцевъ и другихъ бодрыхъ людей. Мы не должны болѣе спать. Мы должны приняться за дѣло, за дѣло,—пора! Ко мнѣ пришло извѣстіе изъ Зальца, что народъ хотѣлъ выбросить изъ замка амтмана герцога Георга за то, что онъ замышлялъ тайно погубить трохъ. Крестьяне Эйхсфельда справились съ своими дворянами; они не хотятъ жить ихъ милостью. Со всѣхъ сто-

[80]) *Моисей*, 5, 7.

ронъ передъ вами много примѣровъ. Принимайтесь же за дѣло,—пора! Бальтазаръ и Бартель, Крупфъ, Фельтенъ и Вишофъ, беритесь каждый за свою работу. Передайте это письмо вашимъ товарищамъ горцамъ. Хотѣлъ бы такъ наставить всѣхъ братьевъ, чтобъ ихъ мужество было тверже всѣхъ замковъ безбожныхъ злодѣевъ во всей странѣ. За дѣло, за дѣло! Желѣзо горячо, — куйте! Пусть ваши мечи не охлаждаются отъ крови. Выковывайте ихъ на наковальнѣ Нимврода; пусть падетъ его башня. Пока злодѣи живы, вы не освободитесь отъ человѣческаго страха. Вамъ нельзя говорить о Богѣ, покуда они управляютъ вами. Итакъ, за дѣло, покуда еще не ушло время. Вами предводительствуетъ Богъ. Слѣдуйте за Нимъ. Прочитайте, что сказано у Матоея. Не робѣйте же, съ вами Богъ, — написано во 2 хрон. Богъ говоритъ вамъ: не бойтесь, вамъ нечего пугаться этой толпы. Не ваша идетъ война, а Господня. Не за себя вы боретесь. Мужайтесь. Вы увидите надъ собою руку Господню. Когда Іосафатъ услыхалъ эти слова, онъ палъ ницъ. Не страшитесь же и вы людей, а вѣруйте въ Бога, крѣпко вѣруйте: Онъ подкрѣпитъ васъ. Аминь. Писано въ Мюльгаузенѣ въ 1525 г. Томасъ Мюнцеръ, Божій воинъ противъ безбожниковъ» [81]). Это были страшные призывы, которыми только и можно было въ этотъ критическій моментъ остановить крестьянъ отъ миролюбивыхъ сдѣлокъ.

[81]) *Циммерманъ*, 200—201.—*A. Weill*, 324.

Но не одинъ Мюнцеръ страшно боялся миролюбивыхъ сдѣлокъ.

Кромѣ него, былъ еще одинъ человѣкъ въ Германіи, не допускавшій этихъ сдѣлокъ и соглашеній. Это былъ Лютеръ. Видя возставшій народъ, слыша съ ужасомъ, что это результаты начатаго имъ самимъ движенія, могучій реформаторъ испугался и примкнулъ къ крайней правой сторонѣ. Это былъ почти паническій страхъ. Если призывы Мюнцера къ возстанію, обращенные къ угнетенному народу, пугаютъ насъ своею необузданною рѣзкостью, то воззванія Лютера, обращенныя къ князьямъ и пронпкнутыя не меньшею кровожадностью, пробуждаютъ просто отвращеніе. Лютеръ писалъ: «Ну, ну! ступайте истреблять всѣхъ этихъ крестьянъ, всѣми вашими оружіями, какими располагаете, явно или тайно; убивайте всѣхъ этихъ бѣшеныхъ псовъ скорѣе! Христіанское крещеніе даетъ свободу не смертному тѣлу, но только безсмертной душѣ. Ну, ну! Князь демоновъ, вышедшій изъ ада, вселился въ крестьянъ. Каждый воинъ Христовъ, убитый возставшими, внидетъ въ рай, а каждый крестьянинъ сойдетъ въ адъ... Горе тѣмъ, кто проситъ меня быть умѣреннымъ относительно безсовѣстныхъ крестьянъ: крестьянина, какъ осла, нужно бить, чтобы заставить идти. Положите ваши мечи, негодные бунтовщики, склоните ваши преступныя головы до окровавленной земли и кричите о прощеніи, иначе ваши тѣла разорвутся

въ клочья воинами Господними, а ваши души— адскими дьяволами [82]). Кто чувствуетъ состраданіе къ людямъ, которыхъ самъ Богъ не жалѣетъ, а хочетъ покарать и погубить, тотъ самъ дѣлается бунтовщикомъ. Когда они погибнутъ, крестьяне научатся благодарить Бога, если имъ придется отдать одну корову, чтобы мирно съѣсть другую, а князья узнаютъ, благодаря возстанію, что кроется въ народѣ, которымъ можно управлять только посредствомъ насилія» [83]). Эта страшная проповѣдь рѣзни не имѣла другаго оправданія, кромѣ страха за тѣ церковныя реформы, которыхъ добился Лютеръ. Каспаръ Швенкфельдъ замѣтилъ про него: «Лютеръ хочетъ подражать Моисею, но это ему не удастся; онъ вывелъ народъ изъ Египта на середину Чермнаго моря, но онъ не доведетъ его даже до пустыни». Эразмъ Роттердамскій въ томъ же сатирическомъ тонѣ писалъ: «Дорогой саксонскій реформаторъ, ты не правъ, сердясь такъ сильно; твоя духовная реформа была причиной плотской реформы». Лютера приводили въ еще большую ярость подобныя замѣчанія, можетъ-быть, именно потому, что онъ сознавалъ ихъ справедливость [84]). Лютеръ въ своей злобѣ на крестьянъ дошелъ до того, что сталъ утверждать, что рабство проповѣдуется Евангеліемъ, и, грубо полемизируя съ крестьянами, ссылался на ту же 5 главу Еван-

[82]) *Ewerbeck*, 340.—[83]) *Циммерманъ*, III, 295.—[84]) *Ewerbeck*, 340.

гелія отъ Матѳея. на которую такъ любятъ ссылаться всѣ новаторы. ищущіе себѣ опоры въ Евангеліи. Онъ говорилъ, что крестьяне не смѣютъ противиться злому. «Кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. Кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку. отдай ему и верхнюю одежду». Это говорилось нищему народу, говорилось тѣмъ самымъ человѣкомъ. который менѣе всего былъ способенъ поступать такъ. какъ онъ совѣтовалъ поступать другимъ [85]). Онъ даже съ какимъ-то мелочнымъ злорадствомъ говорилъ: «Меня радуетъ. что Богъ лишилъ народъ такого великаго дара утѣшенія. какъ пѣсня». Дѣло въ томъ. что у возставшихъ крестьянъ не было своихъ пѣсенъ [86]).

Но не Лютеръ былъ виновникомъ страшной развязки всей этой кровавой драмы. Мюнцеру суждено было погибнуть именно отъ того обоюдоострого оружія. которымъ онъ самъ пользовался. чтобы властвовать надъ толпой...

Помѣстившись въ іоганнитскомъ монастырѣ. Мюнцеръ приготовлялъ оружіе для борьбы. боевые снаряды, военные запасы и ждалъ удобной минуты. чтобы вступить въ бой. Онъ зналъ свой народъ. Надѣяться на стойкость и боевыя способности мюльгаузенцевъ и тюрингенцевъ онъ не могъ. Надежды могли возлагаться на швабовъ. выросшихъ среди войнъ, на стрѣлковъ изъ Альпъ

[85]) *Plitt*: „Martin Luther“. S. 302—306.—[86]) *R. Koenig*. 233

и Эльзаса, на франконцевъ, составлявшихъ черную рать знаменитаго крестьянскаго вожака Флоріана Гейера. Прежде всего нужно было поднять всѣхъ, заставить отдѣльныя группы одержать верхъ надъ тѣми или другими князьями, пріучить народъ къ войнѣ, закалить его въ боевомъ огнѣ, окрестить въ крови сраженій. Потомъ уже можно было стать во главѣ этого народа и одержать окончательную побѣду. Такъ думалъ Мюнцеръ. Не такъ думалъ Пфейферъ. Пфейферъ былъ, можетъ-быть, умнѣе Мюнцера; онъ, во всякомъ случаѣ, былъ краснорѣчивѣе его, умѣлъ яснѣе выражать свои мысли на бумагѣ, не былъ крайнимъ мистикомъ; но онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ узко-практическихъ людей, которые всегда болѣе склонны захватить лежащее подъ рукою, чѣмъ хладнокровно обдумывать, нельзя-ли пріобрѣсти большаго при помощи выжиданія. Онъ видѣлъ только выгоды данной минуты, тогда какъ Мюнцеръ ясно сознавалъ бѣдственныя послѣдствія этихъ выгодъ. Произошла роковая распря между двумя вождями движенія, тѣмъ болѣе опасная для дѣла Мюнцера, что Пфейферъ пользовался большимъ вліяніемъ въ родномъ городѣ и своимъ планомъ возбуждалъ низкія страсти черни, чуявшей добычу. Она думала не о побѣдѣ, а о грабежѣ. Но, можетъ-быть, Мюнцеру удалось бы какъ-нибудь одержать верхъ надъ Пфейферомъ, доказать несостоятельность плановъ послѣдняго, еслибы Пфейферъ не прибѣгнулъ къ край-

ему средству. Въ одно прекрасное утро Пфейферъ объявилъ, что ему было во снѣ внушеніе свыше, откровеніе, повелѣніе Божіе идти войной. Противъ этого заявленія не могло быть возраженій. Самъ Мюнцеръ такъ часто ссылался на откровеніе Божіе, на свои бесѣды съ Богомъ: онъ самъ твердо вѣрилъ въ возможность подобныхъ откровеній и училъ другихъ вѣрить въ это. Никто не удивлялся, заставая его во время громкихъ разговоровъ съ Богомъ. Да тутъ нечего было и удивляться. Вѣдь бесѣдовалъ же Лютеръ съ дьяволомъ, въ знакъ презрѣнія къ нечистому духу показывая ему даже заднюю часть тѣла [87]). Въ эти сношенія съ Богомъ и нечистою силою вѣрили тогда всѣ. На этой почвѣ не могло быть никакихъ споровъ. Тутъ нельзя было даже уличать человѣка во лжи. Вѣдь не уличали-же во лжи самого Мюнцера, когда онъ велъ діалоги съ Богомъ? Нужно было и теперь подчиниться не Пфейферу, а Богу. Пфейферъ это понялъ и воспользовался этимъ.

И вотъ, 26 апрѣля, окруженный 400 тѣлохранителей съ изображеніемъ на бѣломъ знамени радуги, Мюнцеръ вышелъ съ мюльгаузенцами на помощь крестьянамъ, возставшимъ и въ Ланге-зальцѣ: Пфейферъ направился въ другія мѣстности. Начало похода было удачно, т. е. можно было легко разрушать и грабить, и, окрыленный успѣхами, народъ уже видѣлъ приближеніе

[87]) *G. Freytag*, loc. cit., 117.

того желаннаго времени, когда всѣ нѣмцы, свободные, безъ различія званій и состояній, соберутся вокругъ одного главы. Идея объединенной Германіи, осуществленная только черезъ триста лѣтъ, носилась тогда въ воздухѣ. Она была непосредственнымъ плодомъ реформаціи, когда всюду писали и говорили: «Прежде мы управляли Римомъ, потомъ Римъ управлялъ нами; порвемъ-же всякую связь между нимъ и нами и пусть Германія управляетъ сама собою» [88]). Мюнцеръ мечталъ именно о такой, управляющейся сама собою, Германіи—объединенной, имѣющей одного главу, и не номинальнаго, какимъ былъ тогда императоръ, а настоящаго, связаннаго непосредственно съ народомъ. Управлять сама собою Германія могла, дѣйствительно, только сплотившись въ одно цѣлое, имѣя одного императора, а не массу деспотовъ, князей и герцоговъ. Этого могъ желать народъ, къ этому могъ стремиться Мюнцеръ, но не нѣмецкіе князья и господа, привыкшіе къ полному произволу въ одну сторону, къ страшному деспотизму—въ другую. Еслибы только это объединеніе должно было явиться плодомъ крестьянскаго возстанія, они и тогда употребили бы всѣ силы, чтобы задушить это возстаніе. Такое объединеніе было для нихъ хуже даже освобожденія крестьянъ. Изъ среды этихъ князей особенно выдѣлялся тогда двадцатилѣтній энергичный ландграфъ гессенскій, Фи-

[88]) *Ewerbeck*, 328.

липпъ. Одержавъ нѣсколько побѣдъ надъ отдѣльными шайками крестьянъ, онъ двинулся къ Франкенгаузену на помощь осажденному графу Альбрехту фонъ-Мансфельду. По дорогѣ къ нему должны были присоединиться герцогъ брауншвейгскій, герцогъ саксонскій и другіе владѣтельные князья. Графъ фонъ-Мансфельдъ былъ въ довольно критическомъ положеніи, стоя лицомъ къ лицу съ многолюднымъ лагеремъ крестьянъ. Чтобы выиграть время, онъ велъ съ крестьянами переговоры, обманывая противниковъ и давая имъ лживыя обѣщанія.

Но если къ графу фонъ-Мансфельду спѣшило подкрѣпленіе, то и къ противникамъ тоже шла помощь. Мюнцеръ хорошо понималъ, что настаетъ рѣшительная минута, что франкенгаузенцамъ грозитъ опасность. Онъ писалъ имъ, чтобъ они не поддавались въ ловушку графа, не слушали его обѣщаній, такъ какъ это погубитъ общее дѣло. Къ окрестнымъ вооружившимся крестьянамъ онъ отправилъ гонцовъ, требуя, чтобы всѣ стекались къ Франкенгаузену. То же писалъ онъ къ Пфейферу, ссылаясь на «откровеніе», на «повелѣніе Божіе», чтобы Пфейферъ и всѣ мюльгаузенцы пришли къ нему на помощь. Въ то же время, тономъ, близкимъ къ безумію, онъ угрожалъ въ письмахъ графамъ Альбрехту и Эрнсту фонъ-Мансфельду, призывая ихъ къ покаянію и пророча имъ гибель [89]). «Брату Альбрехту къ обра-

[89]) *Циммерманъ*, II, 361.

щенію (отъ идолопоклонства). Ну, что ты такъ безсовѣстно злоупотребляешь апостоломъ Павломъ? Ты хочешь утвердить свою тиранію такъ-же, какъ и папа свой стулъ, на апостолахъ Петрѣ и Павлѣ? Но неужели ты думаешь, что Богъ неразумно поступаетъ, когда въ своемъ гнѣвѣ возбуждаетъ народъ отложиться отъ тирановъ? («Осіи», XIII, 3). Не о тебѣ-ли и тебѣ подобныхъ пророчествовала Матерь Божія: «Низложи сильныя со престолъ и вознесе смиренныя?» Ужели ты представляешь себѣ, что Богъ создалъ птицъ небесныхъ и скотовъ земныхъ для того, чтобъ утолщать плоть князей-тирановъ? Ты думаешь, что Богъ не столько прилежитъ своему народу, сколько вамъ? Именемъ Христа ты хочешь прикрыть свое язычество и Павломъ свою власть? Но послушай! Тебѣ одно изъ двухъ: или ты долженъ признать, что Богъ далъ народу власть управлять, и тогда явись передъ нами, мы облобызаемъ тебя, какъ брата; или, если не хочешь, нѣтъ тебѣ пощады, какъ злѣйшему врагу Христовой вѣры. Знай-же это!» Къ графу Эрнсту фонъ-Мансфельду въ замокъ гельдрунгенскій Мюнцеръ писалъ: «Крѣпость и сила, страхъ Божій и непоколебимое исполненіе воли Господней да будутъ съ тобою, братъ Эрнстъ. Я, Ѳома Мюнцеръ, извѣщаю тебя, ради живаго Бога, оставить твое тиранское неистовство и не напрашиваться больше на гнѣвъ Божій. Ты мучишь христіанъ, ты обращаешь христіанскую вѣру въ варварство. Но

посмотри, что ты такое? Вѣдь, ты ничтожный червякъ. Подумай, кто тебя поставилъ княземъ народа, который Господь искупилъ честною Своею кровію. Ты обязанъ на дѣлѣ доказать, христіанинъ ты или нѣтъ... Дѣлай-же это, или, если не хочешь, я скажу народу о твоемъ упорствѣ, и всѣ братья съ радостью прольютъ кровь свою за христіанство, какъ нѣкогда проливали ее въ войнѣ съ турками. Не смиришься ты передъ нами,— вѣчное поношеніе тебѣ предъ всѣмъ христіанствомъ; ты будешь въ аду, ты мученикъ демона!.. Мы хотимъ имѣть отвѣтъ отъ тебя сегодня, или сейчасъ-же толпа воиновъ у тебя во дворцѣ. Такъ повелѣваетъ намъ Богъ... Данъ во Франкенгаузенѣ. Пятница по юбилеѣ 1525 года. Ѳома Мюнцеръ съ мечомъ Гедеона [90]). Эти угрозы были угрозами отчаянія. Впрочемъ, обезумѣть было отъ чего: приближалась многочисленная рать враговъ, привычныхъ къ войнѣ; свои не шли на помощь; подъ руками были небольшія банды людей, вовсе не знавшихъ военнаго дѣла; самъ ихъ вождь никогда не видалъ сраженія, а между тѣмъ не сегодня, такъ завтра нужно было вступить въ бой. Во все время пропаганды и агитаціи Мюнцера одушевляла фанатическая вѣра въ справедливость проповѣдуемыхъ имъ идей; теперь у него должно было явиться горькое сознаніе своего полнаго неумѣнья воевать. Мечты были спугнуты страшною дѣйствительностью. Когда при-

[90]) *Вишняковъ*, стр. 382—383.

былъ непріятель, Мюнцеръ расположился на возвышенности противъ Франкенгаузена за баррикадами изъ повозокъ, окруженный рвомъ. Въ его распоряженіи было не болѣе 8,000 человѣкъ. Но далеко не всѣ эти люди готовы были стоять за свое дѣло. Храбрые и задорные, когда дѣло шло о разрушеніи и ограбленіи замковъ и монастырей, когда въ виду имѣлась добыча, крестьяне трусили, видя грозныя силы враговъ. Въ своего вождя вѣрила только горсть преданныхъ ему людей; у остальныхъ не было даже этой поддержки. Враги понимали, какое настроеніе должно было быть въ крестьянскомъ лагерѣ, и вступили въ переговоры, предлагая помиловать бунтовщиковъ, если они смирятся. Требовали только выдачи Мюнцера. На это не согласились приверженцы Мюнцера, но на это готовы были согласиться тѣ, которые только недавно присоединились къ нему. Нужно было много энергіи, много силы, много отчаяннаго краснорѣчія, чтобы возстановить въ лагерѣ единодушіе и побудить это войско или пасть, или побѣдить. Пришлось даже прибѣгнуть къ двумъ казнямъ. Ихъ потомъ поставили Мюнцеру на счетъ... Мюнцеръ совершилъ чудо: покорилъ непокорныхъ, укрѣпилъ сомнѣвающихся; ему пришлось даже увѣрять людей, что онъ словитъ всѣ непріятельскія ядра въ широкіе рукава своей одежды; сама природа помогла ему въ этомъ дѣлѣ укрѣпленія массы на безоблачномъ небѣ въ полдень, передъ самою

битвой, появилась радуга, и Мюнцеръ указалъ на нее, какъ на знаменіе Божіе. «Въ бой!—крикнули приверженцы Мюнцера. — Нѣтъ пощады кровопійцамъ!» Такъ какъ бой долженъ начаться не тотчасъ, а послѣ отсрочки, данной на размышленіе врагами, то всѣ инсургенты опустились на колѣни для молитвы. Въ эту-то торжественную минуту грянулъ залпъ изъ всѣхъ непріятельскихъ орудій: враги не дождались условнаго срока для начала битвы. Вмѣсто битвы, начались бѣгство, преслѣдованіе бѣгущихъ, взятіе ихъ въ плѣнъ, казни...

Голова скрывшагося Мюнцера была оцѣнена.

«Послѣ того, какъ сраженіе у Франкенгаузена было проиграно,— говоритъ Зейдеманъ, — Мюнцеръ былъ схваченъ однимъ изъ рейтеровъ [91]) въ одномъ городскомъ домѣ у Нордгаузскихъ воротъ, гдѣ Мюнцеръ спрятался, притворившись больнымъ. На вопросъ всадника, кто онъ такой, Мюнцеръ отвѣтилъ, что у него лихорадка, что онъ слабъ и не принималъ участія въ возстаніи. Но сумка у постели, въ которой были письма Альбрехта фонъ-Мансфельда къ Мюнцеру, выдала послѣдняго, и всадникъ предалъ Мюнцера во власть князей. Это произошло если не въ понедѣльникъ-же, то во вторникъ, 16-го мая» [92]). Первымъ вопросомъ князей былъ вопросъ о томъ, какъ могъ Мюнцеръ развращать бѣдный народъ

[91]) Слугою дворянина фонъ-Эббе. — [92]) *Seidemann*, 86—87.

и зачѣмъ онъ допустилъ кровопролитіе. Мюнцеръ отвѣтилъ, что съ самой ранней юности его наставлялъ духъ, повелѣвавшій жертвовать отдѣльными личностями ради великаго дѣла и спасенія всего человѣчества. «Вѣдь, жертвовали же людьми вы, князья, ради своего эгоизма, причудъ и потѣхи? Этотъ духъ нисходитъ на меня и поддерживаетъ меня,—говорилъ Мюнцеръ.—Наказать тирановъ требовала сама справедливость; они были всегда врагами Евангелія, врагами христіанской свободы; на нихъ слѣдовало надѣть узду и удила». «Отчего при этомъ пострадали крестьяне, онъ не знаетъ, но, должно быть, господа сами того пожелали». Молодой ландграфъ гессенскій началъ разъяснять Мюнцеру обязанности подданнаго. Вожакъ народа, проповѣдникъ новыхъ идей даже не отвѣтилъ надменному юношѣ. Тогда началась пытка. «Тяжело тебѣ, Ѳома,— проговорилъ ему герцогъ Георгъ Саксонскій, когда вскрикнулъ Мюнцеръ, которому завинтили въ тиски большіе пальцы, такъ что эти пальцы сплющились, — но подумай, каково было тѣмъ, которые были казнены по твоей милости». Мюнцеръ отвѣтилъ: «Не я,—вы того хотѣли». Пытка не вызвала у него никакихъ признаній [93]). Но не такое было тогда время, чтобъ удовольствоваться этимъ. Мюнцера приковали къ телѣгѣ и повезли къ жестокому брату графа Альбрехта фонъ-Мансфельда, графу Эрнсту, въ Гельдрун-

[93]) *Циммерманъ*, III, 386.

генъ. Здѣсь его посадили на нѣсколько дней въ башню. «Укрѣпленный Гельдрунгенъ и его глубочайшая башня обезсилили Мюнцера.—говоритъ Зейдеманъ [94]). По свидѣтельству самихъ его враговъ съ нимъ обращались въ Гельдруненѣ «ужасно»—«grewlich daselbst mit jm ist umbgangen». Послѣ страшныхъ пытокъ написалъ онъ 17 мая своимъ «братьямъ» въ Мюльгаузенъ трогательное, отправленное съ Христофоромъ Ламбленомъ, письмо, призывая ихъ къ благоразумію, отрекаясь отъ всего земнаго, признавая себя очистительною жертвой за грѣхи, несправедливости и своекорыстіе другихъ и прося пощады Мюльгаузену, а также женѣ и ребенку его. Мюнцера, и о сохраненіи за ними ихъ небольшой собственности «въ родѣ книгъ и одежды» [95]). Онъ не отрекался, въ сущности, ни отъ чего, онъ признавалъ свое дѣло справедливымъ и необходимымъ, но, въ то же время, признавалъ, что оно погублено корыстными и личными расчетами людей, что оно должно послужить горькимъ урокомъ.

Измученный пытками, израненный, протомившійся въ тюрьмѣ, Мюнцеръ былъ привезенъ въ Мюльгаузенъ для казни. Здѣсь увѣщевалъ онъ князей не поступать жестоко съ бѣдными людьми, быть человѣколюбивыми и справедливыми и, не каясь, только сознался, что онъ взялъ на себя «слишкомъ великое, несоразмѣрное съ его силами—majora justo—дѣло». Нѣкоторые писатели го-

[94]) *Hast*, loc. cit., 88—90.—[95]) *Seidemann*, 89.

ворятъ, что его охватилъ страхъ передъ смертью, что онъ все время пилъ воду, что онъ не могъ прочитать даже Символъ вѣры, который былъ прочтенъ за него герцогомъ Гейнрихомъ Брауншвейгскимъ, что онъ причащался по обряду католической церкви; но все это едва ли вѣрно, такъ какъ подъ вліяніемъ трусости не говорятъ длинныхъ рѣчей, убѣждающихъ враговъ быть кроткими и милосердыми съ народомъ [96]). Прочитать Символъ вѣры было несравненно легче, чѣмъ произнести подобную рѣчь; но Мюнцеръ въ послѣднія минуты думалъ и заботился не о себѣ: и тутъ всѣ его мысли были заняты положеніемъ народа. Взятый въ плѣнъ, Пфейферъ былъ также казненъ: онъ не произнесъ ни слова, не потупилъ глазъ, не дрогнулъ передъ казнью. Тѣла и головы казненныхъ были выставлены на поруганіе на возвышенномъ мѣстѣ около Мюльгаузена. Есть извѣстія, что даже несчастная жена Мюнцера, оставшаяся беременной, не избѣжала насилій и оскорбленій [97]).

Первый актъ этой драмы перекрещенства закончился со смертью Мюнцера; но, прежде чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшаго ея развитія, нужно остановиться на личности Мюнцера, такъ какъ и послѣдовавшія событія тѣсно связаны съ нимъ, хотя пришедшіе на смѣну ему

---

[96]) *Ibid.*, 92—93; *Циммерманъ*, III, 274—275; *Hast*, 90.— [97]) *Seidemann*, 91—92.

дѣятели нерѣдко отказывались и отказываются отъ него, отъ его идей.

VII.

Довольно долгое время въ Германіи имя Мюнцера было какимъ-то пугаломъ и, подъ вліяніемъ страстей, на него взводили всякія небывалыя обвиненія, его смѣшивали съ грязью. Только въ нашъ вѣкъ настало время, когда историки нашли возможнымъ относиться къ Мюнцеру болѣе хладнокровно и потому болѣе справедливо. Скажемъ даже болѣе: въ нашъ вѣкъ нѣкоторые историки, на которыхъ не безъ основанія нападаетъ Шлоссеръ, вдались въ другую крайность и стали безусловно хвалить все, что исходило отъ Мюнцера. Къ числу такихъ писателей принадлежатъ Циммерманъ, Вейль и другіе. Преувеличенія и въ ту, и въ другую стороны одинаково ошибочны.

Взглянемъ, прежде всего, на Мюнцера какъ на личность.

Какъ бы враждебно ни относились теперь люди къ сущности проповѣди Мюнцера, они уже не могутъ не сознавать, что, какъ нравственная личность, онъ стоялъ высоко, едва-ли не выше всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ исполнялъ то, что проповѣдывалъ, отличался суровымъ образомъ жизни, былъ воздержанъ почти до аске-

тизма, ничего не желалъ лично для себя и имѣлъ въ виду только благо народа. Такіе послѣдовательные люди встрѣчаются рѣдко: это исключительныя натуры. Защищая его отъ взводимыхъ на него клеветъ, Циммерманъ говоритъ: «Юноша, чужестранецъ, онъ заставилъ преклоняться предъ собою горныхъ гражданъ большаго свободнаго города. По словамъ достовѣрнаго лѣтописца, разсказывающаго то, что онъ видѣлъ собственными глазами, Мюнцеръ такъ крѣпко держалъ въ рукахъ свой народъ, что еще долго послѣ его смерти народу казалось, что Мюнцеръ, какъ всевидящій и карающій духъ, постоянно стоитъ за его спиною. Безспорно, это была сильная личность, съ характеромъ, достойнымъ полнаго удивленія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ даже его смертельные враги.—Конечно, совершенно невольно, безъ всякаго желанія со своей стороны. Не только Меланхтонъ, великолѣпный филологъ и «отличный органонъ» Лютера, человѣкъ необходимый для реформаціи, но, конечно, менѣе всего способный написать исторію Мюнцера и его дѣятельности, даже и самъ Лютеръ, — оба они, сами того не замѣчая, противъ воли высказываютъ самое высокое понятіе о могуществѣ и силѣ духа Мюнцера. Сквозь всякую строчку, написанную ими о Мюнцерѣ, такъ и просвѣчиваетъ тайный страхъ, что вотъ-вотъ онъ войдетъ и предстанетъ предъ ними въ то время, какъ они упоминаютъ его имя, говорятъ о немъ. Тѣнь давно умершаго

Мюнцера оказывала на нихъ такое вліяніе, которое и при жизни бываетъ удѣломъ только немногихъ сильныхъ личностей. Почти въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ ихъ о Мюнцерѣ видно, что онъ давитъ ихъ, какъ кошмаръ, что ихъ постоянно преслѣдуетъ тайный ужасъ; что Мюнцеръ, какъ духъ «намалеванный на стѣнѣ», вдругъ явится предъ ними въ ту минуту, какъ они произносятъ его имя. Клевета не разъ пыталась очернить самоотверженныхъ, строгихъ и безкорыстныхъ бойцовъ свободы прошлаго вѣка; но теперь даже наука придворныхъ философовъ не рѣшается отказать имъ въ римскихъ добродѣтеляхъ. Томасу Мюнцеру пришлось испытать то же: клеветники пытались унизить достоинство его личнаго характера, затоптать въ грязь его прахъ. Его жизнь была такъ-же строга, какъ и его ученіе; Мюнцеръ былъ постоянно воздержанъ въ пищѣ и питьѣ. Его любовь къ подругѣ его юности была такъ сильна, что даже среди мученій пытки, передъ лицомъ смерти, онъ думалъ только о ней и объ ея будущности. Не смотря на это, послѣ его смерти клевета коснулась даже и этой добродѣтели: она пыталась приписать Мюнцеру развратъ сумасбродныхъ швейцарскихъ перекрещенцевъ, въ особенности же одну скандальную исторію, случившуюся въ Сентъ-Галленѣ. Въ кружкахъ виртембергскихъ теологовъ тѣшились постоянно разсказами о томъ, какъ Мюнцеръ каждый разъ, когда онъ собирался произнести

какую-нибудь блестящую народную рѣчь, собиралъ около себя красивѣйшихъ женщинъ города, говоря, что онъ чувствуетъ божественное дыханіе въ ихъ кругу. То же самое говорили и о Сократѣ, и о Магометѣ, и о многихъ другихъ «великихъ людяхъ». Такимъ образомъ взводимыя на Мюнцера клеветы скорѣе возвышаютъ, чѣмъ унижаютъ его» [98]). Если бы кто заподозрилъ отзывъ Циммермана въ пристрастіи, тотъ можетъ найти подобные же, хотя и болѣе краткіе, отзывы о личности Мюнцера у Трейчке, Шлоссера, Эвербека, Эрбкама, Вебера, Кольба, Вейля, Ранке, Штерна и у множества другихъ писателей совершенно различныхъ лагерей. Тутъ, въ этомъ вопросѣ, нѣтъ и уже не можетъ быть споровъ: клеветы и инсинуаціи давно разсѣяны строгимъ и безпристрастнымъ изученіемъ того времени.

Но если такова была личность Мюнцера, то каковы же были его идеи?

Изъ крестьянскихъ тезисовъ, навѣянныхъ Мюнцеромъ, мы видѣли, что Мюнцеръ желалъ для народа всего того, что въ теченіе послѣдующихъ трехъ вѣковъ дано народу или пріобрѣтено народомъ, за которымъ признали человѣческія права. Идеи, высказанныя въ этомъ документѣ, далеко опередили свое время. Но Мюнцеръ шелъ далѣе, высказывалъ и болѣе радикальныя требованія. Трейчке говоритъ, что каждая изъ идей Мюнцера, осмѣянныхъ его современниками, на-

[98]) *Циммерманъ*, III, 174—176.

шла впослѣдствіи представителя, нашла послѣдователей. За нѣсколько вѣковъ Мюнцеръ высказалъ то, что потомъ осуществлялось на практикѣ выдающимися гуманистами Англіи, Франціи, Германіи. Все это даетъ право Мюнцеру на видное мѣсто въ исторіи.

Но, не отрицая ни высокой нравственности въ Мюнцерѣ, ни возвышенности и глубины его идей, всѣ—и друзья, и враги его—должны сознаться, что ему не удалось при жизни осуществить ничего изъ того, что онъ проповѣдывалъ, къ чему онъ стремился. Этого мало. Нужно даже признать, что онъ не мало способствовалъ усиленію на время реакціи, возбудилъ противъ требованій народа не только князей и дворянъ, но заставилъ и такихъ людей, какъ Лютеръ и Меланхтонъ, кричать о подавленіи народнаго возстанія. Народъ бунтовалъ и до Мюнцера, но тогда Лютеръ говорилъ: «Народъ не можетъ болѣе терпѣть»; когда народъ бунтовалъ подъ вліяніемъ Мюнцера, Лютеръ писалъ: «Бейте этихъ бѣшеныхъ псовъ». Этотъ крутой поворотъ отъ симпатій къ народу, къ страху передъ народною бурей очень легко прослѣдить въ то время.

Гдѣ искать причинъ всего этого?

Дѣло въ томъ, что умъ Мюнцера обладалъ замѣчательною способностію доходить до крайнихъ логическихъ выводовъ, не останавливаясь никогда на половинѣ дороги, не ставя себѣ впереди извѣстныхъ предѣловъ,—«до этой точки и не даль-

ше». Это была совершенная противуположность Лютеру, который могъ сказать себѣ: «нужно добиться того-то и бороться противъ всего, что представится дальше». Вслѣдствіе этого мы видимъ Мюнцера начертывающимъ человѣчеству крайне широкую программу, въ осуществленію которой оно должно стремиться. Основы созданнаго имъ идеальнаго государства слѣдующія: «перерожденные и святы, и совершенны: значитъ, они не подчинены никакимъ законамъ. Если свободные не подчинены людямъ, то они не исполняютъ никакихъ гражданскихъ повинностей, десятинъ и пошлинъ не платятъ. Совершенно самостоятельные, они не входятъ ни въ какія служебныя отношенія съ другими людьми. Условія земнаго родства и дружбы не должны быть принимаемы въ расчетъ передъ обязанностями и условіями духовными и небесными. Всѣ люди — духовные братья и сестры. У перерожденныхъ не можетъ быть собственности. Имущество есть общее достояніе братьевъ и сестеръ. Начальства нѣтъ» [99]). Это теорія. Но какъ осуществить ее на практикѣ? Здѣсь-то мы и встрѣчаемся съ самою слабою стороной Мюнцера. Онъ не говоритъ, что все это, можетъ-быть, совершится постепенно, въ далекомъ будущемъ, по мѣрѣ развитія и роста человѣчества. Онъ не ограничивается

---

[99]) *Schenkel:* „Das Wasen des Protestantismus. Schaffhausen, 1851. B. III. S 164.

воспитательною проповѣдью своего ученія, подобно проповѣдникамъ Евангелія, говорившимъ при вопросѣ о податяхъ, что нужно давать «кесарево кесарю, а Божіе Богу», и при вопросѣ о раздачѣ имущества — что «человѣку это невозможно, а Богу возможно». Они знали, что политическій и соціальный строй не ломается разомъ, что для его ломки нужно подготовить сначала людей, которые прониклись бы извѣстнымъ ученіемъ. Не такъ смотрѣлъ Мюнцеръ на дѣло. Ему нѣтъ дѣла до того, что въ соціальной жизни не можетъ быть скачковъ, что ея развитіе совершается постепенно. Нѣтъ, онъ мистикъ, онъ фанатикъ, онъ пророкъ. Что значатъ для него разные естественные законы, когда онъ вѣритъ во всемогущество Бога: Богъ захочетъ, и все измѣнится? — Но захочетъ-ли Богъ? — Да, захочетъ. Кому же и знать волю Божію, какъ не ему? Онъ вѣритъ въ «небесное откровеніе», въ «непосредственное вдохновеніе», и возглашаетъ смѣло, что «время новаго царства настало». Онъ вѣритъ въ это безусловно и дѣйствуетъ во имя этой вѣры. Чѣмъ страшнѣе были воззванія и угрозы Мюнцера, тѣмъ сильнѣе сплочивалась толпа его враговъ. Даже тѣ, кто могъ бы стоять на его сторонѣ, открещивались отъ него, и если не примыкали къ его врагамъ, то держались въ сторонѣ отъ него. Въ такомъ положеніи трудно было ждать успѣха. Но еслибъ онъ даже не ошибся, еслибъ его партію ждалъ успѣхъ, то что могло

бы выйти? Нигдѣ мы не находимъ у него какого бы то ни было строго выработаннаго плана новаго царства, не видимъ даже строгаго плана подготовительныхъ дѣйствій, такъ какъ разбрасываніе прокламацій, горячая проповѣдь, призывъ къ возстанію не есть еще подготовительный планъ дѣйствій. Безграничная вѣра въ помощь свыше дѣлала ненужными всякіе планы и мѣры предосторожности. Богъ захочетъ и все сдѣлается по его волѣ. Мы видѣли, къ какимъ результатамъ привела эта вѣра. Но еслибы даже можно было ожидать побѣды непривычныхъ къ войнѣ крестьянъ подъ предводительствомъ никогда не видавшаго битвъ вождя надъ привычными къ войнѣ солдатами, имѣвшими во главѣ опытныхъ предводителей-князей, то и тогда, послѣ этого «чуда», Мюнцеру, конечно, не удалось бы создать ничего съ имѣвшимся у него подъ руками живымъ «матеріаломъ», то есть съ старыми людьми, носившими въ себѣ всѣ сѣмена и плевела прошлаго строя жизни. Только въ послѣднія минуты жизни, томясь въ тюрьмѣ, готовясь къ смерти, онъ, можетъ-быть, вполнѣ ясно понялъ, что тотъ народъ, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло,— народъ, деморализованный долгимъ рабствомъ, отупѣвшій отъ вѣчныхъ лишеній, не имѣвшій понятія о Богѣ и считавшій свободой своеволіе, общностью имущества присвоеніе чужой собственности, новою жизнью право бездѣльничать, не могъ переродиться внезапно. Въ пору своего пол-

наго развитія и кипучей дѣятельности Мюнцеръ ни разу не остановился на этой мысли, ни разу не закралось, какъ мы видѣли, сомнѣніе въ его душу. Онъ слишкомъ беззавѣтно вѣрилъ въ свое призваніе, чтобы поддаться духу сомнѣнія. Если-бы сомнѣніе хотя разъ закралось въ его душу, Мюнцеръ пересталъ бы быть Мюнцеромъ. Мюнцеръ былъ менѣе всего практикъ. Онъ не заботился о практичности въ своей жизни, онъ не думалъ о практичности и при созданіи своихъ теорій, при развитіи своихъ идей, и дѣйствительная жизнь жестоко насмѣялась надъ нимъ. У нея есть свои законы постепеннаго развитія и она не позволяетъ глумиться надъ ними, пренебрегать ими. Что долженъ былъ чувствовать Мюнцеръ, когда Пфейферъ заявилъ ему, что голосъ свыше приказываетъ имъ выступить изъ города въ открытое поле и идти на враговъ? Что долженъ былъ чувствовать Мюнцеръ, когда послѣ показавшейся на безоблачномъ небѣ радуги, когда послѣ торжественной молитвы всего его войска, подъ залпъ вражескихъ орудій, онъ увидалъ только бѣгущихъ въ паническомъ страхѣ людей? И сколько, какъ мы увидимъ дальше, страшныхъ событій и злодѣйствъ произошло подъ предлогомъ голоса свыше.

Вотъ главная причина, почему Мюнцеру, нравственная личность котораго выше личности Лютера, пришлось умереть со словами:

«Я взялъ на себя слишкомъ великое, непосильное дѣло!»

VIII.

Мюнцеръ погибъ; не погибли перекрещенцы. Можно сказать даже болѣе: именно съ этого времени, то-есть послѣ смерти Мюнцера, начинается самое сильное развитіе перекрещенства. Успѣхи новаго ученія были до того быстры и поразительны, что нѣкоторые историки перекрещенства, а въ томъ числѣ и противникъ перекрещенства, Себастьянъ Франкъ, прямо отрицаютъ саксонское происхожденіе перекрещенства и переносятъ мѣсто его рожденія въ Швейцарію, Эльзасъ, Фландрію, Брабантъ, говоря иначе, открещиваются отъ Мюнцера и его сообщниковъ [100]).

Это невѣрно, но это характерно.

Начало перекрещенства, какъ мы видимъ, совпало со временемъ сильнѣйшаго броженія въ крестьянствѣ. Въ самомъ перекрещенствѣ были идеи, ведущія къ кровавымъ переворотамъ, какъ бы ни отрицали этого историки. Отрицать это можно только, не понимая умышленно неопровержимыхъ фактовъ. Перекрещенцы всегда отвергали существующій строй жизни. Правда, они въ значительной части случаевъ говорили только о пассивномъ сопротивленіи. Но они же говорили, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Сопоставьте эти два тезиса и вы увидите, что проповѣдь о неподниманіи меча является абсурдомъ, безсмысли-

[100]) *Keller*, 25.

пей. ширмой. Что такое пассивное отрицаніе военной службы, суда. присяги? Не есть-ли это пустыя фразы. вѣра безъ дѣлъ? Отрицая все это въ теоріи. нужно было и на практикѣ не признавать суда, отказываться отъ военной службы. не давать присяги. Но это значило объявить открытую войну существующему порядку, то-есть поднять мечъ противъ него въ защиту своихъ убѣжденій. Правда. есть и другой путь—можно было пассивно сопротивляться, то-есть подставлять свою шею подъ удары и покорно ждать. пока общество перебьетъ всѣхъ. «покорно не исполняющихъ его требованій». Это абсурдъ. Такой человѣкъ. какъ Мюнцеръ. не могъ этого не понять и долженъ былъ поднять мечъ, чтобы не быть проповѣдникомъ вѣры безъ дѣлъ. Дѣломъ явилась политическая и соціальная революція. Когда она началась. тутъ уже некогда было вести религіозную пропаганду. и представители этой пропаганды смолкли передъ пропагандистами огнемъ и мечомъ. Мы знаемъ. чѣмъ кончилась кровавая драма. Народъ былъ подавленъ, побѣжденъ, но не успокоенъ. не удовлетворенъ. Онъ еще боролся въ Германіи. но конецъ этой борьбы было не трудно предвидѣть. Броженіе было повсемѣстное. но въ немъ были не отвага и надежды, а подавленность и отчаяніе: «должно быть. приближаются послѣдніе дни: отъ людей нечего ждать спасенія. помочь можетъ только Богъ». На этой почвѣ мистической паники могла дать пышный

цвѣтъ проповѣдь, говорившая, что спасенъ будетъ претерпѣвшій до конца, что кровью мучениковъ укрѣпится истинная церковь, что самъ Господь придетъ покарать и истребить нечестивыхъ. Это говорили не Лютеръ, не Цвингли, а перекрещенцы; народъ недостаточно смѣлый, чтобы пристать къ своимъ бунтующимъ братьямъ, но страдавшій не менѣе ихъ отъ притѣсненій, примкнулъ къ этимъ проповѣдникамъ, ища у нихъ утѣшенія. Вотъ причины того, что именно въ это время религіозная пропаганда перекрещенцевъ развилась такъ широко, что они считали это время за начало перекрещенства. — «Движеніе перекрещенцевъ», говоритъ Себастьянъ Франкъ,—шло такъ быстро, что ихъ ученіе скоро прошло по всей странѣ и они пріобрѣли великое число послѣдователей; многія тысячи крестились и привлекли къ себѣ многія добрыя сердца» [101]).

Новое движеніе началось со Швейцаріи еще въ 1523 году совершенно независимо отъ движенія, бывшаго въ Саксоніи.

Вожакомъ швейцарской реформаціи былъ Цвингли. Подобно Лютеру, онъ, дѣлая свое дѣло, никогда не упускалъ изъ вида чисто-политическихъ соображеній и долго проводилъ въ жизнь только то, что могла принять власть; для этой умѣренности нужно было имѣть много желѣзной воли, непоколебимой стойкости, холодной разсчетливости,—однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ качествъ,

[101]) *Keller*, 26.

которыми рѣже всего обладаютъ люди въ смутныя времена всеобщаго возбужденія. Вокругъ него образовалась цѣлая масса недовольныхъ его полумѣрами, говорившихъ, что онъ тянетъ на сторону властей и имущественныхъ классовъ, что онъ долженъ отмѣнить употребляемыя во время богослуженія священническія одежды, пѣніе въ церквахъ, образа и т. п., а онъ дѣлалъ только то, что было возможно въ данную минуту. Объединеніе недовольныхъ началось съ появленіемъ на сцену Конрада Гребеля.

Жизнь этого человѣка была тяжелою драмой противорѣчій. Знатное происхожденіе, замѣчательно доброе сердце, блестящія способности, серьезное классическое образованіе, полученное въ Вѣнѣ и Парижѣ, сильно развитое честолюбіе, толкавшее къ дѣятельности,—все это было дано ему; но рядомъ съ этимъ шли рознь съ родителями, увлеченія молодости богатаго студента, начавшаяся еще въ университетѣ болѣзнь, грозившая истощеніемъ силъ и преждевременною смертью, неравный бракъ, окончательно разссорившій съ сыномъ родителей, а потомъ непривычныя лишенія, борьба изъ-за куска хлѣба. Менѣе всего можно было ожидать, что изъ него выйдетъ реформаторъ въ области богословія. Но именно на этотъ путь толкнула его случайность, игравшая имъ всегда. Когда онъ явился въ Цюрихъ, Цвингли близко сошелся съ нимъ и изъ него, вѣроятно, вышелъ бы одинъ изъ блестя-

щихъ духовныхъ писателей, если бы около этого неудавшагося швейцарскаго Меланхтона стоялъ второй Лютеръ. Но Цвингли не былъ Лютеромъ, не умѣлъ властвовать и управлять сердцами. На первыхъ же порахъ честолюбивый Гребель почувствовалъ себя оскорбленнымъ со стороны Цвингли. Молодой человѣкъ требовалъ отставки вліятельныхъ противниковъ реформаціи, искалъ мѣста преподавателя греческаго языка. Цвингли не согласился ни на то, ни на другое. Гребель обидѣлся и отошелъ въ сторону отъ Цвингли [102]). Впрочемъ, подчинить себѣ Гребеля было не легко: не говоря о его личныхъ нравственныхъ недостаткахъ, въ немъ была полная непривычка къ уздѣ, а именно его-то и нужно было сдерживать въ вопросахъ религіи, такъ какъ онъ совершенно случайно занялся этими вопросами и потому неизбѣжно при своемъ пылкомъ темпераментѣ долженъ былъ впасть въ крайности. Молодой, страстный, неопытный, не знающій условій общественной жизни, Гребель быстро примкнулъ къ партіи, недовольной реформами Цвингли [103]). «Это соединеніе не было слѣдствіемъ религіозныхъ взглядовъ, а было результатомъ личныхъ столкновеній и стремленій Гребеля» [104]). Партія, къ которой онъ примкнулъ, признавала, что для истинныхъ христіанъ библія должна быть путе-

[102]) *Erbkam*: „Gesch. der protest. Sekten". Hamburg, 1848. S. 521.—[103]) *Cornelius*, II, 19, 20. — [104]) *Erbkam*, loc. cit., 521.

водною нитью. Начались дебаты; Цвингли одержалъ верхъ, то-есть власти приняли только предложенныя имъ реформы. Тогда кружокъ недовольныхъ, съ Гребелемъ, филологомъ Феликсомъ Манцемъ и священникомъ Симономъ Штумифомъ во главѣ, пришелъ къ заключенію, что церковь можетъ состоять изъ истинныхъ христіанъ, что надо слѣдовать апостольскимъ общинамъ, что надо отдѣлиться отъ свѣта и собрать невинный святой народъ [105]). Къ ученымъ ироповѣдникамъ примкнулъ кружокъ набожныхъ, мистически настроенныхъ, возбужденныхъ ремесленниковъ. Цюрихская государственная церковь приняла формы, соотвѣтствовавшія политикѣ и теологіи Цвингли, а кружокъ отщепенцевъ сталъ собираться въ домѣ матери Феликса Манца и обсуждать дальнѣйшее развитіе своей общины. Прежде всего, пришли къ заключенію, что апостолы не были ни ростовщиками, ни процентщиками, не собирали церковныхъ налоговъ и десятинъ. Дѣйствуя по примѣру первыхъ христіанъ, нужно возстановить беззавѣтный дѣлежъ земныхъ благъ. Не нужно никакихъ начальственныхъ должностей, не нужно меча; единственное оружіе—терпѣніе въ горѣ и братское усовѣщеваніе; если послѣднее не поможетъ, нужно исключать члена общины [106]). Радикалы реформаціи стали искать себѣ опоры въ обществѣ и, между прочимъ, принялись за чтеніе

[105]) *Cornelius*, II, 21. 22 *Cornelius*, II, 23.—[106]) *Cornelius*, II, 24.

радикальныхъ произведеній Карлштадта, Мюнцера, Штрауса. Съ Мюнцеромъ, путешествовавшимъ тогда близъ Швейцаріи, произошло личное знакомство. Карлштадтъ отвѣтилъ дружески на посланное ему письмо, прислалъ своего довѣреннаго Вестербурга и обѣщалъ побывать лично впослѣдствіи. Шагъ за шагомъ шла новая партія дальше въ своихъ отрицаніяхъ тѣла Христова въ причастіи, крещенія въ дѣтствѣ и только молилась: «О, Господи, пошли намъ безстрашныхъ пророковъ, которые съ вѣрою проповѣдывали бы только Твое единое вѣчное слово безъ прибавленій, исходящихъ отъ ихъ разума» [107]). Священникъ Рейблинъ изъ Швабіи, первый, нарушившій въ С.-Альбанѣ предписаніе о постахъ и потомъ первый же изъ духовенства женившійся въ Ватиконѣ, явился застрѣльщикомъ въ проповѣди объ отрицаніи крещенія дѣтей. До этой минуты правительство не придавало значенія новой партіи. Теперь оно встревожилось: Рейблина заключили въ тюрьму, родителямъ приказали крестить дѣтей. Начались пререканія, диспуты; самъ Цвингли принялъ участіе въ диспутѣ 18-го января 1525 года, побѣдилъ, и затѣмъ явился указъ: «Отказывающихся крестить дѣтей изгонять изъ государства». Нѣсколько вожаковъ новаго ученія получили приказъ удалиться изъ Цюриха въ теченіе восьми дней. Но покуда новая община еще не имѣла значенія церкви. Это значеніе она по-

[107]) *Cornelius*, II, 26.

лучила при помощи «простаго неученаго попа, который, по милости Божіей, дарованной ему, былъ очень свѣдущъ въ дѣлахъ вѣры». Этотъ попъ, Юргъ, т.-е. Георгъ, изъ дома Якова, прозванный по своей одеждѣ Блаурокомъ или Синимъ Кафтаномъ, былъ монахомъ изъ Хура; онъ принималъ участіе въ диспутѣ о крещеніи дѣтей. Онъ отличался краснорѣчіемъ настолько, что его прозвали вторымъ апостоломъ Павломъ. Въ жизни онъ былъ послѣдователенъ и, не считая нравственнымъ дѣломъ взиманіе платы за священническія обязанности, жилъ чернымъ трудомъ [108]). Сойдясь потомъ съ Конрадомъ Гребелемъ и Феликсомъ Манцемъ, Блаурокъ разговорился о томъ, что познавшіе истинное ученіе Божіе должны принять христіанское крещеніе для соединенія съ Господомъ. «И напалъ на нихъ страхъ, и проникъ въ сердца ихъ; тогда начали подгибаться ихъ колѣни передъ всевышнимъ Господомъ въ небѣ и призвали они Его, чтобы Онъ позволилъ имъ исполнить Его божественную волю. Тогда Юргъ поднялся и во имя Бога попросилъ, чтобы Конрадъ окрестилъ его настоящимъ христіанскимъ крещеніемъ по его вѣрѣ и по его исповѣданію; опять онъ упалъ на колѣни и былъ окрещенъ Конрадомъ; и всѣ присутствующіе крестились потомъ отъ Юрга». Затѣмъ, въ воспоминаніе о Христѣ, была вечеря съ преломленіемъ

---

[108]) *Erbkam*, loc. cit., 526, 527.

хлѣба и чашею вина [109]). Въ этотъ день новая община превратилась въ новую церковь и порвала всякую связь съ господствовавшею въ Швейцаріи церковью. Это было масло, подлитое въ огонь; одушевленіе охватило народъ, и всюду слышалась проповѣдь объ исправленіи жизни, о возвращеніи къ первобытной невинности, о братской любви апостольскихъ временъ. Изъ Цюриха новое ученіе разнеслось въ другіе города Швейцаріи изгнанными изъ города проповѣдниками. Во многихъ городахъ начали креститься взрослые. Но не эти простые люди были главнымъ завоеваніемъ пропагандистовъ; главнымъ ихъ торжествомъ было присоединеніе къ новой церкви Гюбмейера, — личности своеобразной настолько же, какъ были своеобразны Лютеръ, Мюнцеръ, Гребель и тому подобные дѣятели этой эпохи.

Бальтазаръ Гюбмейеръ или Гюбмеръ, какъ онъ самъ подписывался большею частью, былъ уроженцемъ Фридберга близъ Аугсбурга; родился въ 1480 году; былъ студентомъ въ Фрейбургѣ съ 1503 года; изучалъ философію и богословіе; былъ потомъ учителемъ въ Шафгаузенѣ, далѣе получилъ мѣсто доцента, профессора и священника въ Ингольштадтѣ. Это былъ вполнѣ ученый, серьезный, строгій, съ пытливымъ умомъ чело-

---

[109]) *Cornelius* II, 27; *Hast*: „Geschichte der Wiedertaeufer“. Münster, 1836. S. 112. Келлеръ указываетъ на I. Бредли, священника изъ Цолликона, близъ Цюриха, какъ на перваго изъ швейцарскихъ перекрещенцевъ. *Keller*, 28.

вѣкъ. Въ 1516 году его призвали въ Регенсбургъ священникомъ въ главную церковь. Онъ пріобрѣлъ здѣсь славу отличнаго проповѣдника и, между прочимъ, обличилъ евреевъ за ростовщичество, понудилъ выгнать ихъ изъ города и превратить ихъ синагогу въ капеллу св. Маріи. Это было въ 1519 году. Случилось нѣчто неожиданное: въ капеллу началъ стекаться народъ, стали совершаться чудеса, исцѣленія и т. п. Такіе случаи повторялись въ то время нерѣдко. Этого Гюбмейеръ не ожидалъ: онъ уже склонялся на сторону идей Лютера, обсуждая ихъ серьезно, какъ истый ученый. Извѣстія о чудесахъ, совершающихся въ капеллѣ, были ему, конечно, не по душѣ. Не возстать противъ суевѣрія онъ не могъ. Нѣсколько рѣзкихъ проповѣдей противъ увлеченія чудесами лишили его мѣста, и онъ снова долженъ былъ заработывать кусокъ хлѣба въ Шафгаузенѣ въ качествѣ учителя. Въ 1522 году онъ снова получилъ мѣсто священника въ Вальдсгутѣ. Чтеніе сочиненій Лютера, встрѣча въ Базелѣ и Фрейбургѣ съ людьми изъ друзей Зикингена, Пеликана, Эразма, — все это сильно возбуждало его, толкало на новый путь. Въ 1523 году съ аббатомъ изъ сіонскаго монастыря, другомъ реформаціи, онъ посѣтилъ С.-Галленъ и побывалъ у Цвингли. Въ дружескихъ бесѣдахъ Цвингли высказалъ ему свой взглядъ на крещеніе дѣтей, и въ этомъ взглядѣ сквозило сомнѣніе въ пользѣ этого крещенія. Потомъ Гюбмейеръ

сказалъ нѣсколько блестящихъ проповѣдей въ С.-Галленѣ и вернулся въ Вальдсгутъ, гдѣ съ каждымъ днемъ возрастала его популярность. Въ это время въ Цюрихѣ начался большой диспутъ; Гюбмейеръ принялъ въ немъ участіе, отличаясь серьезностью и мягкостью своего направленія. Въ Вальдсгутѣ, по возвращеніи своемъ домой, Гюбмейеръ хотѣлъ ввести нѣкоторыя реформы, но едва не лишился мѣста, такъ какъ австрійское правительство зорко слѣдило за проявленіями реформаторской дѣятельности въ своемъ сосѣдствѣ. Однако, несмотря на угрозы, издавъ сначала 18 проповѣдей, проникнутыхъ новымъ духомъ, Гюбмейеръ рѣшился 14 мая 1524 года созвать собраніе бюргеровъ для принятія евангелическаго ученія и для защиты его проповѣдниковъ. Тогда австрійское правительство потребовало выдачи еретика и грозило усмирить Вальдсгутъ оружіемъ. Не желая подвергать кого бы то ни было опасности, Гюбмейеръ удалился въ Шафгаузенъ. Но городъ вступился за своего любимца; въ это же время изъ Цюриха прибыли въ Вальдсгутъ на помощь городу защитники реформаціи. Тогда Гюбмейеръ счелъ нужнымъ тоже вернуться въ городъ и реформы стали вводиться уже открыто. Въ это время Гюбмейеръ переписывался со многими учеными и въ особенности съ Эколампадомъ о крещеніи дѣтей. Онъ признавалъ нецѣлесообразность крещенія дѣтей, не имѣющихъ понятія о вѣрѣ, а, между тѣмъ, обязываемыхъ крещеніемъ

сохранять всю жизнь извѣстное вѣроисповѣдываніе. Въ этомъ случаѣ имѣлъ вліяніе на Гюбмейера, между прочимъ, и Мюнцеръ [110]). Достаточно было прибыть въ Вальдсгутъ изгнаннымъ изъ Цюриха проповѣдникамъ крещенія взрослыхъ, чтобы Гюбмейеръ примкнулъ къ нимъ. На Пасхѣ въ 1525 году Вильгельмъ Рейблинъ крестилъ Гюбмейера и 110 человѣкъ гражданъ Вальдсгута, а потомъ въ теченіе одной недѣли самъ Гюбмейеръ окрестилъ 300 человѣкъ [111]). Такой крупной по учености, по проповѣднической славѣ, по вліянію среди согражданъ личности еще не было до этой поры среди швейцарскихъ перекрещенцевъ. Не изъ какихъ-нибудь постороннихъ дѣлу соображеній, какъ Гребель, примкнулъ онъ къ перекрещенству; не привлекало его къ этому дѣлу, какъ Мюнцера, откровеніе свыше. Нѣтъ, онъ, какъ ученый, шелъ медленно и послѣдовательно въ развитіи своихъ взглядовъ, безъ скачковъ и перебѣжекъ, вродѣ Карлштадта, и каждый его новый шагъ былъ слѣдствіемъ все болѣе и болѣе глубокаго изученія занимавшаго его предмета. Въ маѣ 1525 г. вышла книга Цвингли противъ перекрещенцевъ, и Гюбмейеръ тотчасъ же издалъ на нее достойный отвѣтъ, надѣлавшій не мало шума. Примѣру Вальдсгута послѣдовали С.-Галленъ, Шафгаузенъ, Бернъ, Базель, Граубинденъ. Особенно усиѣшно крестили Юргъ Блаурокъ и Феликсъ Мансъ.

[110]) *Cunitz*: „Hübmeier“. „Real-Encyclopedie von Herzog und Plitt.“ VI, 349.—[111]) *Keller*, 30.

Изъ швейцарскихъ городовъ проповѣдники новаго ученія двинулись дальше, и въ томъ же 1525 году мы видимъ сильное движеніе въ Аугсбургѣ, и опять здѣсь примыкаетъ къ партіи крупная и оригинальная личность — Іоаннъ Денкъ. Не считая нужнымъ останавливаться на массѣ заурядныхъ представителей новаго ученія, мы не можемъ пропускать безъ вниманія болѣе или менѣе характерныхъ дѣятелей этой эпохи. Поэтому мы должны остановиться и на Денкѣ, какъ на личности, наиболѣе симпатичной среди всѣхъ другихъ перекрещенцевъ,—скажемъ даже болѣе, среди пропагандистовъ вообще. О дѣтствѣ и ранней молодости этого слишкомъ рано погибшаго дѣятеля реформаціонной эпохи нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Одинъ изъ его современниковъ называетъ его «баварцемъ»; другой въ 1527 году называетъ его юношей, изъ чего можно заключить, что онъ родился въ концѣ пятнадцатаго столѣтія [112]). Впервые мы встрѣчаемъ его въ 1522 г. въ Базелѣ, занимающимся корректурой и слушающимъ лекціи Эколампада о пророкѣ Исаіи. Въ Базелѣ, же получилъ Денкъ званіе Magister liberalium articum и основательно изучилъ языки греческій, латинскій и еврейскій. Базельскій университетъ стоялъ тогда на высокой ступени, благодаря Дезидерію Еразму. Книжная торговля и издательская дѣятельность были въ рукахъ уче-

[112]) *Keller.* Ein Apostel der Wiedertaeufer Leipzig, 1882, S. 28.

ныхъ людей, составившихъ себѣ почтенныя имена. Такимъ образомъ молодой человѣкъ жилъ и вращался въ такихъ кружкахъ, гдѣ было вполнѣ возможно набраться знаній и развиться. По рекомендаціи Эколампада, Денкъ получилъ въ 1523 году мѣсто ректора въ школѣ св. Себальда въ Нюрнбергѣ. Сразу онъ зарекомендовалъ себя здѣсь не особенно благонамѣренно въ области религіозныхъ взглядовъ: его заподозрили въ отрицаніи ученія о св. Троицѣ; безъ утайки онъ заявлялъ себя защитникомъ швейцарскихъ ученій о причастіи; примкнулъ даже къ ученію Мюнцера, имѣвшаго много послѣдователей въ Нюрнбергѣ. Денка призвали къ отвѣту и изгнали изъ города въ концѣ 1524 года, съ обязательствомъ не подъѣзжать къ городу на десять миль. Нѣкоторое время онъ находился при Мюнцерѣ, а послѣ паденія Мюнцера явился въ С.-Галленъ [113]). Здѣсь онъ снова занялся корректурой и познакомился съ перекрещенцами. Примкнулъ онъ къ нимъ окончательно только въ Аугсбургѣ, вѣроятно, въ концѣ 1526 года. «Въ его лицѣ они сдѣлали пріобрѣтеніе, могущее служить украшеніемъ любой партіи, — говоритъ Корнеліусъ [114]), — такъ какъ, не смотря на свою юность, онъ уже былъ извѣстнымъ писателемъ, останавливавшемъ вниманіе современниковъ при помощи своей выдаю-

[113]) *B. Riggenbach*: «Hans Denk». „Real-Encyclopedie von Herzog und Plitt". B. III, S. 540—542.—[114]) *Cornelius*, II, 42.

щейся учености въ священныхъ языкахъ и еще болѣе при помощи самостоятельности и глубины теологическаго мышленія, а также нашедшимъ путь ко многимъ сердцамъ искренностью своихъ мистическихъ произведеній». «Въ этомъ прекрасномъ юношѣ,—говорилъ въ 1540 году противникъ перекрещенцевъ Вадіанъ, — были развиты всѣ задатки такимъ выдающимся образомъ, что онъ стоялъ выше своего возраста и казался выше самого себя». Въ другомъ мѣстѣ выставляются на видъ его любезность и нравственность [115]). Иногда можно было думать, что горячность Денка заведетъ его слишкомъ далеко и заставитъ отвѣчать нападающихъ на него въ ихъ же тонѣ,— можно было думать, что его книги полны клеветъ и обвиненій противъ партіи, преслѣдовавшей несчастнаго до конца его жизни,—ни чуть не бывало! Онъ смотрѣлъ на вещи скромно, мягко, гуманно, съ уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ, точно онъ соглашался со всѣми, что не мѣшало ему ясно высказывать свои убѣжденія; онъ ихъ высказывалъ безъ назойливости, но и безъ лицемѣрія [116]). Замѣчательны и характерны его собственныя слова, касающіяся споровъ и преслѣдованій. «Нѣкоторые въ такой степени клеветали на меня и обвиняли меня, говоритъ онъ, что даже кроткому и смиренному сердцу было очень трудно сдерживать себя въ извѣстныхъ грани-

[115]) *Keller*, Gesch. d. W. 34.—[116]) *Keller*. Ein Apostel, 21, 22.

цахъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ всегда было больно стоять въ несогласіяхъ съ нѣкоторыми людьми, которыхъ я все же не могу не признавать своими братьями, молящимися тому же Богу, которому молюсь и я, чтущими того же отца, котораго чту и я. Потому я хочу (и такъ Богъ хочетъ), насколько это зависитъ отъ меня, не дѣлать изъ моихъ братьевъ противниковъ и изъ Бога судію, но стремлюсь примиряться съ противниками» [116]). «Я прошу, во имя Господа, моихъ враговъ простить мнѣ то, что я, по незнанію и помимо своей воли, совершилъ противъ нихъ. Прошу также за всѣ несчастія, вредъ и позоръ, причиненные мнѣ ими, никогда не мстить имъ [117]).

Его ученіе было вполнѣ выраженіемъ его прекрасной, кроткой, поэтической души; оно было въ высшей степени гуманнымъ, умиротворяющимъ: «Кто считаетъ себя христіанином, тотъ долженъ идти по дорогѣ Христа, чтобы придти въ царство Божіе. Кто не идетъ по этому пути, тотъ будетъ вѣчно заблуждаться». «Христа исповѣдуетъ тотъ, кто слѣдуетъ ему въ жизни». «Священное писаніе выше всѣхъ человѣческихъ сокровищъ, но внутреннее слово гораздо выше, такъ какъ это голосъ самого Бога. Священное писаніе для спасенія полезно, голосъ Бога въ человѣкѣ или внутреннее слово для этого необходимы». «Внутреннее слово, этотъ голосъ совѣсти, эта искра божественнаго духа въ человѣкѣ, дано

[116]) *Keller:* Ein Apostel, 44.—[117]) Ibid, 45.

всѣмъ людямъ, всѣмъ народамъ, даже не знающимъ и не имѣющимъ священнаго писанія». Мысль о благости Божіей была любимою его мыслью, и онъ потому не мирился съ наслѣдственностью грѣха, осуждающаго на гибель еще не грѣшившаго ребенка до его рожденія, не мирился съ невозможностью спасенія для язычниковъ, не получившихъ священнаго писанія, не мирился съ исключительнымъ спасеніемъ при помощи священнаго писанія и церковныхъ обрядовъ: «Лучше отказаться отъ этихъ обрядовъ, чѣмъ злоупотреблять ими». Онъ считалъ Бога воплощеніемъ истинной справедливости, безграничной доброты. Такой Богъ, по его ученію, не могъ обрекать на загробную гибель только-что родившагося ребенка или язычника, не знавшихъ ничего ни о священномъ писаніи, ни о религіозныхъ обрядахъ. Также придавалъ онъ большое значеніе свободной волѣ, и потому былъ защитникомъ практическаго христіанства. Вѣдь, и Христосъ училъ не одними словами. Онъ подавалъ примѣръ своими дѣлами, своею жизнью. И точно, что бы это была за религія, если бы она не обязывала человѣка непремѣнно, безусловно быть послѣдовательнымъ, не отдѣлять слова отъ дѣла? Фарисеи всѣхъ вѣковъ и народностей чаще всего любили именно такую религію: проповѣдывать добро и дѣлать зло, надѣясь оправдаться только вѣрою. Но точно ли это вѣра, а не праздныя лицемѣрныя слова о вѣрѣ? Такіе

проповѣдники вѣры безъ добрыхъ дѣлъ страшное зло и противъ нихъ нужно бороться всѣмъ и каждому, какъ противъ грозной язвы, растлѣвающей человѣчество. При помощи Денка въ Аугсбургѣ сильно развилось ученіе перекрещенцевъ, и къ поэтическому и гуманному проповѣднику примкнули не одни простые люди, но и значительныя особы. Лютеранскія духовныя лица жаловались на то, что «Гансъ Денкъ убѣдилъ въ Аугсбургѣ большинство настолько, что оно повѣрило ему». Еще бы не повѣрить тому, кто училъ только добру и правдѣ и самъ былъ на дѣлѣ добръ и правдивъ! Болѣе прекрасный образъ рѣдко встрѣчается въ исторіи. Вліяніе Денка распространилось и далѣе, по Рейну, въ Швейцаріи, въ Франконіи, въ Швабіи, даже до Моравіи. Недаромъ же прозвали его современники перекрещенскимъ «настоятелемъ», «главою», «папой», «Аполлономъ». Гонимый врагами, Гансъ Денкъ, по счастію, избѣгнулъ пытокъ и казней: тяжелый недугъ сломилъ его въ юности и онъ умеръ въ концѣ 1527 года въ Базелѣ, тихо, какъ жилъ...

Мы указали на трехъ выдающихся въ исторіи швейцарскаго перекрещенства людей: на задорнаго, необузданнаго, честолюбиваго свѣтскаго человѣка Гребеля, сдѣлавшагося случайно богословомъ; на талантливаго проповѣдника и серьезнаго кабинетнаго ученаго Гюбмейера, путемъ изученія дошедшаго до реформаціоннаго радика-

лизма; на глубоко гуманнаго и восторженнаго ученаго-поэта Денка, видѣвшаго въ религіи, прежде всего, ученіе справедливости и добра. Но за этими людьми стояла еще цѣлая масса проповѣдниковъ, иногда мало уступавшихъ имъ въ учености и вліятельности, иногда извѣстныхъ только потому, что ихъ казнили тутъ или тамъ. Останавливаться на каждомъ изъ нихъ здѣсь было бы излишне: мы пишемъ не церковную исторію перекрещенства, а хотимъ только указать на развитіе въ немъ новыхъ идей, на его отношенія къ обществу и на отношеніе общества къ нему въ тѣ смутныя времена страшной рѣзни.

Когда партія Гребеля познакомилась съ Мюнцеромъ, она отвергла крайности Мюнцера и самымъ положительнымъ образомъ высказалась противъ поднятія меча, хотя въ Цоликонѣ, мѣстечкѣ близъ Цюриха, гдѣ были сборища перекрещенцевъ, и принималось въ теоріи многое изъ крайнихъ взглядовъ о властяхъ и собственности, о военной службѣ и присягѣ и т. д. [118]). Не проповѣдывали кровавыхъ мѣръ и Гюбмейеръ, и Денкъ. Но мирные или немирные перекрещенцы должны были встрѣчать и встрѣчали одинаковое гоненіе со стороны властей и представителей церкви: и у тѣхъ, и у другихъ были въ памяти и виттенбергскія событія, и крестьянская война; входить въ разборъ тонкихъ отличій теперешней

[118]) *А. Песоцкій*: „Царство анабаптистовъ и общество менонитовъ“, гл. II, стр. 432—433. *Sudre*, loc. cit., p. 117.

проповѣди перекрещенцевъ отъ проповѣди Мюнцера и его сподвижниковъ было трудно, если не невозможно, такъ какъ на это нужны были спокойствіе и хладнокровіе. Теперь были далеки тѣ блаженныя времена, когда Лютеръ говорилъ: «Оставьте ихъ спокойно и бодро проповѣдывать, что они могутъ и противъ кого хотятъ; я уже говорилъ, что секты должны быть» [119]). Меланхтонъ тоже уже не повторялъ, какъ прежде: «Я не могу выразить, какъ взволновали меня эти люди. Вѣскія основанія привели меня къ тому, что я не могу не придавать имъ значенія. Въ нихъ царствуетъ извѣстный духъ, что ясно изъ многихъ доказательствъ» [120]). Теперь только и слышалось, что перекрещенцы дьяволы, что перекрещенство сатанинское навожденіе. Всѣхъ пугало одно ихъ названіе. И лютеране, и католики одинаково опасались новаго ученія, такъ какъ оно, въ концѣ-концовъ, могло всегда привести къ отрицанію существующаго склада жизни, и тѣмъ сильнѣе должна была казаться опасность, чѣмъ болѣе стойкими являлись проповѣдники, вѣрившіе въ непосредственное откровеніе Божіе, во внутреннее слово Божіе, въ практическое христіанство, и потому всегда готовые перенести всякія мученія. «Мы поймемъ,—говоритъ Гастъ,—неизбѣжность столкновенія, вспомнивъ, чѣмъ были эти люди: перекрещенцы въ своемъ сознаніи видѣли, что они стоятъ выше тогдашняго міра, и

[119]) *Keller*, 28.—[120]) Ibid., 17, 18.

потому остаются непонятыми имъ; они были полны теплоты и убѣжденія въ возвышенности своего дѣла; у лучшихъ изъ нихъ не было въ душѣ противорѣчій, была вѣра во Христа, была надежда на его второе пришествіе, обозначаемое крещеніемъ, какъ символомъ страданія до его появленія; они горячо презирали свѣтъ съ его благами и презирали поколѣніе людей, исповѣдающихъ Распятаго только устами, хотя и имъ еще далеко не удалось сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они стремились быть,—«изъ злыхъ, тѣлесныхъ, алчныхъ и гордыхъ превратиться въ добрыхъ, духовныхъ, щедрыхъ и смиренныхъ людей, которые гордились бы крестною ношей и бѣдностью, временное счастіе считали бы за несчастіе, любили бы своихъ враговъ и благословляли бы проклинающихъ ихъ» [121]). Даже злѣйшіе враги ихъ, Скультатусъ, Капито, Беза, отдавали имъ справедливость [122]).

Крайне интересны факты, сохранившіеся въ лѣтописяхъ объ этихъ временахъ гоненій и мученичества перекрещенцевъ.

Послѣ крестьянской войны, императорскій эдиктъ повелѣвалъ, «чтобы всѣ и каждый изъ перекрещивающихъ и перекрещиваемыхъ, мужчины и женщины не дѣтскаго возраста, безъ предварительной инквизиціи духовныхъ судей, отъ естественной жизни приводились къ смерти при помощи огня, меча или тому подобнаго, смотря по положенію личности». Рѣшеніемъ шпейерскаго рейхстага отъ

[121]) *Hast*, 121.—[122]) Ibid., 132.

29 апрѣля 1529 года это приказаніе нѣсколько смягчилось: тѣ изъ перекрещенцевъ, которые по разслѣдованіи отказывались отъ своихъ заблужденій и соглашались на покаяніе, получали помилованіе, но нарушители мира, вожаки и распространители преступленія перекрещиванія, а также упорно держащіеся его или отпадающіе къ нему казнились безъ милосердія [123]). По этимъ указамъ дѣйствовали во всей Германіи за немногими исключеніями. Перекрещенство являлось государственнымъ преступленіемъ. То же самое мы видимъ и въ Швейцаріи. Въ Цюрихѣ былъ изданъ эдиктъ противъ секты. Согласно этому эдикту, всѣ настоящіе и будущіе перекрещенцы штрафовались сначала деньгами, потомъ тюремнымъ заключеніемъ и, наконецъ, оставившіе секту и снова возвратившіеся къ ней приговаривались къ смерти [124]). Къ преслѣдованіямъ подталкивали всѣ не принадлежавшіе къ сектѣ. Въ католическихъ земляхъ перекрещенцевъ преслѣдовали, какъ «наихудшихъ дѣтей Лютера»; въ евангелическихъ государствахъ ихъ рѣдко щадили уже потому, чтобы избѣжать подозрѣнія въ сообщничествѣ съ ними [125]). Лютеръ говорилъ: «Теперь такія удивительныя времена, что князья достигнутъ царства небеснаго скорѣе при помощи пролитія крови, чѣмъ другіе при помощи молитвы» [126]).

Отъ этихъ подстрекательствъ не удерживало ни

[123]) *Hast*, 161—163.—[124]) *Hase*, 41; *Вишняковъ*, 500.—[125]) *Hase*, 34.—[126]) Ibid., 32.

Лютера, ни Меланхтона даже и то, что именно въ эту пору начались казни лютеранъ. Первая казнь лютеранъ совершилась 1 іюля 1523 года въ Брюсселѣ. «Рѣзня началась!» — восклицаетъ по этому поводу Эразмъ, а Лютеръ почти съ радостью говоритъ: «Наконецъ-то Христосъ пожалъ первые плоды нашего слова и создалъ новыхъ мучениковъ». Выражаясь такимъ образомъ, Лютеръ имѣлъ въ виду ту мысль, что «кровью укрѣпляется церковь». Эту мысль выражалъ и Эразмъ, замѣтивъ: «Вездѣ, гдѣ Алеандръ, ярый преслѣдователь лютеранъ, воздвигаетъ костры, онъ какъ бы сѣетъ новыхъ еретиковъ». Лютеранъ мучили жестоко: Рейхлеръ, инквизиторъ, приколачивалъ ихъ за языки къ столбу въ Виртембергѣ; въ Сѣверной Германіи Генрихъ Цютфенъ жегъ ихъ массами; въ Офенѣ книгопродавца Іоганнеса обложили книгами и зажгли [127]). И все же вожаки этихъ людей науськивали преслѣдователей на перекрещенцевъ.

Только одинокіе голоса иногда раздавались противъ огульныхъ преслѣдованій. Такъ, ландграфъ Филиппъ, иногда возвышавшійся надъ понятіями современниковъ, писалъ курфюрсту саксонскому: «Перекрещенцы не всѣ одинаковы; нѣкоторые изъ нихъ простые набожные люди. Проповѣдывающіе дѣломъ и хватающіеся за мечъ могутъ быть легко наказаны мечомъ. Съ заблуждающимися же только

[127]) *Merle d'Aubigné*: „Geschichte der Reformation". Stuttgart, 1849. III, 120—132.

въ вѣрѣ нужно дѣйствовать благоразумно. Вѣра—милость Божія и стоитъ не во власти человѣка» [128]). Это былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Казнили не только по одиночкѣ, но группами. «Ихъ хватаютъ,—говоритъ Себастьянъ Франкъ,—во многихъ мѣстахъ съ большою жестокостью и заключаютъ въ тюрьмы, мучаютъ огнемъ, мечомъ, водою и заточеніемъ, такъ что въ немногіе годы ихъ погибло до 2,000 человѣкъ» [129]).

Въ 1527 году въ Зальцбургѣ перекрещенцы были сожжены съ домомъ ихъ сборищъ [130]). Стойкость мучениковъ была изумительна. Одну шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, «почти красавицу», хотѣли пощадить, но ее нельзя было склонить къ отреченію отъ вѣры. Палачъ взялъ ее на руки, отнесъ къ лошадиной водопойнѣ и сунулъ въ воду; когда же она захлебнулась, ея трупъ сожгли.

Въ одномъ изъ швейцарскихъ городовъ подвергли пыткѣ пойманнаго неизвѣстнаго перекрещенца, пытаясь узнать, откуда онъ родомъ и кто его соучастники. За признаніе ему обѣщали свободу.

— Я сынъ земли,—отвѣтилъ онъ,—земля—мое отечество, она же моя могила. Мое тѣло въ вашей власти; разрушайте, рвите, жгите его, если это вамъ угодно, мнѣ все равно. Господь закрылъ мои уста, да не выскажутъ они ничего вреднаго для моихъ братьевъ, такъ какъ ихъ часъ еще не насталъ. Муки не касаются моей души, испол-

[128]) Ibid., 38.—[129]) *Keller*, 26.—[130]) *Hase*, 34.

ненной радости отъ внутренняго, ниспосланнаго ей Богомъ утѣшенія.

Когда палачъ посовѣтовалъ ему спастись отъ мукъ доносомъ, онъ плюнулъ палачу въ лицо и отвѣтилъ:

— Прочь, сатана! Что ты понимаешь о Богѣ?!

Когда его все же отпустили съ угрозами, онъ сказалъ:

— Вы видѣли на свою погибель исповѣдника новой церкви.

Георгъ Вагнеръ, набожный, безупречный человѣкъ, былъ схваченъ въ Мюнхенѣ. Въ его тюрьму пришелъ самъ герцогъ, чтобы уговорить его, и обѣщалъ прислать къ нему его жену и ребенка, чтобы они смягчили его сердце.

— Я не продалъ бы жену и ребенка за все твое княжество,—отвѣтилъ Вагнеръ.—Но и ради ихъ я не откажусь отъ Господа, но отвергну для него все и самого себя.

Его сожгли.

Откуда почерпали люди силы къ этой стойкости? Одинъ изъ друзей Цвингли называетъ это наглостью, замѣчая: «Они нагло настаивали на своихъ убѣжденіяхъ до конца». Меланхтонъ, видя отвагу перекрещенцевъ въ виду смерти, предполагаетъ, что «въ нихъ сидитъ дьяволъ, такъ какъ онъ тоже можетъ укрѣплять сердца противъ страха смерти»». Лютеръ писалъ: «Этихъ чудовищъ нельзя укротить ни мечомъ, ни огнемъ; они оставляютъ женъ, дѣтей, дома и все, что они имѣютъ». При-

писывая стойкость перекрещенцевъ среди мученій дѣлу сатаны, Лютеръ говорилъ: «Святые мученики, какъ нашъ Леонардъ Кейзеръ, умирали со смиреніемъ и великою кротостью относительно враговъ, а эти идутъ на смерть, укрѣпляя свое упрямство гнѣвомъ противъ враговъ» [131]). Но, по большей части, никто изъ реформаторовъ, кажется, и не думалъ о томъ, что въ то же время въ католическихъ государствахъ такою-же мученическою смертью умирали ихъ единомышленники, выказывавшіе ту же стойкость [132]). Эта стойкость была прямымъ слѣдствіемъ религіознаго воодушевленія и мученичество было масломъ, подливаемымъ въ это пламя. Перекрещенцы, какъ первые христіане, говорили: «Изъ примѣра и проповѣди нашей крови возрастетъ наша церковь» [133]). Они, казалось, были отчасти правы. «Ихъ церковь,—разсказываетъ Себастьянъ Франкъ,—увеличивалась и была обширна; потому что они терпѣливо страдали, каждый полагалъ, что ихъ дѣло правое, и они одни истинные христіане. Ихъ духъ, возбуждавшій ихъ, дѣлался сильнѣе и непобѣдимѣе съ каждою головой, упавшей подъ сѣкирой. Могущественнѣе, чѣмъ самое ученіе, дѣйствовали подвиги предшественниковъ и тѣснѣе, чѣмъ дѣлами любви, связывались братья сознаніемъ своей общей судьбы и исторіей своей церкви,—исторіей краткой по времени и богатой по страданіямъ,

[131]) *Hase*, 34—41.—[132]) *Cornelius*, II, 55; *Hase*, 41; *Sudre*, 107.—[133]) *Hase*, 42.

монотонной и хватающей за сердце по содержанію. Общины записывали имена мучениковъ и раздавали списки другимъ. Отчеты выдающихся свидѣтелей о кончинахъ, отчасти печатные, переходили изъ рукъ въ руки. Всѣ ихъ помыслы были исполнены представленій о кровавой борьбѣ терпѣнія и преданности царству Господню. Духовныя пѣсни, слагавшіяся тогда у нихъ во множествѣ, обращены только на этотъ предметъ. Они пѣли о своихъ мученикахъ, о Христѣ, пришедшемъ снова распространить свое чистое слово на землѣ и встрѣченномъ сатаною, который хочетъ залить кровью святое ученіе; они пѣли о томъ, какъ приходится имъ жить въ лѣсахъ, въ разсѣлинахъ скалъ, скрываясь отъ огня и меча; какъ ихъ травятъ, подобно дикимъ звѣрямъ псами»[134]).

Какъ велика была вѣра перекрещенцевъ, это мы видимъ изъ множества примѣровъ. Николай Фрей изъ Виндесгейма бросилъ въ 1534 г. свою жену и шестерыхъ дѣтей, такъ какъ его жена не согласилась креститься. Въ Нюрнбергѣ сестра одного значительнаго лица, по ея собственному признанію, имѣла откровеніе Божіе, что она должна сойтись съ Фрейемъ, что она и сдѣлала. Фрей увидалъ въ этомъ знаменіе Божіе и былъ убѣжденъ, что у него родится сынъ, который сотретъ главу нечестивыхъ. Фрей и его сожительница перебрались въ Страсбургъ и здѣсь Фрей былъ призванъ къ суду; ничто не могло поколебать его

[134]) *Cornelius,* II, 60.

убѣжденій, и онъ былъ утопленъ [135]). Одна женщина пригласила къ обѣду друзей, накрыла столъ и стала ждать съ гостями обѣда съ неба. Въ откровеніи архангелъ Гавріилъ обѣщалъ ей дать обѣдъ, какъ народу израильскому давалась манна. Хозяйка и гости промолились весь день, и только ночью разошлись, голодные. Въ Амстердамѣ, вслѣдствіе откровенія, одинъ перекрещенецъ приказалъ мужчинамъ и женщинамъ снять одежды и бросить ихъ въ огонь, какъ пріятную Богу жертву, такъ какъ дѣти Божіи должны сбросить все земное, и истина должна быть безъ покрововъ и обнаженною. Въ такомъ видѣ райской невинности они бѣгали по Амстердаму, восклицая: «Горе, горе этому городу!» Въ Базелѣ одна женщина получила откровеніе, что она проживетъ много лѣтъ безъ пищи и питья, какъ Моисей, Илія и Христосъ въ пустынѣ. На десятый день она умерла съ голоду. Въ Сенъ-Галленѣ одна семья, Шуггеры, провела двое сутокъ въ откровеніяхъ и видѣніяхъ, какъ вдругъ одинъ изъ братьевъ приказалъ другому стать на колѣни и, съ его согласія, въ глазахъ родителей, обезглавилъ его, такъ какъ это повелѣлъ ему Богъ [136]). Многіе перекрещенцы, особенно женщины, во исполненіе словъ Спасителя: «Будьте какъ дѣти», находили христіанское совершенство въ тѣхъ, которые разыгрывали изъ себя дѣтей, принимали ихъ манеры, играли въ ихъ игры, сидѣли на го-

[135]) *Hase,* 34—37.—[136]) Ibid., 8; *Cornelius,* II, 65.

лой землѣ нагіе и т. д. [137]). Другіе, основываясь на словахъ апостола Павла: «По вся дни умираю» и «спогребохомся ему крещеніемъ въ смерть», на самомъ дѣлѣ хотѣли умирать ежедневно. Но какъ это сдѣлать? Перекрещенцы придумали такого рода опредѣленіе смерти: «Смерть есть ничто иное, какъ прикровенное восхищеніе на небо». Отсюда, говорили они, чтобы исполнить слова апостола, вовсе не нужно умирать на самомъ дѣлѣ, а достаточно соблюсти подобіе дѣйствительной смерти, восхититься на небо, выслушать тамъ неизреченные глаголы и потомъ снова обратиться къ обыденной жизни. И вотъ они внезапно падали на землю, дрожали всѣмъ тѣломъ, искривляли лицо, ломали руки, рѣдко и тяжело вздыхали, метались по сторонамъ и, измученные, лежали нѣсколько времени неподвижно, какъ мертвые. Потомъ тихо пробуждались, какъ будто понемногу приходили въ себя, и начинали разсказывать, каждый по своему, небесныя видѣнія. Одинъ видѣлъ Цвингли въ аду, другой слышалъ, какъ папу называли ангелы антихристомъ, третій смотрѣлъ книгу, гдѣ записаны имена всѣхъ избранныхъ и отверженныхъ Богомъ, и т. д. И какъ бы ни были нелѣпы эти разсказы, сектанты обязывали другъ друга свято хранить ихъ въ общинѣ, какъ божественное откровеніе, и не терпѣли никакихъ возраженій противъ нихъ, называя «совопросниковъ» еретиками, обольстителями и возвѣщая имъ:

[137]) *Вишняковъ,* 503; *Cornelius,* II, 64.

«Горе, горе, геенскій огонь и ожесточеніе сердца!» По мѣстамъ можно было видѣть такихъ мертвецовъ десятками и сотнями. И тогда, какъ одни изъ нихъ на самомъ дѣлѣ доводили себя до состоянія обморока истязаніемъ тѣла, другіе только шарлатанили [138]). Энтузіазмъ самъ по себѣ заразителенъ и уже одинъ онъ могъ привлечь къ перекрещенцамъ массы народа. Но къ этому нужно еще прибавить, что перекрещенцы поражали народъ множествомъ хорошихъ сторонъ своей жизни. «Я сознаюсь открыто,—пишетъ Капито,—что у большей части перекрещенцевъ есть страхъ Божій и чистое рвеніе, такъ какъ какихъ же земныхъ преимуществъ могутъ они надѣяться достигнуть, подвергаясь сожженію, пыткамъ и ужасающимъ казнямъ? Передъ Богомъ свидѣтельствую я, что я не могу сказать, будто ихъ пренебреженіе къ жизни происходитъ болѣе отъ ослѣпленія, чѣмъ отъ божественнаго внушенія. Тутъ нѣтъ и слѣдовъ страстности и возбужденія; нѣтъ, съ разсудительностью и достойнымъ удивленія терпѣніемъ идутъ они на смерть, какъ истинные исповѣдники Христова имени». Отъявленный противникъ перекрещенцевъ, Бутцеръ, признаетъ, что между ними есть возлюбленныя дѣти Божіи. Михаилъ Затлеръ называетъ ихъ милыми друзьями Господа и мучениками во Христѣ. Кесслеръ и Вадіанъ рисуютъ Денка, какъ «человѣка любезнаго въ обращеніи, безупречнаго по поведенію, достойнаго

[138]) *Вишняковъ*, 503—504; *Cornelius*, II, 65.

великой славы и стоящаго выше всякихъ похвалъ, несмотря на его заблужденія». По словамъ Витцеля, перекрещенецъ Мельхіоръ Ринкъ былъ «человѣкомъ невѣроятной твердости и удивительной учености, и въ немъ нечего рѣшительно осуждать, кромѣ его религіозныхъ заблужденій». Но интереснѣе всего то, что самъ Лютеръ, не зная того, поставилъ, какъ мы указали, въ примѣръ своимъ единомышленникамъ одного изъ перекрещенцевъ, указывая, какъ умираютъ «настоящіе мученики»: Леонардъ Кейзеръ былъ не лютераниномъ, а представителемъ перекрещенской общины въ Щердингѣ [139]). Даже Себастьянъ Франкъ говоритъ: «Ихъ ученіе обошло быстро всю страну; много тысячъ народу перекрестили они, покоряя простыя сердца, стремившіяся къ Богу, своимъ добрымъ видомъ и буквою писанія, которую они считали говорящею за нихъ. Повидимому, они учили только любви, вѣрѣ и кресту. Они оказывались терпѣливыми среди многихъ мукъ, кроткими въ жизни; они преломляли между собой хлѣбъ въ знакъ единенія, помогали съ полною готовностью другъ другу ссудами и дарами, и учили, что все должно быть общимъ» [140]). Къ этому надо прибавить умѣнье перекрещенцевъ организоваться и пропагандировать. Ихъ общества сходились тайно въ домахъ, въ лѣсахъ, безъ внѣшнихъ богослужебныхъ обрядовъ, но съ строгою церковною дисциплиной. Преслѣдованія все болѣе и болѣе развивали эту

[139]) *Corelius,* II, 56; *Keller,* 14.—[140]) *Hase,* 42.

суровую внутреннюю строгость, а страстность поддерживала надежды на близкій переворотъ всего существующаго.

Помимо всего этого, въ самомъ народѣ коренились причины сочувствія къ перекрещенцамъ. Простой народъ чувствовалъ себя выросшимъ, узнавъ, что духъ Божій ставитъ его превыше мудрѣйшихъ людей въ мірѣ, и радовался, вмѣстѣ съ тѣмъ, надеждѣ на общее равенство и братство. Нерѣдко и отдѣльные священники мѣняли свои церковныя преимущества на высокую роль пророковъ, а отдѣльные ученые отдавали свои человѣческія знанія за эту божественную премудрость [141]). Народъ перекрещивался и чувствовалъ облегченіе. Онъ жилъ во время безконечныхъ преслѣдованій и страха, но въ его душѣ уже слышался призывъ къ небу, къ милосердной помощи Всемогущаго. Библейскія предсказанія звучали страшно и, въ то же время, утѣшительно. Къ какому времени могли относиться угрозы и пророчества пророковъ и Христа, какъ не къ настоящему? Развѣ Господь не послалъ своихъ вѣстниковъ, чтобы соединить свой народъ символомъ союза? Теперь Онъ очиститъ свой виноградъ и накажетъ безбожныхъ. «Благо и радость избраннымъ Господа, и горе, горе міру, закрывшему уши передъ призывомъ къ покаянію и налагающему свои руки на святыхъ Господа!» [142]). И подъ этими впечатлѣніями сектанты находятъ

[141]) Ibid., 43.—[142]) *Cornelius*, II, 29; *Hase*, 43.

вездѣ пріютъ. «Куда ни проникала нѣмецкая реформація, говоритъ Газе, отъ Альпъ до нидерландскихъ дюнъ и далѣе въ Англію и Швецію, вездѣ находились перекрещенцы и небольшія ихъ общины, не бравшія численностью, но бравшія энергіей, господствовали особенно въ Швейцаріи среди крестьянъ и, главнымъ образомъ, среди ремесленниковъ».

И, несмотря ни на что, ни на личную энергію, ни на сочувствіе извѣстныхъ группъ народа, перекрещенцы того времени носили въ самихъ себѣ зачатки разложенія и распаденія. Они были не признанною церковью, а тайнымъ обществомъ; этого было довольно, чтобы погибнуть. Тайному обществу, если не невозможно, то очень трудно придти къ полному единодушію во всѣхъ мелочахъ убѣжденій и образа дѣйствій. Эти вопросы трудно выяснить тайкомъ, прячась по угламъ, боясь преслѣдованій. Еще труднѣе сообщать всѣмъ членамъ общества принятыя рѣшенія, придуманныя мѣры. Уже ради одного этого, въ тайномъ обществѣ, особенно раскинувшемся на такое большое пространство и воспринявшемъ въ себя такіе разнородные элементы, должны были произойти расколы, партіи, отщепенства [143]). Недаромъ же ученые насчитывали уже въ самомъ началѣ перекрещенства десятки различныхъ партій. Но этого мало. Вездѣ и всюду гонимое, преслѣдуемое, тайное общество могло нѣкоторое время

[143]) *Cornelius*, 63, 64.

говорить, что «оно укрѣпляется своею кровью», но это могло быть вѣрно только до той поры, когда существовали цѣлыми и невредимыми его вожаки. Настало время, когда добрались и до нихъ. Немногимъ вожакамъ, какъ Іоанну Денку, удалось умереть своею смертію или избѣжать казни при помощи удаленія въ укромные уголки, какъ Гутеру. 5 января 1527 года утопили Феликса Манца въ Цюрихѣ. 21 мая того же года въ Ротенбургѣ пострадалъ Михаилъ Затлеръ: у него вырвали языкъ, тѣло разорвали раскаленными щипцами и сожгли. Его жену утопили вмѣстѣ съ его друзьями. Въ томъ же году казнили въ Мюнхенѣ учителя общины, набожнаго и безупречнаго Георга Вагнера. Въ сентябрѣ въ Аугсбургѣ убили Ганса Гута, при его попыткѣ бѣжать изъ тюрьмы, и сожгли его тѣло. Въ Шердингѣ, въ Баваріи, казненъ Леонардъ Кейзеръ. Блаурока сожгли въ 1529 году въ Клаузенѣ, въ Тиролѣ. Въ томъ же году сожжены въ Мюнхенѣ Гансъ Фейеръ и пятеро его товарищей, причемъ утоплены три женщины. Въ Линцѣ погибли Вольфгангъ, Брандгуберъ и Гансъ Миттермейеръ съ семьюдесятью «братьями». Въ Цюрихѣ, въ 1528 году, погибаютъ Фалькъ фонъ-Гроссау и Гейнрихъ Реймань. Вольфгангъ Уле съ товарищами обезглавленъ въ Вальзее. 30 марта 1528 года нашелъ мученическую смерть въ Вѣнѣ Гюбмейеръ [144]).

Было бы долго перечислять всѣ имена этого

[144]) *Keller*, 43. 44.

страшнаго синодика, гдѣ рядомъ съ именами стоятъ роковыя слова: «Утоплено еще столько-то братьевъ». Кто они были? Имена ихъ, Господи, Ты знаешь. И никогда Иванъ Грозный не отдавалъ такихъ приказовъ, какой отданъ былъ, напримѣръ, герцогомъ Вильгельмомъ Баварскимъ: «Кто отречется отъ вѣры — обезглавить; кто не отречется — сжечь».

IX.

Гоненія могли привести къ двумъ исходамъ: или перекрещенцы должны были стушеваться, обезличиться, измельчать, потерявъ въ борьбѣ лучшія силы, или они должны были озлобиться, перейти отъ пассивной роли къ активной, снова поднять мечъ. Случилось послѣднее, но случилось въ такой дикой и страшной формѣ, что эта вспышка могла надолго оттолкнуть отъ перекрещенцевъ всѣ партіи и испугать даже ихъ самихъ. Это была вспышка безумнаго кроваваго террора, за которою должна была послѣдовать неизбѣжная полная реакція и удаленіе перекрещенцевъ со сцены общественной дѣятельности.

Новый фазисъ въ жизни перекрещенцевъ начался съ предсказаній о близкомъ пришествіи царства Божія. Событія, происходившія тогда въ области реформаціоннаго движенія, были такъ

страшны, кровававыя расправы съ народомъ, съ лютеранами и перекрещенцами были такъ безчеловѣчно жестоки, что мысль о послѣднихъ временахъ являлась вполнѣ естественною въ экзальтированныхъ умахъ, Разъ Меланхтонъ сталъ вычислять по астрологическимъ наблюденіямъ, что Карлъ умретъ въ 1584 году. Услышавъ это, Лютеръ горячо воскликнулъ: «Да и міръ не простоитъ такъ долго. Когда мы отобьемъ турокъ, пророчество Даніила исполнится, — и конецъ. Тогда и страшный судъ у дверей» [145]). Вообще Лютеръ вѣрилъ, что до страшнаго суда осталось едва-ли сто лѣтъ; мнѣніе это сдѣлалось эпидемическимъ среди его послѣдователей [146]). Еще болѣе должно было укрѣпиться это убѣжденіе среди перекрещенцевъ. Мы знаемъ, что самое ученіе ихъ допускало внутреннее откровеніе, даръ пророчества. Теперь эти пророчества приняли особенный характеръ: въ нихъ начали звучать угрозы. Первымъ изъ представителей этого рода пророковъ явился нѣкто Гансъ Гутъ. Убѣжденный въ томъ, что Богъ избралъ его вѣстникомъ послѣднихъ дней, онъ велъ свою пропаганду словомъ и писаніемъ, пріобрѣтая немалое число послѣдователей. Онъ говорилъ, что «братья» будутъ разсѣяны и испытуемы, но потомъ Господь соберетъ вѣрующихъ, «чтобы наказать грѣшниковъ». Попы, проповѣдывавшіе ложное ученіе, будутъ призваны къ отвѣту, а святые получатъ

[145]) *G. Freitag*, loc. cit.. 112.—[146]) *Hast*, loc. cit., 38.

обоюдоострый мечъ, чтобы отмстить, чтобы наложить цѣпи на князей и заключить знатныхъ въ оковы. Разрушеніе господствующаго царства начнется со вторженія турокъ. Въ это время вѣрующіе должны скрываться въ лѣсахъ и укромныхъ мѣстахъ. Но когда дикіе народы сдѣлаютъ свое дѣло, уцѣлѣвшая горсть вѣрующихъ добьетъ оставшихся грѣшниковъ. Затѣмъ придетъ Христосъ и настанетъ судный день на Пасхѣ 1528 г. Гутъ умеръ, не дождавшись этого желаннаго дня. Тѣмъ не менѣе, уже въ 1529 году у него явился послѣдователь. Въ 1529 году скорнякъ Августинъ Бадеръ въ Аугсбургѣ возвѣстилъ о возстаніи, послѣ котораго должно начаться тысячелѣтнее царство; въ этомъ царствѣ будетъ царемъ сынъ Бадера, тогда какъ всѣ другіе цари погибнутъ. Этому сыну, еще малолѣтнему, должны были оказывать царскія почести. «Это не были призывы къ насилію, но надежды и ожиданія,— говоритъ Корнеліусъ [147]).—Во всякомъ случаѣ здѣсь была увѣренность, что въ извѣстные дни Господь накажетъ міръ при помощи вѣрующихъ, и отъ ожиданія этой минуты призыва къ помощи святыхъ былъ одинъ шагъ до убѣжденія и сознанія, что Богъ дѣйствительно призываетъ и что вѣрующіе должны взяться за мечъ». «Въ этихъ надеждахъ, построенныхъ на библейскихъ пророчествахъ,—говоритъ Келлеръ,—отражалось страстное желаніе мести. Уже тогда была тверда

[147]) *Cornelius*, VI, 66.

мысль о насилии и свѣтской власти, все то, что принесло такіе страшные плоды» [148]. И не однимъ перекрещенцамъ казалось въ эту эпоху необходимымъ поднять мечъ. Даже осторожный Цвингли уже взывалъ къ защитѣ мечомъ вопросовъ вѣры, и недалеко было время, роковой 1530 годъ, когда люцернскій палачъ расчетвертуетъ и сожжетъ тѣло павшаго на полѣ сраженія великаго реформатора [149]. Что-жъ мудренаго, что въ эту пору перекрещенцы все сильнѣе пророчествовали о послѣднихъ дняхъ и призывали къ насилію. Впрочемъ, далеко не всѣ перекрещенцы относились сочувственно къ подобнымъ пророчествамъ и главные представители, еще оставшіеся въ живыхъ, предостерегали «братьевъ» противъ такихъ пророковъ», какъ Гутъ и Бадеръ. Тѣмъ не менѣе, это направленіе начинало овладѣвать почвой и нуженъ былъ только болѣе сильный, чѣмъ Гутъ и Бадеръ, человѣкъ, чтобы раздуть эту уже заброшенную въ перекрещенство искру. Такимъ человѣкомъ явился Мельхіоръ Гофманъ.

По собственнымъ показаніямъ Гофмана на допросѣ въ Страсбургѣ, онъ родился въ Галлѣ въ Швабіи [150], былъ скорнякомъ или мѣховщикомъ, какъ выражались тогда [151], въ Лифляндіи, увлекся реформаціоннымъ движеніемъ и въ 1523 году сдѣлался проповѣдникомъ новаго ученія. Тутъ

---

[148]) *Keller*, 45. — [149]) *Merle d'Aubigné*: loc. cit., 399—400. — [150]) *Cunitz*: „Melchior Hoffmann". „Real-Encyclopedie von Herzog und Plitt". B. 6. S. 212—216. — [151]) *Hase*, 54.

не можетъ быть и рѣчи о серьезныхъ знаніяхъ и богословской подготовкѣ; тутъ не было иногда даже умѣнья ясно и толково выражаться, такъ какъ Гофманъ нерѣдко говорилъ темно и сбивчиво, иногда крайне тривіально, иносказаніями и загадочными фразами. Онъ писалъ: «какъ Господь одѣлъ Адама и Еву въ мѣховыя одежды (Röcke), такъ должны и мы быть одѣты Богомъ Отцомъ овчиною Христа Іисуса, иначе все пропало» [152]). Тутъ мы имѣемъ дѣло просто съ непосредственнымъ религіознымъ энтузіазмомъ и съ произвольными толкованіями священнаго писанія. Такихъ проповѣдниковъ было въ тѣ времена немало не только среди перекрещенцевъ, но и среди лютеранъ. Ученіе Лютера проповѣдывали на поляхъ, на площадяхъ, подъ тѣнью деревьевъ бѣжавшіе изъ монастырей монахи, студенты, частныя лица, собирая толпы народа и руководствуясь однимъ правиломъ: «Даромъ получили, даромъ даемъ». Иногда эти проповѣдники и ихъ слушатели получали даже названіе по мѣсту проповѣди; такъ, въ Госларѣ одинъ студентъ проповѣдывалъ на полѣ подъ липами, и его кружокъ получилъ названіе «липоваго братства» [153]). Перекрещенцамъ, гонимымъ болѣе лютеранъ, не имѣвшимъ покуда точекъ опоры въ церквахъ, приходилось еще чаще вести такую проповѣдь, гдѣ попало. Но немногимъ изъ ихъ проповѣдни-

[152]) Ibid., 55. — [153]) *Merle d'Aubigné*, loc. cit., B. III. S. 85—86.

ковъ выпала такая доля, какъ Мельхіору Гофману. Сначала онъ проповѣдывалъ въ духѣ Лютера, отрицая свободную волю и толкуя о предопредѣленіи. Потомъ, усвоивъ идеи Карлштадта, онъ уже явился иконоборцемъ и въ Дерптѣ не только переломалъ органъ и образа въ нѣмецкихъ церквахъ, но коснулся и православной церкви [154]). Но онъ не остановился на этомъ. Пламенное воображеніе его было поражено библейскими предсказаніями и пророчествами; онъ началъ задумываться о послѣднихъ дняхъ и сталъ приготовлять народъ къ этимъ днямъ, грозя невѣрнымъ погибелью. Онъ въ 1526 году подробно вычислилъ, когда настанетъ день суда: черезъ семь лѣтъ, то-есть въ 1533 году [155]). Гонимый изъ мѣста въ мѣсто, скромный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и нетребовательной въ жизни, Гофманъ дошелъ до того, что все тверже и тверже сталъ вѣрить въ свое великое призваніе. Отвергнутый лютеранами, онъ примкнулъ къ послѣдователямъ Цвингли, но и они отвергли его, познакомившись поближе съ его ученіемъ. Тогда онъ примкнулъ къ перекрещенцамъ. Это было въ Страсбургѣ въ 1530 году, Страсбургъ былъ самою удобною почвой для дѣятельности перекрещенцевъ. Въ этомъ городѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, была смѣсь населенія и вліяній: выходцы изъ Германіи, Швейцаріи и Франціи находили здѣсь пріютъ; ученіе Лютера и ученіе Цвингли

[154]) *Hast*, 246 — 247. — [155]) Ibid 250.

вели здѣсь борьбу. Чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ, нужны были смѣлые и рѣшительные представители реформаціи, а ихъ-то и не было въ Страсбургѣ. Здѣшніе представители реформаціи сами сознавались съ каѳедры устами Целле, что «настоящіе проповѣдники придутъ послѣ нихъ» [155]). Немудрено, что на такой почвѣ могли развиваться всякія ученія и отрицанія доходили до послѣднихъ крайностей. Нерѣшительность проповѣдниковъ, споры между послѣдователями Лютера и Цвингли довели до того, что, напримѣръ, одинъ изъ блестящихъ защитниковъ реформаціи, Яковъ Штурмъ, занимавшій видное положеніе въ городѣ, цѣлые годы не ходилъ къ причастію, такъ какъ споръ проповѣдниковъ о причастіи не былъ рѣшенъ. Городской совѣтъ, видя несогласія проповѣдниковъ между собою, не рѣшался принимать крутыхъ мѣръ противъ радикаловъ реформаціи, когда ему предлагались эти мѣры спорящими защитниками Лютера и Цвингли. Такая почва была очень удобна для перекрещенцевъ и они болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, пользовались здѣсь успѣхомъ. Къ диспутамъ реформаторскихъ проповѣдниковъ они оставались равнодушны, говоря спорящимъ: «Вы покоряете наши языки, Богъ покоряетъ наши сердца» [157]). Здѣсь-то началъ свое дѣло Мельхіоръ Гофманъ. Его проповѣдь, часто не поддающаяся передачѣ,

---

[156]) *Cornelius*, II, 78.—[157]) *Keller*, II, 85.

была полна мистическихъ предсказаній [158]). Читая *Апокалипсисъ*, онъ дѣлалъ изъ него выводы о послѣднихъ дняхъ, такъ какъ именно эта книга открывала обширное поле для произвольныхъ умозаключеній и выводовъ. Болѣзненно настроенные умы увлеклись этою туманною и спутанною проповѣдью Мельхіора Гофмана объ ангелахъ-мстителяхъ и въ Страсбургѣ стали появляться пророки и пророчицы. Гофмана называли «Иліей», а Страсбургъ «Новымъ Іерусалимомъ». Что-то похожее на повальное безуміе охватило умы. Но не здѣсь, не въ Страсбургѣ, суждено было разыграться финалу этой мистической вспышки; въ Страсбургѣ разыгрался только ея первый актъ. Издавая брошюру за брошюрой, проповѣдуя и крестя въ Страсбургѣ и въ другихъ ближайшихъ городахъ, убѣждаясь все больше и больше въ близости втораго пришествія Христа и угрожая невѣрнымъ, Мельхіоръ Гофманъ, уже имѣвшій цѣлую массу послѣдователей, былъ, наконецъ, заключенъ въ тюрьму, Это было въ 1533 году. Именно въ этомъ году ждалъ Гофманъ втораго пришествія. Заточеніе Гофмана въ тюрьму, предсказанное заранѣе,—предсказать этотъ конецъ, конечно, было легко,—должно было быть однимъ изъ предшествующихъ послѣднему дню событій. Гофманъ благодарилъ Господа за то, что «приближается часъ» [159]). Его послѣдователи тоже торжествовали. Гофманъ проповѣдывалъ имъ изъ

[158]) *Cornelius*, II, 95—96.—[159]) Ibid., 227.

тюрьмы о близости дня «отмщенія». Но не страсбургскіе послѣдователи Гофмана должны были явиться исполнителями послѣдняго акта страшной драмы. Путешествуя по разнымъ мѣстамъ, Гофманъ передъ тюремнымъ заключеніемъ посѣтилъ, между прочимъ, Восточную Фрисландію. Здѣсь уже были заброшены сѣмена перекрещенства и Гофманъ нашелъ преданныхъ послѣдователей и учениковъ. Когда Гофмана посадили въ тюрьму въ Страсбургѣ, среди его голландскихъ учениковъ выдвинулся впередъ Янъ Матисенъ, булочникъ изъ Гарлема. Онъ назвалъ себя Енохомъ, сталъ проповѣдывать поднятіе меча противъ властей, выслалъ въ сентябрѣ 1533 года двѣнадцать апостоловъ на проповѣдь. Это былъ прямой результатъ страшныхъ гоненій противъ перекрещенцевъ въ Нидерландахъ [160]).

Въ это-то время всеобщаго одушевленія и подъема духа мельхіориты проникли въ Мюнстеръ.

Мюнстеръ—богатая епископская столица Вестфаліи, носящая и названіе по монастырю, около котораго сгруппировалось городское населеніе. Сорокъ канониковъ, аристократовъ, родныхъ выдающагося рыцарства, получившихъ образованіе по большой части въ Италіи, вели здѣсь веселую и роскошную жизнь, какою вообще отличалось высшее духовенство того времени. Нѣсколько купцовъ, путешествовавшихъ по торговымъ дѣламъ, занесли сюда реформаторскія стремленія, а нѣ-

[160]) *Hase*, 57, 58.

сколько молодыхъ капелланов стали говорить проповѣди въ этомъ новомъ духѣ. Въ городѣ и въ окрестностяхъ жило коренное нѣмецкое населеніе. Отношеніе этого народа къ духовенству было среднее между завистью и презрѣніемъ [161]). Но мирное теченіе жизни не нарушалось покуда ни первыми реформаціонными идеями, ни отношеніемъ народа къ духовенству. Нужна была искра для начала пожара. Крестьянская война дала здѣсь первый толчокъ къ волненіямъ. Крестьяне попробовали ограбить одинъ монастырь. Предпріятіе не удалось; зачинщики были схвачены, приведены въ ратушу; но на рынкѣ собрались представители гильдій и виновныхъ пришлось отпустить. Въ маѣ 1525 года ремесленники представили городу рядъ статей, требовавшихъ ограниченія правъ и имущества духовенства. Городской совѣтъ принялъ статьи, но епископъ Фридрихъ фонъ-Видъ, рыцарство и капитулъ отвергли ихъ. Въ то же время эти представители городскаго блеска, роскоши и разгула оставили городъ. Настала безработица, совпавшая съ подавленіемъ крестьянъ въ другихъ мѣстахъ. Это доставило перевѣсъ защитникамъ стараго порядка въ Мюнстерѣ и въ мартѣ 1526 года все старое, повидимому, вошло снова въ силу. Оптимисты радовались и прославляли городскіе порядки, видя, что кругомъ идетъ пропаганда перекрещенцевъ и льется кровь возстающихъ, тогда какъ

[161]) Ibid., 44.

въ Мюнстерѣ царятъ тишина и порядокъ. Гроза же была близка. Въ это время въ капеллѣ св. Морица, за стѣнами города, началась горячая проповѣдь раформаціонныхъ идей Бернтомъ или Бернгардомъ Ротманомъ, изучавшимъ въ Майнцѣ гуманистическія ученія. Власти, вызвавшія его сюда и давшія ему мѣсто, дали ему средства для дальнѣйшаго образованія въ Кельнѣ. Хотѣли ли его просто удалить, или надѣялись на благотворное вліяніе Кельна,—трудно рѣшить. Тѣмъ не менѣе, онъ уѣхалъ, и весной 1531 года мы видимъ его въ Виттенбергѣ. Къ празднику Вознесенія онъ былъ въ Шпейерѣ, потомъ направился въ Страсбургъ. Въ іюлѣ онъ появился снова въ Мюнстерѣ и съ этой поры все бюргерство города стало стекаться по пятницамъ въ капеллу св. Морица, для слушанія проповѣдей Ротмана. Къ Ротману присоединились еще нѣкоторые прибывшіе изъ Гессена и Нидерландовъ проповѣдники и такимъ образомъ усилили проповѣдь новыхъ идей. Эти идеи угрожали не одной стародавней вѣрѣ, но и господству духовныхъ князей надъ городомъ. Князь-епископъ запретилъ эти проповѣди. Ротманъ издалъ свое profession de foi, въ довольно общихъ чертахъ излагая реформаціонные взгляды на возможность найти спасеніе только во Христѣ. При этомъ отвергалось уже служеніе образамъ и статуямъ, хотя исскуство живописи и ваянія признавалось за божественный даръ. Признавалось покуда и повиновеніе вла-

стямъ, даже предписывалось выносить тираннію ради христіанской любви, «если только власть не шла противъ Бога». Ротманъ нашелъ откликъ на свою проповѣдь и его повела цѣлая толпа въ церковь св. Ламберта. Такъ какъ церковь была заперта, то ему устроили каѳедру на кладбищѣ, и здѣсь онъ сталъ проповѣдывать о евангельской свободѣ и противъ идолопоклонства. Толпа ворвалась въ церковь и началось истребленіе иконъ. Католическія процессіи стали осмѣиваться въ каррикатурныхъ подражаніяхъ этимъ процессіямъ. Волей-неволей совѣтъ, подъ давленіемъ гильдій, назначилъ евангелическихъ проповѣдниковъ въ приходскія церкви, а Ротмана утвердилъ въ церкви Ламберта. Въ это время произошло очень важное событіе: новый князь-епископъ графъ Францъ фонъ-Вальдекъ рѣшился принять крутыя мѣры, если городъ не выгонитъ новаторовъ. Онъ задержалъ быковъ, пригоняемыхъ въ городъ. Горожане заявили, что они скорѣе перенесутъ голодъ, скорѣе съѣдятъ своихъ дѣтей, чѣмъ выдадутъ новыхъ проповѣдниковъ. Въ то же время они наняли триста ландскнехтовъ для обороны и вооружили изъ своей среды шестьсотъ человѣкъ. Покуда князь-епископъ совѣщался въ своемъ увеселительномъ замкѣ Тельгте, покуда онъ посылалъ съ кроткими увѣщаніями угрожающее посольство въ городъ, вооруженные граждане напали ночью на Тельгте и въ день св. Стефана въ Мюнстеръ въѣзжали три воза съ бара-

банщикомъ впереди, при крикахъ: «Быковъ веземъ, быковъ! слышите, какъ они ревутъ?» Быками были господа каноники, совѣтники князя-епископа, уѣхавшаго наканунѣ изъ своего замка. Князь-епископъ хотѣлъ наказать городъ, но у города были теперь въ рукахъ важные заложники. Пришлось заключить миръ, и протестанты получили право свободнаго вѣроисповѣданія. Это было 14 февраля 1533 г. Въ то же время на выборахъ въ совѣтъ подъ вліяніемъ Ротмана одержала верхъ бюргерская партія. Немудрено, что городъ ликовалъ и былъ три дня иллюминованъ [162]). Это была побѣда, но не побѣда лютеранъ. Можетъ быть, въ началѣ своей реформаторской дѣятельности Ротманъ и былъ искреннимъ лютераниномъ, а не открытымъ поклонникомъ Цвингли. Но во время своего путешествія лѣтомъ 1531 года онъ только мелькомъ посѣтилъ Виттенбергъ, гдѣ едва ли видѣлъ Лютера и гдѣ Меланхтонъ, удивляясь его дарованіямъ, не безъ сомнѣнія отнесся къ стойкости его характера. Изъ Виттенберга его тянуло въ Страсбургъ, который онъ считалъ «первымъ изъ евангелическихъ городовъ». Здѣсь Ротманъ увидалъ весь внѣшній блескъ цвингліанской церкви и, повидимому, понялъ все ея внутреннее безсиліе. Трудно сказать, къ какимъ выводамъ пришелъ онъ, но достовѣрно то, что онъ уже не былъ въ душѣ лютераниномъ [163]). Тѣмъ не менѣе, онъ еще въ

[162]) *Hase*, 43—49. — [163]) *Cornelius*. II, 143—144.

1532 году переписывался и съ Меланхтономъ, и съ Лютеромъ, а также съ представителемъ цвингліанцевъ въ Страсбургѣ. Въ этихъ письмахъ его предостерегали отъ перекрещенцевъ, онъ же писалъ, что «перекрещенцы, благодаря Бога, ушли изъ города». Но религіозныя воззрѣнія въ то время развивались быстро въ живыхъ и воспріимчивыхъ умахъ, ведя ихъ къ радикализму. Уже въ 1533 году Ротманъ жалуется: «Лютеране все намъ угрожаютъ». Угрожать, можетъ быть, было за что, такъ какъ онъ уже публично, съ рѣзкостью, несвойственной даже цвингліанцу, выступалъ противъ основныхъ догматовъ христіанства. До Меланхтона, до Лютера, до членовъ шмалькальденскаго союза стали доходить слухи, что мюнстерская церковь уклоняется отъ лютеранства. Но именно тутъ высказались вполнѣ дипломатическія способности Ротмана, его умѣнье успокаивать противниковъ, располагать въ свою пользу сильныхъ міра. Онъ былъ изъ тѣхъ натуръ, которыя могутъ своею мягкостью довести человѣка до того, что тотъ станетъ оттачивать топоръ на свою собственную голову. Вѣдь, послали же на свой счетъ Ротмана католическія власти Мюнстера изучать богословіе? Вѣдь, переписывался же Лютеръ съ Ротманомъ, какъ съ опорой лютеранства въ Мюнстерѣ? Никто и никогда не могъ опредѣлить, когда и какъ переходилъ Ротманъ отъ католичества къ лютеранству, отъ лютеранства къ Цвингли, отъ Цвингли къ

перекрещенству: переходя къ новымъ идеямъ, онъ еще носилъ маску старыхъ идей. Въ этомъ отношеніи онъ являлся противуположностью и Гюбмейера, и Карлштадта, которые откровенно и рѣзко мѣняли взгляды. И теперь, уклончиво скользя въ объясненіяхъ своихъ убѣжденій, отдѣлываясь общими растяжимыми фразами, Ротманъ, въ сущности, былъ оставленъ шмалькальденцами хозяиномъ церковныхъ дѣлъ въ Мюнстерѣ. Онъ принялся за это дѣло горячо и ввелъ церковное устройство, напоминавшее страсбургскіе и оберландскіе церковные порядки, то-есть цвингліанскіе. Выборъ проповѣдниковъ предоставлялся кирхшпилямъ, т. е. приходамъ. Выбирались два человѣка изъ которыхъ одинъ и утверждался назначенными для этого совѣтомъ властями, экзаменаторами. Совѣтъ заботился о школѣ, ставя во главѣ ея ученаго, набожнаго и честнаго человѣка; для дальнѣйшаго богословскаго образованія, совѣтъ нанималъ двухъ преподавателей для чтенія и объясненія *Ветхаго и Новаго Завѣтовъ*. Для помощи бѣднымъ въ приходѣ учреждались денежныя кружки и выбирались дьяконы, собиравшіе деньги во время проповѣдей и управлявшіе вмѣстѣ съ епископомъ распредѣленіемъ помощи между бѣдными изъ особыхъ церковныхъ доходовъ. Господа благотворители, назначенные совѣтомъ, имѣли надзоръ за нищими и представляли достойныхъ помощи. Кромѣ того, тотъ же совѣтъ опредѣлялъ господъ исправите-

лей, имѣвшихъ, между прочимъ, обязанность разбирать супружескія несогласія. Въ этомъ законодательномъ актѣ, между прочимъ, говорилось, что избранные проповѣдники должны будутъ разработать уставъ церковныхъ порядковъ, учитель и экзаменаторъ—школьный уставъ, а кромѣ того, долженъ составиться исправительный кодексъ для поддержанія религіи и добрыхъ нравовъ [164]). Это былъ проектъ, еще не осуществившійся на дѣлѣ, но, тѣмъ не менѣе, онъ давалъ надежду на прочные новые порядки. Ротманъ въ это время былъ главою мюнстерской церкви, ея правителемъ и законодателемъ. Гильдіи признавали въ немъ своего вожака, совѣтъ былъ обязанъ ему своимъ существованіемъ, евангелическое бюргерство видѣло въ немъ освободителя отъ папства. Отъ него ждали спасенія въ будущемъ, его осыпали почестями, всѣ праздновали его женитьбу на вдовѣ городскаго синдика, хотя и ходили слухи, что она отравила мужа, чтобы выйти за Ротмана [165]). Никакой праздникъ не обходился безъ Ротмана. Но если при помощи хитрой и ловкой уклончивости и изворотливости Ротману удалось провести всѣхъ своихъ недоброжелателей и устроить свою церковь по своему, то этихъ качествъ было очень мало, чтобы отстаивать и утверждать созданное, чтобы противустоять такимъ прямолинейнымъ радикаламъ, какъ перекрещенцы. Для борьбы съ ними, нужны были не уклон-

[164]) *Cornelius*, II. 147—148. — [165]) *Hase*, 52.

чивость и ловкость, а твердыя убѣжденія, которыхъ до этой поры не замѣчалось у Ротмана. Перекрещенцы же были уже на порогѣ Мюнстера. Ротманъ быстро началъ измѣняться: велъ болѣе скромную жизнь, уклонялся отъ пировъ, сталъ блѣденъ. Онъ готовился къ самому рѣшительному шагу въ жизни: какъ отнесутся теперь къ нему люди, еще недавно носившіе его на рукахъ? Уже въ іюлѣ 1533 года Мюнстеръ посѣтили гонимые вожаки голландскаго перекрещенства [166]). Годъ тому назадъ Ротманъ возставалъ противъ перекрещенцевъ, теперь у него въ душѣ было немало точекъ соприкосновенія съ ними: онъ отвергалъ крещеніе дѣтей, онъ вѣрилъ въ оправданіе дѣлами, онъ также смотрѣлъ на таинства, онъ заботился объ улучшеніи внутренней и внѣшней жизни. Надо прибавить еще, что, по совѣту Гофмана, перекрещенцы теперь не крестили взрослыхъ: Гофманъ совѣтовалъ воздержаться отъ этого на два года [167]). Ротманъ сошелся теперь съ этими людьми. Тщетно епископъ предостерегалъ совѣтъ отъ этихъ проповѣдниковъ: совѣтъ привыкъ повиноваться болѣе всего Ротману, да и перекрещенцы, выгнанные въ одни ворота, возвращались въ другія. Собранія этихъ людей происходили тайно, какъ собранія заговорщиковъ, всѣ ждали какихъ-то необычайныхъ событій.

14-го января 1534 года въ Мюнстерѣ появи-

[166]) Ibid. — [167]) Ibid., 57.

лись люди въ странной одеждѣ, принесшіе вѣсть, что не слѣдуетъ болѣе проповѣдывать съ каѳедры и что слѣдуетъ воздерживаться отъ посѣщенія церквей. Это были два апостола, высланные изъ Голландіи Матисеномъ, и одинъ изъ нихъ былъ Іоаннъ Бокельзонъ, самая трагическая личность изъ всѣхъ перекрещенцевъ.

X.

Событія, наступившія теперь въ Мюнстерѣ, были похожи на странный, невѣроятный сонъ, на какую-то небывалую, волшебную сказку. Удивительно тутъ было все: и быстрая смѣна положеній, и возвышеніе людей, и сцены царской роскоши, и сцены жестокихъ кровопролитій. Все, что происходило здѣсь, было возможно только какъ результатъ сильнаго эпидемическаго возбужденія умовъ, повальной экзальтаціи цѣлыхъ массъ людей, совершенно исключительнаго положенія, въ которое были поставлены дѣйствующія лица. Вотъ почему, разсказывая событія и описывая дѣятелей этого времени, приходится не вдаваться въ строгую критическую оцѣнку ихъ дѣйствій, какъ нельзя требовать граціи отъ находящагося въ конвульсіяхъ человѣка или соблюденія всѣхъ правилъ фехтовальнаго искусства въ самомъ разгарѣ кровопролитнаго боя. Прежде всего, надо

остановиться на выдающейся личности Іоанна Лейденскаго.

Іоаннъ Бокельзонъ или Бекельцоонъ, то-есть сынъ Бокеля или Бекеля, прозванный уже потомъ Іоанномъ Лейденскимъ, родился въ 1509 или въ 1510 году въ Гаагѣ [168]). Его отецъ, деревенскій староста изъ Графенгагена или Севенгагена; его мать—служанка изъ окрестностей Мюнстера, изъ мѣстечка Додорфа. Аделаида, такъ звали мать Іоанна Бокеля, оставила родителей и пошла на заработки; она поступила въ услуженіе къ Бокелю-отцу, женатому на старухѣ, и Бокель влюбился въ нее. Плодомъ ихъ интимныхъ отношеній былъ Іоаннъ. Лѣтъ черезъ семь

---

[168]) Сообщая подробности жизни Іоанна Бокеля, я пользовался, главнымъ образомъ, біографіей его, составленной *Б. Резе* въ энциклопедіи *Эрша и Грубера* (21 томъ, стр. 438—467, изд. 1843 г.). На другія книги ссылки помѣчены въ примѣчаніяхъ. Всѣ, писавшіе объ Іоаннѣ Лейденскомъ, пользовались, главнымъ образомъ, тремя сочиненіями: *Дорпа* или *Дорпеуса,* прибывшаго въ Мюнстеръ, когда развалины города были еще свѣжи, *Гресбека,* мюнстерскаго бюргера, свидѣтеля осады, пробывшаго во время ея въ Мюнстерѣ, и *Керсенбройка*, бывшаго ребенкомъ при началѣ осады и бѣжавшаго изъ города. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ современныхъ свидѣтелей, есть еще множество современныхъ-же, но не имѣющихъ важнаго значенія, летучихъ листковъ, полемическихъ брошюръ и т. п. Всѣ эти сочиненія написаны противниками перекрещенцевъ, такъ что на видъ выставляются въ этихъ сочиненіяхъ, главнымъ образомъ, темныя стороны описываемыхъ дѣятелей.

Бокель овдовѣлъ и женился на Алеландѣ. Дальнѣйшая судьба родителей Іоанна почти неизвѣстна: вѣроятно, отецъ умеръ очень рано, такъ какъ Іоанна пришлось отдать на воспитаніе къ роднымъ въ Лейденъ. Мать умерла позже. Эти родные отдали мальчика обучаться портняжному ремеслу. Мальчикъ посѣщалъ, кромѣ того, и школу, учился читать и писать, а, можетъ быть, и латыни. Блестящій по способностямъ, унаслѣдованнымъ отъ матери [169]), онъ учился прилежно и послѣ нерѣдко убѣгалъ отъ работы ради чтенія книгъ. Возмужавъ, онъ совершилъ въ качествѣ подмастерья портнаго путешествіе въ Англію, гдѣ пробылъ четыре года; побывалъ въ Лиссабонѣ, попалъ во Фландрію, дошелъ до Любека, занимаясь портняжнымъ дѣломъ и торговлею. Потомъ онъ поселился въ Лейденѣ близъ воротъ, откуда дорога вела въ Гаагу. Здѣсь въ форшадтѣ Іоаннъ открылъ пивную «Трехъ селедокъ» [170]). Бокель женился въ это время на вдовѣ матроса и имѣлъ двухъ дѣтей. Среди веселаго кружка молодежи, собиравшагося въ пивной, Іоаннъ игралъ если не первую, то первенствующую роль. Красавецъ собой, высокій, стройный, ловкій молодой [171]), онъ отличался какъ поэтъ, какъ драматургъ, какъ исполнитель своихъ пьесъ, въ которыхъ онъ любилъ

---

[169]) *Hast*, 324.—[170]) *Hase*, 76.—[171]) Портретъ его, исполненный Христофомъ фонъ-Сихемомъ, не даетъ никакого понятія о его красотѣ, о которой говорятъ всѣ его біографы.

особенно роли королей. Вмѣстѣ со своими друзьями онъ образовалъ поэтическое общество, какихъ тогда было не мало въ Голландіи; члены такихъ обществъ назывались «риториками»; собранія ихъ являлись оппозиціею церкви; на представленія ихъ стекались массы народа. Нечего и говорить, что пивная и народные спектакли привлекали не одну порядочную молодежь, но и распущенную сволочь, что и дало потомъ, когда Бокелю приписывалось все дурное, поводъ говорить, что Іоаннъ содержалъ когда-то «кабакъ» и домъ «терпимости». Но это одна изъ той массы клеветъ, которыя впослѣдствіи обрушились на Іоанна: онъ палъ, а «падшимъ кулаки», какъ говоритъ киргизская пословица. Въ то время, о которомъ мы говоримъ теперь, этотъ двадцатичетырехлѣтній юноша не только принадлежалъ къ протестующему противъ церкви кружку молодежи, занимаясь свѣтской литературой, театральнымъ искусствомъ, актерскою дѣятельностью, но и слѣдилъ, какъ видно, за религіозными движеніями. Это видно изъ того, что, еще не будучи перекрещенцемъ, онъ въ іюлѣ 1533 года ѣздилъ въ Мюнстеръ, чтобы послушать «храбраго проповѣдника—dapperе Predicanten», т.-е. Ротмана. Съ ученикомъ и преемникомъ Мельхіора Гофмана, гарлемскимъ булочникомъ, страстнымъ и суровымъ фанатикомъ, Іоганномъ Матисеномъ, онъ познакомился только осенью [172]). Посѣтивъ въ это

[172]) *Hast*, 325; „R. Enc. von Herzog". B. II, S. 510; *Hase*, 77.

путешествіе и другіе попутные города, Іоаннъ Бокель останавливался у лицъ, игравшихъ потомъ роль въ послѣднемъ перекрещенскомъ движеніи. Вернувшись въ Лейденъ и сойдясь съ Матисеномъ, онъ принялъ отъ послѣдняго крещеніе, обошелъ нѣкоторые города, крестя народъ, въ томъ числѣ окрестивъ и свою жену, и 13 января 1534 года мы уже видимъ его въ Мюнстерѣ. Перекрещенство переживало именно въ это время критическій моментъ: Гофманъ былъ въ тюрьмѣ; его намѣстникомъ въ Нидерландахъ былъ Іоаннъ Матисенъ; 1533 годъ приходилъ къ концу, а свѣтопреставленія не было; это могло дать поводъ сомнѣваться въ пророчествѣ Гофмана; съ другой стороны, страшно жестокія гоненія въ Нидерландахъ противъ перекрещенцевъ грозили задушить секту; Матисенъ крайне ловко воспользовался этимъ моментомъ и заявилъ, что Страсбургъ прогнѣвилъ Бога, что новымъ Сіономъ избирается Мюнстеръ, а свѣтопреставленіе откладывается на два года. Здѣсь, въ Мюнстерѣ, почва была вполнѣ подготовлена и уже шла невообразимая сумятица. Ротманъ уже въ концѣ 1533 года открыто перешелъ на сторону перекрещенцевъ, а 5 января 1534 года заявилъ громогласно требованіе, чтобы всѣ перекрещивались. Особенно сильно волновались въ это время женщины и по преимуществу оставившія монастырь монахини. Онѣ, казалось, были охвачены какимъ-то безуміемъ и производили наибольшую агитацію. Городскія вла-

стичувствовали себя безпомощными и медлили предпринять какія-нибудь крупныя мѣры. Когда онѣ вздумали взяться за умъ, было уже поздно, такъ какъ городъ былъ, въ сущности, въ рукахъ перекрещенцевъ. Сначала перекрещенцы только ночью рѣшались призывать безбожныхъ къ обращенію, теперь, 7 февраля, уже днемъ раздались по городу жалобные голоса: «Кайтесь и креститесь, чтобы избѣжать мщенія Господа, такъ какъ день близокъ!» Одинъ портной, дѣлая странные жесты, кричалъ, что онъ видитъ на вышинѣ небеснаго отца со знаменемъ побѣды въ правой рукѣ, со многими тысячами угрожающихъ ангеловъ. «Кайтесь, кайтесь! Вѣчныя муки ждутъ васъ. Богъ хочетъ очистить гумно свое и сжечь солому въ неугасимомъ огнѣ. Кайтесь и если хотите избѣжать божественнаго мщенія, то примите знакъ нашего союза» [173]). На слѣдующій день 500 вооруженныхъ перекрещенцевъ собрались на рыночной площади и овладѣли ратушей и оружейнымъ складомъ. Къ ночи городъ раздѣлился на два вооруженныхъ лагеря, между которыми протекала рѣчка Аге, пересѣкающая Мюнстеръ. Перекрещенцы пѣли ночью псалмы, ихъ женщины лежали на землѣ въ молитвахъ. Люди видѣли различныя видѣнія: образъ человѣка съ руками, полными крови; человѣка въ золотой коронѣ, съ мечомъ въ одной рукѣ, съ розгой въ другой; огненное облако, окутавшее городъ, и т. п. Въ

[173]) *Hase*, 59.

это время выступилъ впередъ торговецъ суконами изъ старинной и почтенной семьи, выгодно женившійся на богатой дѣвушкѣ Бернтъ Книппердолинкъ, молодой и красивый сорви-голова, насмѣшникъ, кутила, аферистъ, промотавшій на половину свое и женино состояніе. Не разъ онъ принималъ уже участіе въ уличныхъ безпорядкахъ противъ епископа, посидѣлъ въ тюрьмѣ, видался еще въ 1524 году въ Стокгольмѣ съ Мельхіоромъ Гофманомъ, принималъ участіе въ истребленіи иконъ, поддерживалъ Ротмана въ его реформаціонной дѣятельности, принималъ у себя Матисена и Бокеля. Вся эта агитаторская дѣятельность велась какъ-то легкомысленно, съ юмористическимъ оттѣнкомъ, съ извѣстною безшабашностью. Вообще это былъ одинъ изъ самыхъ легкомысленныхъ, но опытныхъ и довольно смѣлыхъ агитаторовъ и бойцовъ. По утру на слѣдующій день послѣ захвата ратуши, Книппердолинкъ бѣгалъ по улицамъ съ перекрещенскимъ евангеліемъ и ворвался даже въ непріятельскій лагерь съ крикомъ: «Кайтесь, безбожные, гнѣвъ Божій падъ главами вашими! О, Отецъ, Отецъ, истреби ихъ!» Раненый однимъ изъ его родственниковъ, онъ былъ запертъ въ башню, но и оттуда слышался его хриплый голосъ [174]), Члены совѣта овладѣли двумя воротами и послали за помощью. Уже былъ составленъ планъ аттаки, уже на помощь городу шли родные канониковъ, отъ

[174]) *Hase*, 61.

епископа приближалось посольство, когда разнеслась неожиданная вѣсть о заключеніи мира между противниками. Власти города постыдно струсили передъ заносчивостью перекрещенцевъ, побоялись братоубійственной рѣзни, съ сомнѣніемъ отнеслись къ своимъ собственнымъ силамъ, гдѣ были и лютеране, и католики, и, вѣчно нерѣшительные, погубили сами свое собственное дѣло въ самую выгодную, можетъ быть, единственно выгодную минуту. Миръ былъ заключенъ на томъ основаніи, что каждый можетъ вѣрить, какъ хочетъ, лишь-бы не было насилій и власть оставалась въ покоѣ. Радость перекрещенцевъ трудно описать: «женщины прыгхли такъ, точно хотѣли вознестись на небо, семилѣтнія дѣти пророчествовали, лица мужчинъ прояснялись и стали снова прекраснаго цвѣта». Это была ихъ первая побѣда. Стремившіеся на помощь городу люди съ негодованіемъ вернулись обратно, предвидя плохой конецъ этого мира. Этотъ-же конецъ предвидѣли многіе зажиточные граждане, уѣзжавшіе теперь изъ города, увозя свое имущество кромѣ оружія и съѣстныхъ припасовъ, на которые было наложено запрещеніе. Запрещеніе уносить съѣстные припасы было такъ строго, что когда при обыскѣ двухъ школьниковъ, уходившихъ изъ города, нашли у нихъ хлѣбъ, то ихъ задержали; дѣти, впрочемъ, нашлись и съѣли тутъ-же свой хлѣбъ; тогда ихъ отпустили. Ротманъ-же въ это время призывалъ перекрещен-

цевъ изъ сосѣднихъ городовъ, говоря, что «въ городъ прибыли два пророка, — Бокель и Матисенъ, — и что они, отличаясь набожностью и святостью жизни, съ невѣроятною мягкостью проповѣдуютъ слово Божіе въ чистотѣ и безъ человѣческихъ прибавокъ». Оставивъ земныя сокровища, перекрещенцы должны были, по словамъ Ротмана, съ женами и дѣтьми стремиться въ новый Іерусалимъ, въ храмъ Соломона, чтобы установить истинное богослуженіе послѣ истребленія идолопоклонства. Въ Мюнстерѣ, говоритъ Ротманъ, перекрещенцы должны были найти и небесныя сокровища, и земныя блага. Подобный призывъ не могъ остаться безъ отвѣта, когда повсюду перекрещенцы встрѣчали только гоненія, когда ихъ жгли и топили массами. Начался наплывъ перекрещенцевъ, услышавшихъ это приглашеніе. Одни шли для наживы, другіе спасались отъ преслѣдованій. Приходили и бѣдняки съ сумой, приходили и богачи, тащившіе свои богатства. Несчастные люди, гонимые всюду, обрѣли теперь свой Іерусалимъ. Легко понять, къ какимъ результатамъ должны были привести эти два явленія — удаленіе изъ города однихъ, прибытіе въ него другихъ. Власть ежеминутно теряла главныхъ своихъ союзниковъ; перекрещенцы ежеминутно пріобрѣтали новыя подкрѣпленія. Время было такое, что событія смѣнялись не по днямъ, а по часамъ; уже 23 февраля передъ выборами въ совѣтъ перекрещенцы пред-

видѣли свое торжество и не ошиблись: бургомистромъ явился Книппердолинкъ. Успѣхъ сразу точно опьянилъ эту массу, о которой уже ходили самые невѣроятные слухи, говорившіе о страшномъ возбужденіи людей на ея ночныхъ собраніяхъ, гдѣ дѣло доходило до конвульсій, до грязныхъ оргій во имя желанія «расплодиться»; теперь эта масса какъ безумная, бросилась разрушать мѣста «идолопоклонства» и въ нѣсколько часовъ уничтожила памятники вѣковой культуры. Главный монастырь и другіе монастыри были разрушены и опустошены; произведенія искусства разбиты и поломаны; картины изрѣзаны; знаменитая библіотека Рудольфа фонъ-Ланге предана огню. Гербы знатныхъ фамилій, памятники, расписныя окна, органы, драгоцѣнные башенные часы,—все это уничтожалось. Книппердолинкъ приказалъ даже сбить шпили башенъ, такъ какъ «высокое должно быть уничтожено». На платформахъ башенъ поставили пушки, а ограбленный монастырь св. Морица сожгли [175]). Это была минута дикой расправы, совершившейся подъ вліяніемъ страстнаго чувства, за вѣка дикихъ притѣсненій, совершавшихся съ холоднымъ расчетомъ. Люди едва-ли сознавали то, что они дѣлали. Но когда наступило отрезвленіе, они тотчасъ сознали, что все, совершенное ими, не пройдетъ даромъ: мстители найдутся и нужно огра-

---

[175]) *Hast,* 338; *Hase,* 64.

дить себя отъ внезапнаго нападенія. Его ждали съ минуты на минуту. 26 февраля шли совѣщанія «объ очищеніи» новаго Іерусалима отъ враговъ, т. е. отъ папистовъ и лютеранъ. Матисенъ со свойственною ему мрачною рѣшительностью предложилъ коротко: «убить ихъ всѣхъ». Книппердолинкъ съ большимъ благоразуміемъ возразилъ: «Это вооружитъ всѣхъ противъ насъ; лучше изгнать ихъ изъ города, если не перекрестятся». На слѣдующій день совершилось изгнаніе «нечестивыхъ». «Послѣ багровой утренней зари,—разсказываетъ историкъ мюнстерскаго царства Керсенбройкъ, одинъ изъ тѣхъ двухъ школьниковъ, которыхъ задержали въ воротахъ Мюнстера за кусокъ найденнаго при нихъ хлѣба,—сѣверный вѣтеръ поднялъ снѣжную вьюгу. Матисенъ крикнулъ по городу: «Вы, невѣрующіе, обратитесь, сама природа ужасается вашимъ постыднымъ дѣламъ, мечъ Господень носится надъ главами вашими! Идите принять знакъ союза, чтобы васъ не исключили изъ народа Божія!» Потомъ онъ объявилъ въ ратушѣ: «Кто не окрестится, долженъ уйти изъ города. Отъ сношеній съ безбожными загрязнится народъ Божій. Прочь, сыны Исава; наслѣдіе принадлежитъ сынамъ Іакова!» Тысячеустнымъ эхо повторили эти слова вооруженные перекрещенцы на всѣхъ улицахъ: «Вонъ, безбожные, Богъ, наконецъ, рѣшился наказать васъ! Кто не обратится, долженъ оставить городъ, иначе Богъ убьетъ его». Многіе позво-

лили крестить себя; на рыночной площади стояли проповѣдники и передъ каждымъ ведро воды, откуда они поливали руками головы преклонившихъ передъ ними колѣна, крестя, увѣщевая бросить зло и творить добро. Многіе уходили изъ города; замкнутыя двери выбивались и жители выталкивались изъ домовъ. По дорогѣ уходившихъ обыскивали, нѣтъ ли у нихъ чего нибудь цѣннаго, и если что находили, то отнимали съ глумленіями и бранью. «Были изгнаны люди всякаго состоянія и возраста. Беременныя женщины рожали на снѣгу за городомъ. Матери съ полуодѣтыми дѣтьми, маленькіе мальчики съ своими родителями шли по снѣгу босикомъ, точно также и старики съ посохами въ рукахъ проходили по городу, а въ воротахъ у нихъ отнимали послѣдній грошъ, припрятанный ими». Но если въ городѣ происходили эти страшныя сцены, производимыя опьянѣвшею отъ фанатизма толпой, то за городомъ совершались не лучшіе поступки. Къ городу уже приближался непріятель. Онъ встрѣтилъ довѣрчиво шедшихъ къ нему на встрѣчу бѣглецовъ; среди этихъ несчастныхъ были многіе, содѣйствовавшіе годъ тому назадъ дѣлу реформаціи; совѣтники епископа совѣтовали казнить этихъ несчастныхъ, беззащитныхъ людей, и казни совершались. Это было одно изъ новыхъ пятенъ, которыми покрывала себя тогдашняя власть. Слухъ объ этомъ долетѣлъ до Мюнстера и нѣкоторые изъ гражданъ, еще не успѣвшіе

уйти, видя, что казнь ихъ ждетъ и въ городѣ, и внѣ города, шли креститься [176]).

Непріятель уже приближался къ городу и располагался вокругъ него. Надо было готовиться къ защитѣ. Приготовленія дѣлались съ изумительными энергіей и разсудительностью. Все способное къ ношенію оружія населеніе раздѣлилось на отряды и роты; даже женщины были привлечены къ военной службѣ въ качествѣ стражи; дѣти обучались управлять лукомъ и стрѣлами. Противъ пьянства солдатъ и стражей былъ изданъ строжайшій указъ, угрожавшій за пьянство даже смертною казнью, такъ что трезвость защитниковъ Мюнстера сильно отличала ихъ отъ ландскнехтовъ епископа, пьянствовавшихъ по тогдашнему обычаю при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ то же время, главный соборъ превратился въ пороховой заводъ, колокола стали переливать въ пушки; долетавшія до города ядра собирались, чтобы быть посланными обратно. Покуда было возможно, изъ города дѣлались вылазки, съ цѣлью запастись съѣстными припасами на все время осады. Въ это время началась проповѣдь объ общности имуществъ. «Никто не можетъ принимать участія въ союзѣ и разсчитывать на вѣчное блаженство, если онъ не откажется отъ міра и не отброситъ всякихъ украшеній,—проповѣдывалъ Ротманъ.—Горе высокомѣрному Мюнстеру! Горе вамъ, украшающимъ себя

[176]) *Hase*, 68.

золотомъ, драгоцѣнными камнями и дорогими платьями! Васъ отвергнутъ за то, что вы цѣните выше украшенія тѣла, чѣмъ украшеніе души. Совлеките же съ себя ветхаго человѣка и его вожделѣнія и облекитесь въ новые панцыри». Призывъ покуда касался раздачи излишняго. Онъ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Богачи безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ приносили деньги къ ногамъ Ротмана, разрывали векселя, нѣкоторые даже возвращали полученные по этимъ векселямъ проценты, какъ, напримѣръ, теща Книппердолинка, очень богатая женщина. Подъемъ духа въ этотъ моментъ былъ очень великъ.

Эта мѣра была крайне необходима, такъ какъ въ городѣ было не мало бѣдняковъ, особенно среди пришлаго населенія. Всѣ эти люди были размѣщены по просторнымъ монастырскимъ зданіямъ. Но ихъ надо было содержать, кормить. Послѣ первой проповѣди Ротмана была произнесена проповѣдь Матисеномъ. Онъ заявилъ, что Отецъ небесный желаетъ, чтобы всѣ имущества были общими между христіанами, чтобы ими пользовались не по произволу, а по насущнымъ нуждамъ. На третій день онъ назначилъ молитвенное собраніе, чтобы Господь избралъ по своей волѣ семь мужей, которые будутъ раздѣлять между братьями имущество. Въ назначенный день были избраны семь діаконовъ и посвящены на служеніе. Они должны были, прежде всего, удобно размѣстить бѣдняковъ. Въ это же время при-

казано было сносить въ одно мѣсто все золото, серебро и драгоцѣнные камни, подъ страхомъ казни за ослушаніе. Лишнія одежды слѣдовало отдавать неимущимъ. Волей-неволей должны были повиноваться и тѣ, кто не отдалъ всего добровольно раньше. Въ городѣ ходили слухи, что двѣ дѣвушки-пророчицы узнаютъ, кто не исполнилъ приказа. Къ казнохранилищу были приставлены три управителя; подати и проценты были отмѣнены, двери домовъ должны были оставаться открытыми днемъ и ночью; защищать ихъ отъ свиней, бродившихъ по городу, можно было только рѣшетками. Душою всѣхъ распоряженій были Матисенъ, Бокель и потомъ Книппердолинкъ; Ротману волей-неволей пришлось теперь стоять на второмъ планѣ. Но правленіе Матисена было кратковременнымъ. Страстный фанатикъ, горячо и слѣпо вѣрившій въ свое призваніе, онъ уже успѣлъ сдѣлать удачное нападеніе на враговъ. Въ день Свѣтлаго Воскресенія онъ присутствовалъ среди друзей на свадебномъ пиру и «радовался о Господѣ». Тогда его охватилъ духъ пророчества, онъ склонилъ голову и сдѣлался похожимъ на мертвеца. Всѣ смолкли и смотрѣли на него. Когда онъ снова пришелъ въ себя, онъ сказалъ со вздохомъ: «О, возлюбленный Отецъ, не такъ, какъ я хочу, но такъ, какъ Ты хочешь». Онъ всталъ, подалъ руку каждому изъ присутствующихъ, поцѣловалъ каждаго въ губы и, проговоривъ: «Миръ со всѣми вами», удалился съ женою изъ собра-

нія. На слѣдующій день онъ заявилъ, что ему, новому Гедеону, велѣно отбить врага и освободить городъ. Онъ взялъ длинное копье и вышелъ черезъ Андгерскія ворота съ двадцатью избранными тѣлохранителями, точно въ сопровожденіи войска. Съ замираніемъ сердца смотрѣли на удаляющагося пророка жители Мюнстера. Вотъ пророка окружили враги, вотъ блеснуло оружіе и черезъ минуту отъ этого высокаго, чернобородаго предводителя народныхъ массъ остались только куски мяса. На высокой палкѣ поднялась его голова и раздались насмѣшки враговъ [177]). Паническій страхъ охватилъ городъ, и нужны были сила и вліяніе Бокеля, чтобы успокоить умы. Теперь этотъ человѣкъ, умѣвшій властвовать сердцами мужчинъ при помощи своего краснорѣчія и мужества, умѣвшій побѣждать сердца женщинъ при помощи своей выдающейся красоты и поэтической страстности, выдвинулся на первый планъ [178]). До этой поры оставалась въ Мюнстерѣ старая форма управленія при помощи совѣта. Этотъ совѣтъ былъ избранъ подъ вліяніемъ перекрещенцевъ, тѣмъ не менѣе, въ немъ были двѣ партіи, были разногласія. Послѣ Духова дня покончили и съ этимъ неудобствомъ. Пророкъ проявлялъ необычайное воодушевленіе и на народномъ собраніи Іоаннъ Лейденскій заявилъ: «Отецъ открылъ мнѣ, что новый Израиль получитъ новое законодательство. Существующій совѣтъ поставленъ

[177]) *Hase*, 74, 75.—[178]) *Keller*, 138.

людьми, теперь выборы должны совершаться по божескому внушенію». Затѣмъ было сказано, что двѣнадцать человѣкъ въ качествѣ старѣйшинъ будутъ управлять свѣтскими и духовными дѣлами двѣнадцати колѣнъ Израиля. Ротманъ прочелъ имена избранныхъ. Совѣту пришлось безмолвно покориться и уступить власть новымъ избранникамъ. Всѣ избранные члены старыхъ фамилій и пришлецы были преданными слугами пророка. Они представились собранію и получили отъ пророка мечъ со словами: «Прими право меча, ввѣреннаго тебѣ черезъ меня Богомъ Отцомъ, и суди по повелѣнію Божію». Потомъ все собраніе послѣ молитвы пророка запѣло: «Слава въ вышнихъ Богу». Вскорѣ послѣ этого Бокель объявилъ, что отнынѣ Книппердолинкъ будетъ носителемъ меча, т. е. палачемъ для истребленія злодѣевъ [179]) Сознаніе необходимости крутыхъ мѣръ въ новомъ положеніи, въ виду окружающихъ городъ враговъ, въ виду поддержанія военной дисциплины, стояло на первомъ планѣ. Уже въ первые дни власти Матисену и Бокелю пришлось казнить одного мюнстерца, волновавшаго народъ толками о томъ, что въ городѣ хозяйничаютъ иноземцы. Виновнаго призвали и Бокель публично поразилъ его алебардою, а Матисенъ прикончилъ выстрѣломъ.

Старѣйшинамъ предстояло не легкое дѣло устройства общества на новыхъ основаніяхъ. Труд-

[179]) *Hase*, 77, 78.

но набросать болѣе или менѣе подробную картину этого устройства, но все же любопытно ознакомиться хотя съ нѣкоторыми его сторонами. Мы видѣли, что въ Мюнстерѣ была введена общность имущества, хотя при этомъ извѣстно, что не было уничтожено право наслѣдства, что въ одномъ изъ послѣднихъ постановленій мюнстерскаго царства говорилось: «Кто возьметъ что-нибудь у другаго хотя бы въ стоимость яйца, тотъ долженъ умереть». Такимъ образомъ, полной общности имуществъ на дѣлѣ не существовало: практическія развитіе и разработка этого принципа во всѣхъ отношеніяхъ были дѣломъ будущаго. Въ это горячее время было не до созданія законченныхъ законодательныхъ кодексовъ. Матисенъ требовалъ просто, чтобы «никто не имѣлъ собственности и полагался во всемъ на Бога». Деньги и драгоцѣнности, взятыя въ казну, служили для торговыхъ сношеній внѣ города и для закупки всякихъ продовольственныхъ припасовъ, причемъ разсчитывалось на два года осады. Для трети способнаго носить оружіе населенія, находившагося постоянно на валахъ, пища приготовлялась въ кухняхъ, которыя были внизу. Далѣе говорится: «Что касается пищи и одежды, то каждымъ, нуждавшимся въ этомъ, а равно и его домашними, все получалось достаточно». Въ постановленіи старѣйшинъ значилось: «У воротъ находятся шесть домовъ, гдѣ четыре раза въ день кормятъ общину; братья садятся отдѣльно,

сестры также; сидя за столомъ, нельзя говорить дурнаго. Передъ ѣдою всѣ молятся, потомъ, пообѣдавъ, поютъ псаломъ; во время ѣды читается глава изъ *Ветхаго Завѣта*. Они должны ѣсть и пить то, что подается, безъ ропота. Кто хочетъ имѣть ложку, долженъ приносить ее съ собою. Кто отрѣжетъ болѣе хлѣба, чѣмъ съѣстъ, того призываютъ къ старѣйшинамъ». Вино давалось исключительно больнымъ по необходимости и старѣйшинамъ въ извѣстныхъ случаяхъ. На ремесленниковъ и мастеровъ возлагалось производство предметовъ первой необходимости, причемъ выдавались работающимъ сырые матеріалы. Портные должны были наблюдать, чтобы никто не носилъ платьевъ по модѣ и по иноземнымъ образцамъ. Всѣмъ предписывалось: «Для праведныхъ земля и всѣ вещи общія, но каждый долженъ работать, чтобы быть полезнымъ». Обмѣнная торговля была дозволена. Злоупотребленіе трудомъ ближняго въ свою пользу прекратилось. Приготовлялось раздѣленіе между жителями домовъ по жеребью. Люди рѣшились довольствоваться самымъ необходимымъ: музыкальные инструменты были истреблены, нѣкоторыя женщины разбили свои зеркала, всякія книги, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и документы, привиллегіи, манускрипты были уничтожены, за исключеніемъ того, что спасъ Ротманъ, и вмѣсто всего этого, свѣтскаго, осталась единственнымъ утѣшеніемъ, единственною руководительницей *Библія*; на соборномъ

дворѣ сожгли всѣ векселя и росписки, а въ страстную пятницу въ непріятельскій лагерь выгнали старую клячу съ соломенною куклой въ епископской шапкѣ, съ папскими указами въ видѣ украшеній, съ договоромъ о свободѣ евангелическаго вѣроисповѣданія на хвостѣ [180]). Такимъ образомъ, со старымъ порывались всѣ связующія нити. Эти люди жгли за собой мосты и корабли, какъ бы для того, чтобы не имѣть даже искушенія къ возврату на прежній путь. Извѣстный строгій порядокъ сохранялся при помощи старѣйшинъ. Они твердо держали бразды правленія, грозя смертною казнью ослушникамъ законовъ. Эти законы въ формѣ заповѣдей касались всѣхъ мелочей общественнаго строя и свидѣтельствуютъ ясно, что правители не сидѣли сложа руки. Почитаніе Бога, послушаніе власти старѣйшинъ, повиновеніе женъ мужьямъ, домашнихъ отцу семьи, обязанности отца семьи къ домашнимъ, преслѣдованіе разврата, скупости, грабежа, обмана, лжи и клеветы,—все это не было забыто, все это предписывалось подъ страхомъ Дамоклова меча—меча Книппердолинка [181]). Постановленія были совер-

[180]) *Hase*, 70—74.—[181]) Пункты, въ отношеніи которыхъ была опредѣлена смертная казнь, слѣдующіе: 1) Чтить Бога и Его св. имя. 2) Почтеніе къ власти и родителямъ. 3) Главенство мужа и подчиненность жены. „Вы, мужи, любите своихъ женъ“. Жены должны быть подчинены своимъ мужьямъ, какъ Господу. Поэтому: „Жена да боится мужа“. 4) Послушаніе домочадцевъ господину и обязанность послѣдняго въ отношеніи первыхъ. 5) Грѣ-

шенно въ духѣ того времени и отличались крайнею строгостью. Но сначала въ Мюнстерѣ не было еще нужды цѣною крови покупать спокойствіе и соблюденіе порядка. Казни были покуда исключительными явленіями. Кровавый періодъ насталъ послѣ провозглашенія царемъ Іоанна Лейденскаго и именно съ этого времени мы видимъ массу поступковъ, которымъ нѣтъ оправданія.

Іоаннъ Лейденскій, какъ мы знаемъ, былъ красавецъ, поэтъ, страстный двадцатипятилѣтній юноша. Онъ вѣчно былъ окруженъ женщинами, поклонявшимися ему; онъ самъ сладострастно смотрѣлъ на этихъ поклонницъ. Не разъ уже въ эти времена всякихъ «вопросовъ» поднимался вопросъ объ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ.

хи противъ брака. „Ты не долженъ любодѣйствовать (Исх. XXX, 14). Кто преступаетъ противъ брака съ женою кого-либо, тотъ смертью да умретъ, оба—любодѣй и любодѣйца (Левитъ 3, 20, 10). Кто взглянетъ на жену съ пожеланіемъ, тотъ въ своемъ сердцѣ уже преступилъ съ ней противъ брака (Матѳ. V, 28). 6) О блудѣ и нечистотѣ всякаго рода (Исх. 22. Втор. 12). Если кто найдетъ дѣвушку и схватитъ ее, равно о безстыдныхъ и блудящихъ съ мужескимъ поломъ, или кто кровосмѣшничаетъ съ своими сестрами или близкими по крови--то, что воспрещаетъ писаніе (Лев. 18) и подобное (Лев. 20). Кто лежалъ съ женою во время регулъ и совершалъ то, что воспрещаетъ писаніе, тотъ совершаетъ мерзость и долженъ умереть смертною казнью (1 Кор. VI, 18; Гал. V, 19, Еф. V, 3; 1 Θесс. IV, 4 и 5), да не будутъ именуемы у васъ блудъ и всякая нечистота, какъ прилично святымъ. 7) Скупость

Мы уже упоминали, что въ нѣкоторыхъ кружкахъ перекрещенцевъ слова «дай просящему» переводились словами «отдайся просящему». Даже въ евангелическихъ кружкахъ возникали тогда вопросы, точно-ли божественное учрежденіе—«единоженство», и сомнѣнія насчетъ этого высказывались въ печати, а ландграфъ Гессенскій прямо повѣнчался со второй женой при жизни первой, и Лютеръ далъ на это нѣчто вродѣ разрѣшенія, не видя тутъ большой бѣды. Немудрено, что этотъ вопросъ явился на первомъ планѣ у Іоанна Лейденскаго. Пророкъ поднялъ его публично уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, и начались пренія. Ротманъ и его друзья возстали; но, несмотря на ихъ протесты, рѣшено было въ пользу мнѣ-

---

и хищеніе. 8) Воровство. 9) Обманъ и наживаніе прибыли. 10) Ложь и клевета. 11) Постыдныя рѣчи и гадкія слова. 12) Клевета, тайная злоба и нестроеніе въ народѣ Божіемъ. Былъ составленъ чинъ также и для мірскаго правленія; онъ былъ обнародованъ въ 31 §§. Здѣсь трактовалось объ управленіи общимъ имуществомъ о разслѣдованіи и наказаніи происходящихъ проступковъ, о защитѣ города и общественномъ продовольствіи мужчинъ и женщинъ, занятыхъ работами въ крѣпостныхъ укрѣпленіяхъ, причемъ названы поименно отдѣльныя личности, нуждавшіяся въ хлѣбѣ и мясѣ, винѣ и пивѣ, одеждѣ, обуви, лошади и др. Между прочимъ, въ § 7 говорится: „О всемъ, что заблагоразсудятъ старѣйшины въ этомъ новомъ Израилѣ, долженъ возвѣщать пророкъ Іоаннъ Лейденскій, какъ вѣрный слуга всесвятѣйшаго и священнаго городскаго совѣта, Христовой общины и всего собранія Израиля". *Hast*, 353—355.

нія Іоанна Лейденскаго, стоявшаго за многоженство. Въ минуты такого напряженнаго и возбужденнаго состоянія духа, въ какомъ находились мюнстерцы, стремленіе къ многоженству, къ чувственнымъ наслажденіямъ, къ забвенію всего окружающаго въ объятіяхъ женщинъ было очень понятно. Прибавьте къ этому, что переселеніе въ Мюнстеръ иноземцевъ дало особенный перевѣсъ численности женщинъ надъ численностью мужчинъ, и эти «лишнія» женщины радостно откликнулись на проповѣдь пророка. Пророкъ основывалъ свое ученіе, во-первыхъ, «на откровеніи» Божіемъ, къ которому прибѣгалъ онъ и ему подобные въ затруднительныхъ случаяхъ, а во-вторыхъ, на сказаніяхъ *Библіи* объ Авраамѣ, Іаковѣ, Давидѣ и Соломонѣ, имѣвшихъ по нѣсколько женъ. Онъ первый подалъ примѣръ другимъ и тотчасъ-же женился на беременной вдовѣ Матисена, Диварѣ, уже будучи женатъ на служанкѣ Книппердолинка [182]). Не обошлось безъ протеста со стороны женъ; нѣкоторыхъ заключили за это въ тюрьмы, какъ жену Книппердолинка, другихъ даже казнили; были и такія, которыя сами наложили на себя руки. Шагъ, сдѣланный Іоанномъ, былъ рискованнымъ шагомъ: до этой минуты народъ видѣлъ въ немъ строгаго по жиз-

[182]) *Hase*, 81. *Келлеръ* говоритъ: „на дочери Книппердолинка“ (Keller. 138). *Резе* говоритъ, что „Іоаннъ женился, вѣроятно, въ это время на дочери Книппердолинка, живя съ его служанкой“.

ни пророка; въ минуты возбужденія пророкъ то являлся на улицахъ въ темную ночь съ призывами къ покаянію, то вдругъ дѣлался нѣмымъ «по волѣ Господа» и, получивъ способность говорить, передавалъ народу волю Божію [183]). Теперь многіе жители Мюнстера въ проповѣди многоженства увидѣли проповѣдь простаго разврата, и начался ропотъ. Послѣ того, какъ одинъ гражданинъ, порицавшій во всеуслышаніе этотъ законъ, былъ преданъ смертной казни, недовольные собрались около кузнеца Молленгека и совѣщались о томъ, чтобъ захватить преступнаго пророка и его народныхъ учителей, предать ихъ епископу, возстановить старое управленіе и вернуть изгнанниковъ. Заговорщикамъ удалось въ количествѣ 200 человѣкъ во время ночнаго нападенія 30 іюля захватить пророка и всѣхъ его проповѣдниковъ вмѣстѣ съ Книппердолинкомъ и посадить ихъ въ тюрьму; но сами заговорщики чувствовали себя слишкомъ слабыми въ сравненіи съ новаторами для окончательнаго исполненія своего намѣренія. Послѣдователи пророка при помощи женщинъ освободили плѣнныхъ. Заговорщики, спасаясь въ ратушѣ, бросали изъ оконъ свои шляпы, когда противъ нихъ были направлены пушки, просили пощады и предавались въ руки враговъ, не давая себѣ отчета подъ впечатлѣніемъ перваго страха, какой участи они подвергнутся. Двадцать пять заговорщиковъ бы-

[183]) *Hast*, 350.

ли привязаны къ деревьямъ и на слѣдующій день разстрѣляны, а шестьдесятъ шесть человѣкъ, «чтобы не тратить пороха», на третій день были обезглавлены. «Кто сдѣлаетъ первый выстрѣлъ,—взывалъ Бокель, по словамъ Дорпа,—тотъ этимъ окажетъ услугу Богу». Обезглавливаніе совершилъ Книппердолинкъ съ величайшимъ удовольствіемъ, причемъ по временамъ не скупился на пророчества для возбужденія духа. Большая часть плѣнныхъ не обошлась безъ ударовъ и ругательствъ. Самъ Іоаннъ Лейденскій казнилъ нѣкоторыхъ, «чтобы набить руку».

Напряженное состояніе чрезмѣрно строгаго и суроваго воздержанія сразу разрѣшилось теперь въ излишествахъ сладострастія. Люди брали по четыре, по шести женъ, не довольствовались взрослыми женщинами и сходились съ четырнадцати и двѣнадцатилѣтними дѣвочками. Эти несчастныя, не достигнувшія половой зрѣлости, умирали или болѣли. Начинались тяжелыя времена для города. Тѣмъ не менѣе, городъ еще мужественно защищался. Въ непріятельскій лагерь посылались летучіе листки, имѣвшіе цѣлью поселить смуту въ враждебныхъ войскахъ и достигавшіе нерѣдко цѣли. Почти всѣ ландскнехты хотѣли бѣжать въ Мюнстеръ и только казни привели ихъ въ ненадежное повиновеніе. Первый приступъ враговъ 26 мая былъ блистательно отбитъ. Жизнь епископа едва не подверглась опасности. Нѣкто Гилла Фейкенъ рѣшилась явиться второю

Юдифью. Ее благословили на подвигъ Іоаннъ и Книппердолинкъ, но перебѣжчики предупредили епископа и бѣдную Фейкенъ казнили. Второй приступъ былъ назначенъ на 31 августа. Іоаннъ Лейденскій предвидѣлъ близость штурма, заставилъ всѣхъ молиться и поститься и, въ то же время, сдѣлалъ всѣ приготовленія къ отпору. Осаждающихъ допустили къ самымъ валамъ и потомъ поразили внезапною пальбой; женщины обливали ихъ кипящею известью и горящею смолой; мальчики посылали въ нихъ мѣткія стрѣлы. На рынкѣ были разставлены люди, чтобы тушить горящія мѣста. Самъ пророкъ разъѣзжалъ всюду, возстановляя порядокъ и ободряя людей. Приступъ возобновлялся нѣсколько разъ въ этотъ день и, наконецъ, послѣдовало отступленіе съ страшною потерей со стороны осаждавшихъ. «Любезные братья,—говорилъ Іоаннъ, обращаясь къ своему торжествующему народу, — нашъ Господь могущественъ и Онъ помогъ намъ. Нашей силѣ не сдѣлали ничего. Будемъ-же веселы и возблагодаримъ Отца!» Всѣ опустились на колѣна и запѣли:

„Не будь съ нами въ это время Господь,
Пришлось-бы въ отчаяньи пасть намъ“ [184]).

---

[184]) *Hase*, 87, 88.

XI.

На рыночной площади Мюнстера толпился народъ. Его призвалъ сюда новый пророкъ Іоаннъ Дузентшуръ, хромоногій золотыхъ дѣлъ мастеръ изъ Варендорфа. Онъ объявилъ, что «Іоаннъ Лейденскій, святый мужъ и пророкъ Божій, долженъ быть царемъ всей вселенной, надъ всѣми императорами, королями, князьями, господами и властелинами. Одинъ онъ долженъ господствовать надъ всѣми и никто надъ нимъ. Онъ долженъ царствовать и возсѣсть на престолъ Давида, отца своего, пока Богъ Отецъ не потребуетъ отъ него царства». Потомъ Дузентшуръ потребовалъ мечъ отъ присутствовавшихъ здѣсь двѣнадцати старѣйшинъ и передалъ его новому королю со словами: «Пріими мечъ правосудія и вмѣстѣ съ нимъ всякую власть, но употребляй его такъ, чтобы ты могъ дать отчетъ Христу, когда Онъ явится на судъ». Помазавъ короля, онъ сказалъ: «Я помазую тебя въ короля новаго храма и народа Божія и въ присутствіи народа называю тебя королемъ новаго Сіона». При этихъ словахъ Іоаннъ Лейденскій поклонился до земли и, подобно Соломону, слезно просилъ у Бога разума и мудрости. Потомъ онъ громко произнесъ, что еще задолго до этого небесный Отецъ открылъ ему о такомъ его возвышеніи, но онъ умалчивалъ во избѣжаніе того, чтобы не навлечь на себя не-

подобающихъ подозрѣній въ стремленіи къ присвоенію излишняго.

Идея учредить королевство не была новостью среди перекрещенцевъ. Объ этомъ мечтали и Гофманъ, и Веберъ изъ Аугсбурга, и многіе другіе. Объ этомъ мечтали многіе и въ Мюнстерѣ, но, конечно, только Іоаннъ Лейденскій, очень высоко стоявшій въ мнѣніи народа, могъ рискнуть на этотъ шагъ. Народъ остался доволенъ его избраніемъ, и если кое-гдѣ не тотчасъ освободились отъ сомнѣній и изумленія, то сомнѣвающихся должны были успокоить общественныя проповѣди, въ которыхъ предсказанія пророковъ объ ожидаемомъ счастливомъ времени подъ управленіемъ счастливаго короля были отнесены къ новому царству и новому королю Мюнстера. Нечего и говорить о томъ, что все это было подготовлено Іоанномъ Лейденскимъ заранѣе и Дузентшуръ явился только орудіемъ честолюбиваго мечтателя.

Новопоставленный король покинулъ свое помѣщеніе у Книппердолинка и занялъ курію выбывшаго каноника на соборной площади, приказавъ убрать домъ по княжески. Двѣнадцать старѣйшинъ должны были теперь оставить свои прежнія мѣста и получили новыя должности при новоустроенномъ дворѣ. Своимъ намѣстникомъ король поставилъ своего бывшаго хозяина Книппердолинка, проповѣдникомъ Ротмана, гофмаршаломъ Тильбека, канцлеромъ Гейнриха Крехтинга, тайными совѣтниками бывшаго пастора въ

Гильдсгаузѣ, Бернарда Крехтинга, голландца Гергардатомъ Клостеръ, скорняка Редекеръ и торговца Рейнинкъ. Предсѣдателемъ ихъ былъ патрицій Керкеринкъ. Кромѣ того, было учреждено много другихъ должностей и другихъ служебныхъ высшихъ и низшихъ мѣстъ, напримѣръ, оберъ-кухмистеръ, виночерпій, сервировщикъ стола, камердинеръ и камеръ-лакей, придворный пекарь, портной, шорникъ и проч. Герлахъ фонъ-Вюлленъ и Ламбертъ изъ Лютиха, оба дворяне, были сдѣланы главнокомандующими. Самъ монархъ надѣлъ на себя королевскія одежды и королевскія украшенія. Были приготовлены двѣ золотыя, унизанныя алмазами, короны, драгоцѣнная цѣпь, къ которой былъ прикрѣпленъ пронзенный двумя мечами земной шаръ съ надписью: «Одинъ надъ всѣми король правосудія». Съ груди и плечъ спускались золотыя цѣпи на платье; мечъ былъ въ золотыхъ ножнахъ; въ правой рукѣ король держалъ великолѣпный царскій скипетръ; на его пальцахъ нанизаны были золотыя кольца, на одномъ изъ которыхъ съ печатью была надпись: «Король въ новомъ храмѣ приводитъ тебѣ примѣръ» (de König in den nyen Tempel förret dit vor ein Exempel). Великолѣпны были сѣдло и поводья его лошадей, шпоры его были золотыя. Придворные чины, по различію ихъ должностей, носили различныя одежды; 28 королевскихъ тѣлохранителей носили красныя и свѣтло-голубыя куртки, на одномъ рукавѣ коихъ находился ко-

ролевскій гербъ—земной шаръ, пронзенный двумя мечами. Матеріаломъ для одеждъ служили преимущественно взятыя изъ церквей и монастырей одежды и украшенія. Король не удовольствовался этимъ штатомъ, но завелъ гаремъ, для котораго онъ избралъ пятнадцать или, по другимъ источникамъ, семнадцать красивѣйшихъ дѣвушекъ города; высшее мѣсто, въ качествѣ королевы, заняла юная Дивара, вдова убитаго непріятелями пророка Матисена. Она имѣла свой особый придворный штатъ. Прежнее жилище канониковъ было отдано подъ помѣщеніе для королевскихъ женъ; посредствомъ прохода оно было соединено съ королевскимъ дворцомъ. Въ этомъ восточномъ великолѣпіи сказалась вся своеобразная и страстная художественная натура этого юноши. Сколько разъ мечталъ, быть можетъ, онъ въ прежніе годы объ этомъ великолѣпіи, создавая свои пьесы и играя въ нихъ роли королей? На это великолѣпіе насмотрѣлся онъ въ своихъ странствованіяхъ въ Лондонъ, въ Лиссабонъ, объ этомъ великолѣпіи онъ читалъ въ *Ветхомъ Завѣтѣ*. Воображеніе художника дополняло эти картины, создавало новыя и новыя, еще болѣе блестящія, чѣмъ видѣнныя или прочитанныя имъ. Вы, можетъ быть, помните, какъ Константинъ Аксаковъ объяснялъ многіе поступки Ивана Грознаго художественностью его натуры? Не примѣнимо-ли и здѣсь въ еще большей степени это объясненіе?

Экзальтированный, мистически настроенный

Іоаннъ Лейденскій даже не могъ задуматься надъ тѣмъ, что онъ грѣшитъ. Онъ находилъ себѣ оправданіе въ жизни Давида и Соломона. Вѣдь, и они утопали среди восточной роскоши, вѣдь, и про нихъ говорится, что они окружали себя женщинами. Они рисуются, какъ избранники Божіи. Почему-же онъ не можетъ послѣдовать примѣру этихъ великихъ царей, оставившихъ по себѣ память въ исторіи? Ему едва-ли когда-нибудь приходило даже въ голову сомнѣніе въ правильности своихъ дѣйствій. Потомъ объ его дѣятельности говорили съ ужасомъ и называли его: гнуснымъ лжецомъ, грязнымъ развратникомъ, кровожаднымъ злодѣемъ. Это только эпитеты, но не объясненіе натуры, и объяснять дѣло такимъ образомъ уже слишкомъ легко. Дѣятельность Іоанна Лейденскаго часто была страшна, но въ ней была извѣстная логика, та же ужасающая логика, какъ и въ дѣятельности его двухъ грозныхъ современниковъ—Генриха VIII и Ивана IV, съ которыми въ его характерѣ, въ его вкусахъ, въ его поступкахъ было такое множество точекъ соприкосновенія, точно онъ былъ не лейденскій кабатчикъ, а родной братъ этихъ двухъ коронованныхъ сластолюбцевъ и мучителей. Такъ, какъ онъ, могла дѣйствовать только подобная натура, натура художественная, воспитанная среди многолѣтнихъ путешествій, среди страстнаго чтенія извѣстныхъ эпизодовъ *Ветхаго Завѣта*, проникнутая экзальтаціей и представленіемъ себя въ

роли ветхозавѣтнаго пророка и ветхозавѣтнаго царя. Каждый шагъ этого человѣка былъ исполненіемъ какой-нибудь роли, и непремѣнно роли съ поражающею сценическою обстановкой. Артистъ, въ сущности, никогда не былъ лжецомъ или притворщикомъ; онъ настолько входилъ въ свою роль, что вполнѣ вѣрилъ самъ въ то, что онъ разыгрывалъ, и заставлялъ въ это вѣрить другихъ. Отсюда вытекаютъ извѣстное неотразимое обаяніе, окружавшее его, стремленіе найти ему оправданіе, попытки реабилитировать его. Во всякомъ случаѣ это былъ не дюжинный человѣкъ; это была своеобразная личность. Трагикомедія его царствованія не продлилась-бы и нѣсколькихъ дней, еслибы новый король былъ простымъ мечтателемъ, а не былъ-бы, въ то же время, умнымъ и энергичнымъ человѣкомъ. «Онъ, — говоритъ Келлеръ, — зналъ средства, которыя могли помочь ему удержать за собой опасный постъ. Съ мудрымъ расчетомъ онъ втянулъ въ свои интересы всѣхъ вліятельныхъ людей города. Среди его придворныхъ совѣтниковъ были всѣ его прежніе сотоварищи по управленію, а среди его вооруженной стражи, напротивъ того, мы видимъ иноземную чернь, обязанную всѣмъ одному ему, и она во имя своихъ интересовъ охраняла короля, какъ самою себя [185]). Не безъ расчета онъ завелъ и блестящую конницу: народъ, видя короля, ежедневно обучаю-

[185]) *Keller*, 219.

щаго своихъ всадниковъ, твердо вѣрилъ въ силу этого короля, а король очень хорошо сознавалъ, что эта конница нужна ему не столько для отпора внѣшнимъ врагамъ, сколько для подавленія внутреннихъ мятежей. Несмотря на свою восточно-сластолюбивую жизнь, король не забывалъ и о дѣлахъ правленія, дѣлая и изъ него «обстановочную» пьесу, уличное зрѣлище. На рыночной площади, противъ вѣсовъ, былъ устроенъ великолѣпный, съ тремя ступеньками, тронъ. Трижды въ недѣлю публично засѣдалъ здѣсь на судѣ король. Тогда на тронъ надѣвались золотые и пурпуровые покровы и клались шелковыя подушки. Король торжественно, въ сопровожденіи придворныхъ, являлся на судъ. Впереди него играли въ рожки и флейты, затѣмъ слѣдовали два главнокомандующихъ: Герлахъ фонъ-Вюлленъ и Ламбертъ изъ Лютиха, скорнякъ Іоганъ Курзенеръ, ритмейстеръ и начальникъ всадниковъ, и Конрадъ Крузе, полковникъ пѣхоты; они отличались между собою султанами. За ними слѣдовали тайные совѣтники, идя попарно въ пурпуровомъ одѣяніи и съ золотыми цѣпями, затѣмъ маршалъ Тильбекъ съ бѣлою палкой въ рукѣ; за нимъ слѣдовали двѣнадцать красивыхъ и элегантно одѣтыхъ мальчиковъ, и одинъ изъ нихъ—на правой сторонѣ—держалъ *Библію*, другой—на лѣвой сторонѣ—несъ обнаженный мечъ, какъ символы духовной и свѣтской власти. За ними слѣдовалъ король на добромъ копѣ, въ цар-

скомъ нарядѣ и золотой коронѣ. Непосредственно за королемъ слѣдовали его намѣстникъ Книппердолинкъ, и проповѣдникъ Ротманъ; за ними слѣдовали Христіанъ Керкеринкъ, предсѣдатель тайнаго совѣта, и Гейнрихъ Крехтингъ, канцлеръ, затѣмъ меченосецъ Ниландъ со своими помощниками. Въ концѣ процессіи находились остальные чины и вельможи; 28 тѣлохранителей находились по сторонамъ и расталкивали стекавшійся народъ. Достигнувъ площади, король отдавалъ свою лошадь скороходу и садился на королевскій тронъ. Затѣмъ онъ преклонялъ свой скипетръ, послѣ чего ему докладывались гражданскія дѣла новаго Сіона. Всякій, имѣвшій о чемъ-либо заявить, долженъ былъ дважды поклониться и пасть на землю, послѣ чего онъ могъ говорить. Большею частью дѣла касались брачной жизни и всѣхъ ея неурядицъ. Король изрѣкалъ свои рѣшенія, иногда смертные приговоры... Иногда король для слушанія проповѣди являлся на площадь въ сопровожденіи всего народа. Въ этомъ случаѣ и королева пріѣзжала на своей смирной лошади, которую велъ скороходъ; впереди нея ѣхали ея гофмейстеръ Генрихъ Роде и нѣсколько другихъ придворныхъ; за ней слѣдовали приближенныя жещины и четыре тѣлохранителя. Въ одномъ изъ ближайшихъ домовъ, противъ трона короля, занимала мѣсто королева со своею свитой и тамъ слушала проповѣдь, которая произносилась съ

устроенной близь трона каѳедры. Если проповѣдь произносилась пополудни, то она заканчивалась веселою пляской, которую открывалъ король. Въ этомъ случаѣ участникомъ могъ быть всякій, у кого являлась охота плясать [186]). Вообще, танцы теперь были ежедневно; тотчасъ послѣ обѣда они начинались въ покояхъ короля подъ звуки музыки. Нисколько не удивительно, что сладострастный и жадно осушавшій чашу юноша, жившій точно въ волшебномъ снѣ, вводилъ у себя эти развлеченія. Но было странно слушать проповѣди несчастнаго Ротмана, еще недавняго защитника и проповѣдника суроваго перекрещенскаго воздержанія. Въ этихъ проповѣдяхъ теперь говорилось, что Богъ далъ всему свободу, что всякія пляски, прыганья и другія увеселенія, если въ нихъ нѣтъ злаго умысла, пріятны Богу, что все, чѣмъ наслаждаются безбожные, доступно и праведнымъ, только первые тѣшатъ дьявола, а послѣдніе Бога [187]). Нравственное паденіе «дипломата» шло все ниже и ниже: теперь въ рѣчахъ были уже не «страстныя убѣжденія», не «парадоксы» даже, а просто выдумки и ложь, приноровленныя къ требованіямъ господствующей партіи. Онъ сознавалъ, что его дѣло проиграно, что въ Мюнстерѣ дѣла идутъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, Ротманъ велъ дѣятельную агитацію, стараясь распространить за предѣлами Мюнстера господствовавшія въ но-

[186]) *Hast*, 363 и 364.—[187]) *Hase*, 97 и 98.

вомъ царствѣ идеи. Онъ издавалъ брошюры и книги. Интересно указать на нѣкоторыя стороны этихъ произведеній. Въ книгѣ *Возстановленіе правой и здоровой вѣры*, изданной въ началѣ октября 1534 года, между прочимъ, оспариваются положенія объ оправданіи одною вѣрой и о несвободной волѣ, утверждаются идеи объ уничтоженіи безбожныхъ, о поднятіи меча, объ общности имуществъ. Въ концѣ-же книги описывается положеніе дѣлъ въ городѣ: «здѣсь люди отреклись отъ эксплуатаціи ближнихъ; здѣсь никто не жирѣетъ, отъ чужаго пота; здѣсь нѣтъ ни ростовщиковъ, ни притѣснителей; здѣсь все имущество стало общимъ». «И такъ, мы скорѣе примемъ смерть, чѣмъ вернемся къ старому,—говоритъ авторъ.—Мы знаемъ, что эта жертва угодна Богу. И никакой христіанинъ не можетъ быть угоднымъ Богу, если онъ не стоитъ въ подобномъ положеніи общности или, по крайней мѣрѣ, не стремится къ этому отъ всего сердца [188])». Въ декабрѣ 1534 года появилась *Книжка о мести*. Это трактатъ о томъ, что царство Божіе приближается и что надо употреблять всѣ средства для отмщенія безбожныхъ [189]). Въ февралѣ 1535 года вышла книга *О сокровеніи писанія царства Христова и о днѣ Господнемъ*, гдѣ священное писаніе сравнивается съ ящикомъ, въ которомъ скрыто сокровище познанія Христа. Опять здѣсь говорится, что царство Божіе не въ мнѣніяхъ,

[188]) *Keller*, 149 и 151.—[189]) Ibid., 152.

словахъ и доброжеланіяхъ, а въ добродѣтеляхъ и подражаніи Христу [190]). Въ этихъ сочиненіяхъ вы найдете только чистое одушевленіе во имя извѣстныхъ гуманныхъ идей, все то, что было лучшаго и прогрессивнаго въ перекрещенствѣ...

До враговъ доходили самые странные слухи о господствующемъ въ Мюнстерѣ образѣ жизни, и они хотѣли узнать хотя что-нибудь вѣрное о ней отъ очевидца. Для этой цѣли былъ избранъ Фабрицій, какъ человѣкъ, еще имѣвшій связи въ городѣ. Враги предложили черезъ него: король долженъ отказаться отъ своего званія; должно прекратить многоженство; должно вернуть изгнанниковъ. Іоаннъ Лейденскій отвѣчалъ съ достоинствомъ: королемъ его избралъ самъ Богъ; многоженство отмѣняетъ, если въ писаніи найдется лучшая форма жизни; изгнанниковъ примутъ, если они перейдутъ въ перекрещенство. Фабрицій былъ окруженъ почетною стражей и этимъ ему очень ловко помѣшали снестись съ его старыми знакомыми въ городѣ и увидать здѣсь хотя что-нибудь. А, между тѣмъ, любопытнаго было не мало [191]). Всматриваясь въ мелочи жизни Мюнстера, мы видимъ извѣстный строгій порядокъ. Дузентшуръ, хромоногій пророкъ, опредѣлилъ, сколько кто долженъ имѣть того или другаго платья. Согласно съ этимъ дьяконы разъѣзжали по городу съ повозкой и спрашивали: «Кто имѣетъ болѣе, отдай лишнее; кто имѣетъ менѣе,

[190]) *Hase*, 101 и 102.—[191]) Ibid., 98.

заяви, что ему надо. Такъ шелъ пріемъ, такъ шла раздача вещей [192]). Въ сношеніяхъ между собою всѣ назывались братьями и сестрами,— такъ называлъ всѣхъ король. Желавшіе пожениться, должны были молиться три дня, испрашивая воли Божіей, чтобы они плодились и множились во имя Его. Заявленія согласія на бракъ и подача другъ другу рукъ при двухъ свидѣтеляхъ были достаточны для брака. Каждый долженъ быть женатымъ, такъ какъ бракъ есть божескос учрежденіе. Престарѣлыя вдовы избирали себѣ защитника [193]). Мальчики и дѣвочки обучались въ шести школахъ чтенію, письму, закону Божію и пѣнію псалмовъ, которыми начинались и кончались классныя занятія. Разъ въ недѣлю учащіеся попарно отправлялись въ соборъ и тамъ имъ читали проповѣдь. Обыкновенно для народа проповѣди говорились на улицѣ и народъ даже въ холодъ и снѣгъ выстаивалъ на площади, говоря, что эта ничтожная жертва для Бога [194]). Прибавьте ко всему сказанному, что осада выносилась съ изумительною стойкостью, что вѣра въ близость спасенія одушевляла людей, что въ городѣ покуда не было перебѣжчиковъ и предателей, и вы поймете, какъ преувеличены были разсказы послѣдующихъ писателей объ ужасахъ, творившихся въ Мюнстерѣ въ эту эпоху. Извѣстная распущенность нравовъ при тогдашней нравственности вообще и при вве-

[192]) Ibid., 111.—[193]) Ibid., 110.—[194]) Ibid., 112.

денномъ въ Мюнстерѣ многоженствѣ въ особенности, должна была существовать неизбѣжно; сама религіозная экзальтація, доводившая до конвульсій, галлюцинацій и пророческихъ видѣній, способствовала тоже извѣстнымъ излишествамъ, какъ это бывало и во времена бичующихся, крестоносцевъ и т. п. Мы знаемъ, какъ кончаются у насъ разныя радѣнія хлыстовъ и голубчиковъ, ведущихъ внѣ этихъ моментовъ иногда очень строгую жизнь. Эти же явленія были и среди мюнстерскихъ перекрещенцевъ, горѣвшихъ страстнымъ желаніемъ «плодиться и множиться», видѣвшихъ въ *Библіи* прямое «приказаніе» стремиться къ этому. Тѣмъ не менѣе, преувеличенія всякихъ нравственныхъ безобразій въ Мюнстерѣ со стороны враждебныхъ писателей несомнѣнны. Деморализація и предательства явились, но явились потому, что и святые не вынесли бы, не погибнувъ, многомѣсячной осады, кончившейся страшными сценами голода, при сознаніи, что, кромѣ этого клочка земли, у осажденныхъ нѣтъ ни пристанища, ни защиты во всемъ мірѣ.

XII.

Изъ всѣхъ личностей, игравшихъ видную роль въ перекрещенствѣ, Книппердолинкъ является самою непонятной. Описывая ту или другую лич-

ность изъ перекрещенцевъ, всегда можно даже по немногимъ уцѣлѣвшимъ о ней свѣдѣніямъ сказать, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ и психическихъ процессовъ она дѣйствовала. Говоря о Книппердолинкѣ, этого никогда нельзя сказать, если не желаешь отдѣлываться голословными эпитетами: «шутникъ», «сорви-голова», «сумасшедшій сумасбродъ» и т. п. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что этотъ человѣкъ не вѣрилъ ни во что, относился ко всему съ легкомысленнымъ юморомъ, иногда выкидывалъ полусумасшедшія штуки, представляясь одержимымъ «духомъ». Едва-ли когда-нибудь Книппердолинкъ особенно сильно заботился о религіи. Онъ болѣе думалъ о политикѣ. Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время онъ высказывалъ взгляды на религію, которые нужно признать послѣднею степенью перекрещенскихъ отрицаній. Онъ говорилъ, что люди будутъ жить по волѣ Отца только тогда, когда они отбросятъ *Ветхій* и *Новый Завѣты* и будутъ руководствоваться только своимъ «духомъ». Въ сущности, это было полное отрицаніе религіи. Іоаннъ Лейденскій, какъ онъ говорилъ послѣ, сильно оспаривалъ это мнѣніе Книппердолинка. Впрочемъ, Книппердолинкъ высказывался и въ данномъ случаѣ, какъ всегда, въ шутливой формѣ. Болѣе серьезно задумывался онъ о власти Іоанна Лейденскаго, при избраніи котораго въ короли онъ хранилъ гробовое молчаніе. Именно на его долю выпала роль перваго серьезнаго бунтовщика въ

этомъ царствѣ. Были и до него многіе недовольные, но съ ними кончали короткою расправой. Такъ покончить съ нимъ было-бы невозможно. Книппердолинкъ очутился послѣ восшествія на престолъ Іоанна въ положеніи Ротмана: оба они немогли пророку овладѣть властью, оба остались на второмъ планѣ. Честолюбецъ по натурѣ, Книппердолинкъ не могъ не затаить въ себѣ враждебнаго чувства къ королю. И дѣйствительно, мы видимъ, что онъ проявляетъ желаніе свергнуть короля. На нѣкоторое время онъ удалился отъ общественныхъ дѣлъ и заперся дома. Люди стали толковать, что на него сошелъ духъ и онъ получилъ откровенія. Появившись послѣ нѣкотораго времени въ городѣ, онъ пошелъ къ воротамъ, гдѣ былъ лагерь солдатъ, созвалъ послѣднихъ и объявилъ имъ, что Господь удостоилъ его откровеній, которыя принесутъ народу великую радость. Что это были за откровенія—неизвѣстно, но извѣстно, что народъ благодарилъ Бога и пѣлъ [195]). Въ другой разъ, 12 ноября, Книппердолинкъ впалъ въ священное безуміе, бѣгалъ по городу, крича: «покайтесь, обратитесь и будьте благочестивы!» Казалось, онъ хотѣлъ этимъ выразить то, что при существующемъ королѣ люди еще не достигли истиннаго благочестія. Въ народѣ разнесся слухъ, что будетъ чудо. Всѣ бѣжали на рыночную площадь. Здѣсь Книппердолинкъ упалъ на землю, быстро поднялся и закричалъ окружавшей его

[195]) *Keller*, 221.

толпѣ: «Тебя освятилъ небесный Отецъ; пріими Духа Святаго». Затѣмъ онъ помазалъ слюною глаза одного слѣпца и сказалъ: «Возьми опять зрѣніе твое». Сверхъ того, онъ сказалъ, что въ тотъ же день онъ умретъ и вскорѣ опять воскреснетъ. Танцуя, прыгая, становясь на голову, онъ подступилъ къ королевскому трону и воскликнулъ: «Я танцовалъ съ дѣвами, а теперь мой небесный Отецъ хочетъ, чтобъ я исполнилъ эти танцы предъ глазами моего короля». Казалось, онъ сказалъ это презрительно по отношенію къ королю. Послѣдній, замѣтивъ уловку Книппердолинка, оставилъ тронъ: «Любезные сестры и братья, восхвалимъ Господа и разойдемся по домамъ»,— сказалъ Іоаннъ, прекращая эту сцену. Книппердолинкъ, однако, не унялся и воскликнулъ: «Господинъ король, ты говоришь неправильно: *такъ я тебя не училъ*; ты долженъ назвать сперва братьевъ, потомъ сестеръ». На слѣдующій день Книппердолинкъ садится на тронъ и взываетъ: «Меня побуждаетъ духъ: Іоаннъ Лейденскій—король по плоти, я же хочу быть духовнымъ королемъ... *Библія*, *Ветхій* и *Новый Завѣты* должны быть отвергнуты; человѣкъ долженъ жить не по свѣтскимъ законамъ, но только по предписанію природы и духа». Городъ былъ на шагъ отъ новой революціи, и нужно было имѣть мужество и находчивость Іоанна Лейденскаго, чтобы разомъ пресѣчь волненіе. Король низвергъ Книппердолинка и приказалъ своимъ тѣлохранителямъ по-

садить его въ тюрьму. Не даромъ онъ окружилъ себя вѣрною стражей. Въ продолженіе трехъ дней находился Книппердолинкъ въ тюрьмѣ, связанный и въ оковахъ, и признался, что его обманулъ злой духъ; въ прошедшую ночь онъ узналъ, по внушенію небеснаго Отца, какъ высоко надо чтить короля, и онъ болѣе не сомнѣвается, что тотъ есть повелитель всего міра. Интересно письмо Іоанна къ Книппердолинку: «Я увѣщеваю тебя вспомнить прежнюю любовь,—пишетъ Іоаннъ.— Не удаляйся отъ меня. Я не забылъ оказанныя мнѣ тобой и твоею женой благодѣянія, хотя я наказалъ въ тебѣ злое. Останься твердымъ въ вѣрѣ спасенія». Отъ этихъ строкъ вѣетъ теплотой. Вообще Іоаннъ Лейденскій велъ себя съ достоинствомъ въ отношеніи Книппердолинка, несмотря на всѣ выходки послѣдняго. Однажды послѣдній въ припадкѣ непстовства, потребовалъ, чтобы король отрубилъ ему голову, такъ какъ онъ чрезъ три дня воскреснетъ,—король отстранилъ его и не воспользовался возможностью такъ легко отдѣлаться отъ опаснаго соперника [196]). Теперь король освободилъ его [197]).

Пророкъ Дузентшуръ возгласилъ, что настало время, когда исполнилось писаніе, и Богъ захотѣлъ послать въ міръ апостоловъ своего слова. По предложенію пророка, предварительно была созвана на общій обѣдъ на горѣ Сіонѣ, — такъ назывался соборный дворъ,—христіанская общи-

[196]) *Hase*, 113 и 114.—[197]) *Hast*, 367; *Keller*, 222.

на, состоявшая изъ 1,600 способныхъ къ оружію мужей, 400 старцевъ и дѣтей и почти 5,000 женщинъ, не считая стражи. По окончаніи трапезы, король взялъ прѣсныя печенья и раздавалъ каждому сословію: «Пріимите и ядите, и возвѣщайте смерть Господню». А королева держала чашу съ виномъ, приглашала всѣхъ и говорила: «Пейте изъ нея всѣ и возвѣщайте смерть Господню». Затѣмъ король поставилъ всѣхъ въ кругъ и спросилъ, хотятъ-ли они повиноваться слову Божію. Толпа закричала: «Не только повиноваться, но, въ случаѣ надобности, пожертвовать жизнію». Трапеза была примирительною вечерью: такъ хотѣлъ король [198]). Послѣ этого событія, завершившаго мрачное облако внутренней распри, Іоаннъ Лейденскій сдѣлалъ новый рѣшительный шагъ: онъ видѣлъ, что въ Мюнстерѣ истощаются съѣстные припасы, что населеніе среди бездѣйствія осады сидитъ праздно и начинаетъ томиться и тяготиться невыносимымъ положеніемъ. Чтобы перемѣнить положеніе дѣлъ, нужно было пріобрѣсти союзниковъ и отвлечь силы непріятеля отъ города. По волѣ короля, передъ собраніемъ народа началъ говорить пророкъ Дузентшуръ: «Небесный Отецъ открылъ мнѣ 27 апостоловъ, которые, охраняемые сенью Его крылъ, должны распространить наше ученіе по четыремъ странамъ свѣта, такъ что у нихъ не упадетъ даже ни одинъ волосъ подъ такою охраной. Если-

[198]) Ibid., 368.

же гдѣ власть не захочетъ принять Евангеліе, тамъ они должны оставить золотой гульденъ отрясти прахъ отъ ногъ своихъ и идти далѣе». Затѣмъ онъ перечислилъ поименно апостоловъ и закончилъ: «Идите въ міръ и возвѣщайте слово Божіе». Еще во время ночи они были выпущены изъ четырехъ воротъ. Во главѣ восьми, шедшихъ въ Заэстъ, стоялъ самъ пророкъ Дузентшуръ. Въ Оснабрюкъ пошли шесть, между ними бывшій пасторъ въ Местрихѣ, Діонисій Винненъ. Въ Цесфельдъ отправились Фризій съ пятью другими, между которыми находился бывшій при новой церкви Варендорфа пасторъ Регевартъ. Въ послѣдній городъ пошли Клопрейсъ и Штралленъ съ четырьмя другими. Это посольство апостоловъ было соломенкой, за которую хватается утопающій. Оно не могло принести пользы въ это время всеобщаго возбужденія противъ перекрещенцевъ. Силы борящихся были слишкомъ неравны. Благополучно достигнувъ мѣстъ своего назначенія, апостолы тотчасъ начали возглашать по улицамъ о покаяніи. Посланные въ Варенсдорфъ пришли къ члену ратуши Эрно, и пожелали мира всему его дому. Черезъ него они задобрили совѣтъ и подъ его защитой распространяли свое ученіе. Напрасно писалъ епископъ: они надмѣнно говорили о союзѣ съ Мюнстеромъ. Тогда епископъ двинулся впередъ и городъ сдался 21 ноября. Перекрещенные граждане были отправлены подъ арестъ въ Засендбергъ, трое изъ нихъ

казнены, прочіе поплатились тяжелымъ штрафомъ или продолжительнымъ арестомъ. Изъ апостоловъ Штралленъ умеръ въ тюрьмѣ, Клопрейсъ былъ сожженъ въ Кельнѣ, будучи препровожденъ къ кельнскому курфюрсту, какъ своему господину; остальные казнены въ Варендорфѣ. Самый Варендорфъ потерялъ права и привиллегіи. Посланные въ Зоэстъ казнены тамъ 23 октября. Посланные въ Оснабрюкъ также были схвачены: связанные, они были отправлены въ Ибургъ, гдѣ находился епископъ. Гейнрихъ Гресъ, бывшій учитель въ Боркенѣ, увидя епископа, воскликнулъ: «Неужели начальникъ не имѣетъ власти отпустить связаннаго?»—и получилъ прощеніе за то, что выдалъ всѣхъ своихъ. Этой гнусной личности пришлось сыграть крупную роль. Его спутники потерпѣли смертную казнь. Посланные въ Цесфельдъ были казнены: четверо около города, пятый—въ Горстмарѣ, шестой — въ Боркенѣ, седьмой—въ Бохольдѣ, восьмой—въ Вреденѣ, для того, чтобы въ различныхъ мѣстахъ показать примѣры строгаго правосудія. Послѣ гибели всѣхъ апостоловъ, ночью у стѣнъ Мюнстера появился Гресъ, въ оковахъ на рукахъ... Его узнали и доставили въ городъ. Здѣсь онъ разсказалъ о смерти своихъ собратій и о томъ, какъ ангелъ Господень спасъ его, какъ апостола Петра, изъ тюрьмы Ибурга. Ему повѣрили, его сочли за великаго пророка. Король, несмотря на подозрѣнія нѣкоторыхъ изъ придворныхъ, послалъ его въ

Везель, Лейденъ и Амстердамъ. Гресъ долженъ былъ сформировать въ этихъ городахъ войско для помощи Мюнстеру. Король снабдилъ его 2-го января 1535 года полномочіями и далъ ему на дорогу 300 гульденовъ [199]). Еще-бы! Кто-же, какъ не чудесно спасенный Богомъ человѣкъ, могъ исполнить трудную миссію? А посолъ отправился въ Ибургъ и разсказалъ епископу обо всемъ томъ, что онъ развѣдалъ въ Мюнстерѣ, въ особенности о томъ, гдѣ пребывали ирпверженцы перекрещенцевъ, и объ ихъ планахъ [200]).

Въ Мюнстерѣ, между тѣмъ, усиливался недостатокъ провіанта. Стали ѣсть конину; немного оставшихся коровъ и быковъ сохранилось для королевскаго двора. Начались сцены казней голодныхъ воровъ. Одна женщина, уличенная въ томъ, что при раздачѣ конины дважды требовала себѣ мяса, въ наказаніе должна была держать мечъ въ теченіе многихъ часовъ и потомъ послѣ публичнаго позора, потерпѣть смертную казнь. Точно также одинъ десятилѣтній мальчикъ, вырвавшій для утоленія своего голода нѣсколько какихъ-то овощей и рѣпъ, сначала былъ высѣченъ до крови, а когда голодъ снова принудилъ его къ тому-же, былъ повѣшенъ. Вообще казней было не мало. Впрочемъ, не однѣми казнями обуздывали голодныхъ. Король старался развлечь ихъ шутовскими представленіями: одинъ изъ шутовъ, изъ старыхъ каноиниковъ, былъ наряженъ

[199]) *Hase*, 119.—[200]) *Hast*, 369.

въ священническія одежды и говорилъ въ соборѣ шутовскую проповѣдь, причемъ пѣли Gaudeamus. Проповѣдники съ своей стороны призывали народъ къ посту, увѣщевали не служить мамонѣ [201]). Надежда на спасеніе основывалась только на прибытіи иноземцевъ. Во всѣ стороны были разосланы гонцы и союзъ перекрещенцевъ распространился черезъ Везель, Девентеръ, Амстердамъ, Голландію, Брабантъ до Страсбурга. Они распространяли книги въ окрестностяхъ Мюнстера, чтобы возбудить простой народъ къ возстанію. Этотъ народъ и нерѣдко ландскнехты шли въ Мюнстеръ. Каждый день осажденные ожидали провіанта изъ отдаленныхъ мѣстностей, и еслибъ онъ пришелъ къ Мюнстеру, тогда они захватили-бы его, сдѣлавъ для этого вылазку. Усилія не остались безъ извѣстныхъ послѣдствій. Повсюду въ городахъ происходили возмущенія и за ними слѣдовали казни. Такъ, на Рождество—въ Девентрѣ, въ январѣ 1535 г.—въ западной Фрисландіи, одновременно—въ Лейденѣ, Амстердамѣ и Везелѣ. Въ Лейденѣ, гдѣ перекрещенцы пытались сжечь городъ, 15 человѣкъ казнено, кромѣ того 5 женщинъ и между ними первая жена Іоанна Бокеля были утоплены.

Въ концѣ марта 300 перекрещенцевъ захватили Альтмюнстерскій монастырь на Шнекѣ и назначили его сборнымъ мѣстомъ для остальныхъ; но намѣстникъ Шенкъ осадилъ монастырь и послѣ

[201]) *Hase*, 124.

отчаяннаго сопротивленія взялъ его штурмомъ 7 апрѣля. Противъ перекрещенцевъ, находившихся въ Везелѣ, отправился герцогъ фонъ-Юлихъ и приказалъ казнить шестерыхъ 13 апрѣля. Но никто не рисковалъ такъ, какъ Іоаннъ ванъ-Геель, посланный изъ Мюнстера въ Страсбургъ; онъ бѣжалъ при штурмѣ Альтмюнстерскаго монастыря и удалился въ Амстердамъ къ тамошнимъ перекрещенцамъ. Отсюда онъ обратился къ Маріи, сестрѣ императора, намѣстницѣ нидерландской. Онъ предлагалъ передать Мюнстеръ императору и для взятія его получилъ даже позволеніе вербовать войска. Этимъ онъ воспользовался для того, чтобы произвести переворотъ въ Амстердамѣ. Въ ночь на 13 мая начался штурмъ и послѣ долгой и упорной битвы, въ которой палъ Іоаннъ ванъ-Геель, возставшіе были побѣждены. Пойманныхъ казнили [202]). Въ Мюнстерѣ-же все росло неудовольствіе вслѣдствіе голода. Теперь роптали на королевскую пышность, на число его женъ; къ числу недовольныхъ принадлежали тѣ, которые всегда чувствовали раскаяніе въ томъ, что принимали участіе въ заблужденіяхъ и опасныхъ дѣйствіяхъ Іоанна. Но отъ короля не ускользали эти обстоятельства; онъ надѣялся продлить свое господство рядомъ новыхъ законовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смягчить эти законы, сдѣлавъ уступки неединомышленникамъ для привлеченія ихъ на свою сторону. «Во второй день января 1535 года

[202]) *Hast*, 370.

послѣ Р. Х.» онъ издалъ распоряженіе изъ 27 статей, гдѣ онъ объявляетъ, что завѣщанное Христомъ государство чистоты и святости заключается именно въ немъ, и что онъ сидитъ на тронѣ Давида. Въ этомъ царствѣ онъ отказывалъ въ убѣжищѣ всѣмъ язычникамъ, желающимъ искать защиту въ обществѣ Христовомъ Мюнстера для избѣжанія кары за совершенное преступленіе. Король, его судьи и всѣ его чиновники, говорилось далѣе, исполняютъ свою обязанность, не давая никому преимущества, по слову Божію и милосердію Его; всякое пристрастіе служебныхъ лицъ и противозаконія изслѣдуются самимъ королемъ или намѣстникомъ и строго наказываются. Священное писаніе никто не смѣетъ толковать произвольно,—оно должно толковаться буквально по требованію времени; пророкъ, проповѣдующій несогласно со словомъ Божіимъ, долженъ быть удаленъ отъ народа и умерщвленъ. Пьянство и корыстолюбіе наказываются, какъ источники развращающихъ пороковъ. Принужденіе къ браку запрещается; запрещеніе особенно касалось тѣхъ, которые были поражены отвратительными болѣзнями. Женщины безъ постоянныхъ мужей получаютъ благонамѣренныхъ опекуновъ. Предательство наказывается соразмѣрно преступленію. Тотъ, кому порученъ постъ для охраны города отъ непріятеля, не смѣетъ отлучаться безъ позволенія начальника. Пріобрѣтенная добыча должна доставляться начальству, и что

доставившій ее получитъ изъ этой добычи обратно, тѣмъ онъ можетъ безпрепятственно пользоваться. Цѣль этихъ предписаній и дополненій къ прежнимъ постановленіямъ, несмотря на все это, не была достигнута вслѣдствіе усиливавшагося недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и неудовольствія раскаявшихся, такъ что ропотъ послѣднихъ перешелъ затѣмъ въ заговоръ противъ короля. Для предупрежденія возмущенія онъ обѣщалъ народу, согласно божественному откровенію, къ Пасхѣ освободить городъ отъ осады. Одновременно онъ назначилъ изъ своихъ вѣрнѣйшихъ и преданнѣйшихъ приверженцевъ *двѣнадцать герцоговъ* и поручилъ имъ надзоръ за отдѣльными частями города. Каждому изъ этихъ господъ было дано по три совѣтника и 24 драбанта. Чтобы тѣмъ вѣрнѣе привязать къ себѣ этихъ шпіоновъ, король обѣщалъ по освобожденіи города дать имъ значительныя помѣстья въ Германіи и Нидерландахъ. Впрочемъ, всѣ земли онъ уже заранѣе раздѣлилъ между своими; только Гессенъ онъ хотѣлъ пощадить, такъ какъ онъ все еще думалъ привлечь на свою сторону ландграфа гессенскаго Филиппа. Народъ долженъ былъ уже употреблять, какъ мы сказали, конину. Когда же не оказалось ни конины, ни хлѣба, то охотились за собаками, кошками, крысами, мышами и всякою другою тварью; ѣли всякую траву, дерево, подметки, бумагу, кожу, сушеный навозъ и т. п. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что пожи-

рали свѣжіе трупы, убивали дѣтей и чего нельзя было тотчасъ употребить въ пищу, то солили или приготовляли изъ этого колбасу. Это было найдено при взятіи города. Нужда породила страшныя болѣзни. Ежедневно ловили много несчастныхъ, желавшихъ убѣжать изъ города, и кому удавалось это, тотъ находилъ смерть подъ выстрѣлами изъ блокгаузовъ. При такихъ обстоятельствахъ наступила Пасха 28 марта 1535 г., а обѣщанное избавленіе отъ печалей не исполнилось вслѣдствіе неудачъ перекрещенцевъ въ нижнемъ Рейнѣ и въ Нидерландахъ. Іоаннъ, которому плачъ и стонъ голодающихъ напоминаетъ объ обѣщаніи, съумѣлъ удачно вывернуться: въ продолженіи шести дней онъ избѣгалъ народа, сказавшись больнымъ, а затѣмъ явился веселымъ передъ народомъ: онъ сидѣлъ на слѣпомъ ослѣ и принялъ на себя грѣхи всей общины, которые сдѣлали его слабымъ и согбеннымъ; и такъ, теперь народъ, благодаря этому, былъ свободенъ отъ всякихъ грѣховъ, что собственно и есть обѣщанное избавленіе отъ всякихъ нуждъ. Это внутреннее избавленіе должно предшествовать внѣшней свободѣ, которая, навѣрное, также наступитъ, ибо Богъ хотѣлъ сначала испытать твердость своего избраннаго народа. Кто, однако, не хочетъ перенести этого испытанія, тому дается позволеніе оставить городъ, и если даже всѣ его покинутъ, то онъ, король, одинъ при помощи ангеловъ будетъ защищаться противъ врага.

Только благодаря тому, что нетвердо пребывавшимъ въ вѣрѣ онъ позволилъ выйти изъ города, внутреннее междоусобіе было предупреждено. Болѣе 900 человѣкъ еще въ апрѣлѣ оставили городъ бѣдствій. Мужчины были истреблены войскомъ осаждавшихъ; старцы, женщины и дѣти были прогнаны силою назадъ къ городу по полю, разстилавшемуся между городомъ и лагеремъ. Но несчастные не хотѣли вернуться въ городъ и поэтому въ теченіе четырехъ недѣль бродили, подобно скотинѣ, между городомъ и непріятельскимъ лагеремъ, подобно скоту питаясь разными травами. 28 мая, послѣ долгихъ и ужасныхъ страданій, когда напрасно плачущій ребенокъ припадалъ къ материнской груди, надъ несчастными сжалился епископъ; невинныхъ онъ приказалъ взять въ плѣнъ, виновныхъ—казнить. Хорошо состраданіе! Между тѣмъ, король пытался силою подавить начинающееся разложеніе во внутреннихъ дѣлахъ. Многіе пали за свои попытки. Такъ Николай Нортгорнъ хотѣлъ бѣжать изъ города и написалъ объ этомъ епископу, прося себѣ охраны, вѣроятно, за предательскія сообщенія. Письмо попалось Іоанну, и Нортгорна схватили и привели къ королю, любившему рубить головы собственноручно. Пойманный, видя неминуемую смерть, крикнулъ: «Проклятый злодѣй, кто тебя выбралъ въ короли? Самъ дьяволъ! За мою кровь и за кровь другихъ ты дашь отчетъ на страшномъ судѣ». Іоаннъ насмѣшливо улыбнулся.

«Можешь ждать этого суда, а покуда я буду твоимъ судьею» [203]). Казнили и женщинъ. Ихъ особенно много погубилъ Іоаннъ. Между ними казнилъ онъ и королеву Елизавету Вангееръ, когда-то хвалившуюся, что ее не покоритъ никакой мужчина. Король былъ ея третьимъ мужемъ. Она поплатилась жизнью за сомнѣніе въ высокомъ положеніи короля и за просьбу, вынужденную общимъ бѣдствіемъ о томъ, чтобъ ей позволено было оставить городъ. При всемъ народѣ и ея сожительницахъ король обезглавилъ ее на площади, попралъ ногами ея трупъ и сказалъ: «Она была развратница и во всякое время готова была къ возмущенію. Поэтому мнѣ повелѣлъ небесный Отецъ лишить ее жизни». «Слава въ вышнихъ Богу», — запѣли королевскія жены, а король танцовалъ. Въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ ни Генриху VIII, ни Іоанну IV. Это происходило въ такое время, когда отъ чрезмѣрнаго голода матери поѣдали своихъ дѣтей. И, все-таки, къ такому времени относится посланный 2 іюня врагамъ дерзкій отвѣтъ на требованіе сдачи города. И, все-таки, на послѣднее требованіе враговъ 22 іюня осажденные дали устный отвѣтъ, что они не сдадутъ города, прежде чѣмъ не получатъ небесное откровеніе. Любопытенъ тонъ отвѣта отъ 2 іюня. Князь-епископъ писалъ, что онъ казнитъ высланныхъ изъ города, если городъ не сдастся. На это отвѣтили «на-

[203]) *Hase*, 125.

значенные регенты и граждане города» безъ обозначенія именъ, но съ обычною городскою печатью: «Мы вамъ таковыхъ не посылали; кто добровольно хочетъ бѣжать отъ насъ, тѣмъ мы не мѣшаемъ, хотя мы знаемъ, что они не сдѣлаютъ намъ ничего хорошаго, а, напротивъ, будутъ усердно помогать вамъ во всякомъ злѣ. Дѣлайте съ ними, что хотите; мы никому не отказываемъ, кто приходитъ къ намъ, какъ другъ, и не мѣшаемъ точно также никому, кто хочетъ уйти отъ насъ, развѣ только если онъ взятъ нами въ плѣнъ, какъ врагъ. И если мы не удостоимся справедливаго вниманія и если Богу угодно, чтобы мы также были раздавлены подъ ногами звѣрей (сравненіе со сновидѣніемъ у Даніила 7, 7), то мы со всею святостью покоримся. пока маленькій камень не разобьетъ ногъ статуи (Даніилъ 2, 34) и не передастъ царства своему народу. Это мы хотѣли вамъ возразить и, вдобавокъ, просить васъ, чтобы вы разъ навсегда этимъ довольствовались». Упорство осаждаемыхъ было поразительно; но, можетъ быть, еще поразительнѣе было безсиліе осаждавшихъ.

Вѣчно несогласные между собою нѣмецкіе князья и властители поняли, наконецъ, что имъ угрожаетъ не шуточная опасность, что дѣло касается не одного Мюнстера. Но чтобы понять это, для нихъ потребовались цѣлые мѣсяцы, прошедшіе въ постыдномъ бездѣйствіи. Они не только давали мюнстерцамъ возможность укрѣпляться. не-

реманивать къ себѣ ландскнехтовъ, разсылать гонцовъ и посольства, но довели дѣло до того, что возстанія стали вспыхивать повсюду. Только 13 декабря 1534 года на собравшемся въ Кобленцѣ «крейстагѣ» князю-епископу была обѣщана ежемѣсячная субсидія въ 15,000 рейнскихъ флориновъ въ продолженіе полугода. Собраніе послало письмо осажденнымъ въ Мюнстеръ, требуя сдачи города съ угрозой, что если городъ будетъ медлить, то король и государство поступятъ съ нимъ, какъ съ враждебнымъ городомъ. Посылать угрожающія письма въ Мюнстеръ, въ сущности, значило сознаваться въ своемъ безсиліи и вызывать новыя глумленія осажденныхъ надъ княземъ-епископомъ, имѣвшимъ мало силъ и боявшимся за извѣстную часть этихъ силъ. Затѣмъ на крейстагѣ было также постановлено относительно способа осады и поручено пригласить князя-епископа на имѣющій собраться въ Вормсѣ въ апрѣлѣ слѣдующаго года сеймъ. Иначе говоря, князь-епископъ обрекался на нѣсколько мѣсяцевъ бездѣйствія. Въ эти мѣсяцы могло произойти не мало случайностей, такъ какъ Мюнстеръ пускалъ въ ходъ всѣ средства пропаганды. Іоаннъ Лейденскій писалъ даже къ Филиппу Гессенскому: «Нашему любезному, достоуважаемому ландграфу и пр. Несомнѣнно, ты знаешь, что Христосъ и пророки говорили о св. писаніи, что въ немъ нѣтъ излишней даже маленькой буквы. Теперь, Петръ говоритъ, что во время за-

рожденія, а оно началось съ того времени, какъ свѣтомъ Евангелія открылось вавилонское плѣненіе, исполнится то, о чемъ Богъ возвѣстилъ устами своихъ пророковъ. Поэтому раскрой писанія пророковъ и ищи того, что содержатъ они о вавилонскомъ плѣненіи, о концѣ этого міра, равно какъ и Христосъ, писанія апостольскія и откровеніе Іоанна; какое возмездіе получитъ вавилонская блудница и приверженцы ея, и, напротивъ, къ какому царству или къ какому господству будетъ возвышенъ народъ Божій, который соберется отъ всѣхъ концовъ земли. Если ты хорошенько сообразишь все это, обстоятельно вглядишься въ писаніе, какъ говоритъ апостолъ Павелъ Тимоѳею, и уразумѣешь истинный смыслъ его, то ты легко поймешь, самовольно-ли мы избрали своего короля, или по указанію Промысла». Къ этому письму онъ приложилъ другое—о возрожденіи (т. е. обновленіи міра. Матѳ. 19; Дѣян. Ап. 3; 2 Петр. 3). На Филиппа Гессенскаго въ Мюнстерѣ возлагали особенныя надежды. Ожидаемый сеймъ въ Вормсѣ состоялся 4-го апрѣля. Послѣ горячихъ дебатовъ для продолженія мюнстерской войны было ассигновано 100,000 золотыхъ гульденовъ, на пять мѣсяцевъ, въ два срока. Относительно дальнѣйшихъ мѣропріятій противъ перекрещенцевъ, будетъ или не будетъ взятъ городъ, долженъ былъ рѣшить другой рейхстагъ 13 іюля въ Вормсѣ же. Но городъ былъ взятъ ранѣе. Требованія сдаться, посланныя глав-

нокомандующимъ, графомъ Вейрихъ фонъ-Даунъ, который былъ назначенъ на этотъ постъ на кобленцскомъ совѣщаніи, какъ мы знаемъ, не повели ни къ чему [204]). Войско, не привыкшее къ бездѣйственной осадѣ, готово было разбѣжаться.

Быть можетъ, еще долго пришлось бы осаждать городъ, если бы не случайность, рѣшившая дѣло. Ночью, въ воскресенье послѣ Духова дня, 24 мая, изъ города бѣжали четыре ландскнехта и мюнстерскій бюргеръ Гейнрихъ Гресбекъ, описавшій потомъ возстаніе. Онъ и одинъ изъ ландскнехтовъ были пойманы. Гресбекъ былъ помилованъ и сообщилъ врагамъ, что городъ легко взять, проникнувъ черезъ Крестовыя ворота. Приведенный въ военный совѣтъ, онъ набросалъ планъ города и указалъ, гдѣ можно безопасно перейти черезъ валы. Чтобъ убѣдиться въ истинѣ его словъ, его заставили черезъ нѣсколько дней перелѣзть въ городъ. Опытъ удался. Явился и другой предатель: бѣжавшій ландскнехтъ Гансъ Экъ фонъ-Лангенштратенъ. Въ началѣ осады онъ былъ танцмейстеромъ у князя-епископа; потомъ онъ бѣжалъ въ Мюнстеръ; затѣмъ снова составилъ планъ войти въ милость прежняго господина, предать мюнстерцевъ [205]). Онъ заявилъ, что ему нужно триста человѣкъ, чтобы взять городъ, гдѣ люди истощены и обезсилены. Князь-епископъ далъ ему и Гресбеку четыреста человѣкъ подъ предводительствомъ Вилькенъ-Ште-

[204]) Ibid., 394 [205]) *Keller*, 283.

динка. Это происходило вечеромъ въ Ивановъ день. Надъ Мюнстеромъ разыгралась страшная гроза. Подъ раскаты грома и шума проливнаго дождя Штединкъ незамѣтно подступилъ къ городу, къ Крестовымъ воротамъ. Миновавъ городскіе рвы, подступающіе поднялись на высоту окоповъ, выше внѣшнихъ воротъ, и изрубили уснувшую стражу. Одинъ изъ дежурныхъ случайно произнесъ пароль «земля»; это дало возможность заставить открыть входы и опустить мосты. Тогда Лангенштратенъ и Гресбекъ провели войско по Крестовой улицѣ, перешли мостъ, подошли къ собору. Только тутъ раздался барабанный бой и началась свалка. Проснувшіеся перекрещенцы опрокинулись всей силой на солдатъ. Послѣднимъ пришлось отступить къ часовнѣ Маргариты. Отрѣзанные отъ отступленія, они чуть не растерялись отъ суматохи. Но Штединкъ нашелъ путь черезъ сосѣднія жилища канониковъ. Половину отряда онъ повелъ въ тылъ перекрещенцамъ; послѣдніе думали, что непріятель получилъ подкрѣпленіе, и потому отступили къ площади; епископскія войска слѣдовали за ними. Дворъ канониковъ былъ усѣянъ трупами. Между тѣмъ, перекрещенцы снова затворили тѣ ворота, которыми вошло епископское войско, и на валъ отправились посланные Книпердолинкомъ женщины, гдѣ онѣ ругались надъ осаждавшими, похваляясь побѣдой. Въ лагерѣ произошелъ ужасъ; всякую минуту тамъ ожида-

ли знака къ отступленію отъ города. Трусость епископскихъ войскъ, утомленныхъ осадой, и неудачами, была поразительна. Отрядъ Штединка былъ предоставленъ самому себѣ и въ безвыходномъ положеніи обнаружилъ такую храбрость, что въ 2 часа ночи король сдѣлалъ страшную ошибку, пославъ уполномоченныхъ къ Штединку съ просьбою о короткомъ перемиріи и словесныхъ переговорахъ. Согласіе было дано. Король великодушно обѣщалъ солдатамъ помилованіе, если они передадутся ему. Когда они на это не согласились, тогда онъ позволилъ имъ свободное отступленіе безъ оружія и воинскихъ почестей. Во время переговоровъ солдаты воспользовались обстоятельствами и съ разсвѣтомъ тайно отправили прапорщика фонъ-Твикеля на балъ съ тремя другими. Они поставили тамъ свое знамя и, такимъ образомъ, равно и другими знаками, призывали своихъ, все еще медлившихъ въ лагерѣ. Теперь, въ ожиданіи скораго подкрѣпленія, Штединкъ опять началъ сражаться; перекрещенцы отчаянно защищались. Когда-же отовсюду солдаты вступили въ городъ, утомленный отрядъ Штединка получилъ подкрѣпленіе. Началась страшная рѣзня. Многіе перекрещенцы находятъ свою смерть въ бою, другіе укрываются въ погребахъ, въ отдѣльныхъ монастыряхъ и другихъ потаенныхъ мѣстахъ. Только 200 человѣкъ держатся еще въ редутахъ на площади и отважно отбиваютъ приступы, убиваютъ многихъ солдатъ.

Но и они, наконецъ, сдались. Военный совѣтъ предложилъ имъ сдаться, предоставивъ имъ безопасный выходъ изъ города. Они, наконецъ, положили оружіе. Это были настоящіе герои и, къ счастью, именно имъ, казалось, не суждено было испытать позора цѣпей, тюремъ, казней. Но не такъ случилось на дѣлѣ со многими изъ нихъ. Въ 6 часовъ утра возвѣстили о побѣдѣ князю-епископу, находившемуся въ Вольбекѣ. Солдаты принялись тотчасъ-же обыскивать всѣ дома и уголки города и избили многихъ, укрывавшихся тамъ, перекрещенцевъ. Началась страшная расправа со стороны людей, явившихся, въ сущности, неожиданно въ роли побѣдителей, еще наканунѣ готовыхъ отступить и потомъ оставить на жертву своихъ лучшихъ смѣльчаковъ, вошедшихъ въ городъ. «Ярость ландскнехтовъ,—говоритъ Келлеръ,—не знала границъ, и въ дикомъ гнѣвѣ они уничтожали все, что могли. Они не отличали тѣхъ, кому только что былъ обѣщанъ безопасный выходъ отъ тѣхъ, которые прятались гдѣ попало. Ворвавшись въ ратушу, ландскнехты выбрасывали людей изъ оконъ на улицу, гдѣ копья другихъ ландскнехтовъ уже сторожили несчастныхъ. Офицеры дали полную свободу кровожадности ландскнехтовъ, и въ домахъ, и на улицахъ было страшное кровопролитіе. Едва успѣла прекратиться эта рѣзня, какъ настали казни многочисленныхъ плѣнныхъ. Въ первыя недѣли послѣ штурма городъ представлялъ об-

ширное поле, усѣянное трупами: не доставало рукъ, чтобы зарывать тѣла [206]). Расправы того времени извѣстны: смертныя казни безъ пощады, безъ счету. Въ теченіе первыхъ восьми дней ежедневно казнили перекрещенцевъ, или голодомъ вынужденныхъ покинуть мѣста своего убѣжища, или-же найденныхъ солдатами. Король, Іоаннъ Лейденскій, видя несчастный исходъ борьбы, бѣжалъ къ Эгидіевымъ воротамъ, вѣроятно, съ цѣлью скрыться оттуда при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но, благодаря измѣнѣ одного мальчика, онъ попался въ руки непріятелей. Когда солдаты хотѣли схватить его, онъ закричалъ: «Не осмѣливайтесь прикасаться къ помазаннику Божію, къ Божьему пророку, королю Сіона. Если вы сдѣлаете это, то падете въ преисподнюю». Но солдаты, не обративъ вниманія на эти слова, напали на него и насмѣхались надъ нимъ: «Если ты въ силахъ, соломенный король, то вырвись изъ нашихъ рукъ». Они сорвали съ его шеи массивную золотую цѣпь и, связаннаго, повели въ его домъ. Черезъ три дня послѣ взятія города нашли и Книппердолинка, скрывавшагося у Екатерины Гоббельсъ, у Новыхъ воротъ, на Нейбрюккенской улицѣ. Его предала эта женщина, такъ какъ его голова была оцѣнена. Для поимки его было послано пятьдесятъ человѣкъ. Отыскали въ Эгидіевомъ монастырѣ и Бернарда Крехтинга. Попались въ ру-

[206]) *Keller*, 286 и 287.

ки епископскихъ солдатъ Дивара и другія жены важныхъ лицъ. Женщинъ казнили быстро. Не то ждало Іоанна Лейденскаго, Книппердолинка и Крехтинга. Для нихъ сдѣлали желѣзные ошейники и прикрѣпили ихъ къ лошадямъ ландскнехтовъ. Такъ повели ихъ въ Ибургъ, гдѣ была надежная тюрьма. Отсюда князь-епископъ вызвалъ къ себѣ Іоанна Лейденскаго въ Дюльменъ для объясненій. Съ ненавистью и презрѣніемъ епископъ спросилъ его: «Злодѣй, какъ погубилъ ты меня и мою землю?» Іоаннъ съ обычнымъ высокомѣріемъ и достоинствомъ отвѣтилъ: «Попъ, это ложь!» Епископъ приказалъ поскорѣй удалить его отъ себя [207]). Вообще, Іоаннъ, какъ видно, держался все время твердо. На вопросъ: «По какому праву онъ простеръ такую власть на городъ и его жителей?»—онъ возразилъ: «Кто-же далъ право и силу епископу надъ Мюнстеромъ?» Когда ему отвѣтили, что епископъ получилъ это право по свободному выбору соборнаго капитула и затѣмъ былъ утвержденъ въ этомъ санѣ папой и королемъ, то Іоаннъ сказалъ: «А я призванъ къ владычеству Богомъ черезъ его пророковъ». «Самые лучшіе источники,—говоритъ Резе, — подтверждаютъ, что князь-епископъ велѣлъ посадить своего высокомѣрнаго соперника въ желѣзную клѣтку и возилъ его долгое время на потѣху князьямъ и городамъ». Въ Билефельдѣ видѣли его герцогъ Іоаннъ фонъ-Клеве-Юлихъ и его при-

[207]) Ibid., 228.

дворные. Іоаннъ Лейденскій былъ поставленъ передъ ними на открытомъ мѣстѣ. Иногда надъ нимъ пробовали нагло подшучивать, пробуждая его страстность. Но Іоаннъ Лейденскій отъ такого позора не упалъ духомъ,—напротивъ, онъ рѣзко отпарировалъ насмѣшки народа. Сколько бы ни было тутъ выдумокъ и прибавленій, характерно то, что всѣ эти разсказы подтверждаютъ твердость и мужество юнаго пророка. Ландграфъ Филиппъ Гессенскій одинъ стоялъ за Іоанна Лейденскаго въ вопросѣ о его казни. Для близкаго ознакомленія съ ученіемъ Іоанна Лейденскаго въ январѣ 1536 года ландграфъ Филиппъ, съ согласія мюнстерскаго епископа, призвалъ къ тремъ узникамъ ученыхъ теологовъ. Окруженные епископскими канониками, богословы повели бесѣду съ королемъ, приведеннымъ изъ его сырой темницы. Проповѣдники дружески его привѣтствовали и пригласили его сѣсть рядомъ съ собою у камина. Затѣмъ они начали съ нимъ говорить о тысячелѣтнемъ земномъ Христовомъ царствѣ и тотчасъ же коснулись мюнстерскаго царства, причемъ спросили его, по какому именно откровенію онъ посаженъ на королевскій тронъ? Іоаннъ безъ всякаго смущенія отвѣтилъ: «Откровеній по этому поводу мнѣ вовсе не было, но мнѣ пришло въ голову, что въ Мюнстерѣ именно долженъ быть избранъ король, и что я для этого назначенъ. Это меня безпокоило и я просилъ Бога возвести меня въ этотъ

санъ, если же нѣтъ, то пусть Онъ призоветъ меня къ этому черезъ праведнаго пророка. Четырнадцать дней спустя, выступилъ пророкъ Дузентшуръ и, увѣряя меня, что это дѣлается по волѣ Божіей, призналъ меня королемъ, съ чѣмъ были всѣ согласны». На вопросъ: какъ онъ могъ повѣрить такому пророку?—онъ отвѣтилъ: «Къ своимъ предположеніямъ я во всякомъ случаѣ относился съ недовѣріемъ, но зову пророка я вѣрилъ безъ всякихъ чудесныхъ знаменій, такъ какъ писаніе запрещаетъ требовать этого; если онъ меня обманулъ, то пусть за это отвѣчаетъ». Къ этому пункту онъ прибавилъ, что не его и его приближенныхъ намѣреніемъ было послѣ одержанной побѣды надъ осаждающимъ войскомъ уничтожить все, что не принадлежало къ перекрещенству, но что мечъ былъ направленъ противъ осаждающихъ только для того, чтобы добыть отъ сосѣдей провіантъ: его пришлось брать силой. Точно также онъ остался вѣренъ своимъ основамъ при указаніи ему на статью о власти; при этомъ онъ опирался на изреченіе апостола Петра: Бога слѣдуетъ больше слушаться, чѣмъ людей; поэтому онъ бралъ подъ защиту всѣ несправедливости, которыя испытали прежнія власти изъ-за перекрещенцевъ. Гораздо уступчивѣе оказался онъ въ ученіи объ исправленіи, хотя здѣсь былъ выставленъ противниками суровый взглядъ Лютера, который Іоанну Лейденскому былъ ненавистнѣе папы. Напротивъ, онъ остался

непоколебимъ въ убѣжденіи о крещеніи. Когда коснулись вопроса о вочеловѣченіи Христа, богословы вышли изъ себя и назвали Іоанна Лейденскаго ослиной головой. Въ бесѣдѣ о бракѣ онъ упорно признавалъ многоженство и, въ концѣ-концовъ обнаружилъ свое упорство словами, что «гораздо лучше имѣть много женъ, чѣмъ много непотребныхъ женщинъ». Отъ Іоанна священники отправились въ тюрьму Книппердолинка и Крехтинга. Но здѣсь они не встрѣтили ни того краснорѣчія, ни того знанія *Библіи*, ни той ловкости, и того ума, что у Іоанна Лейденскаго. Плѣнники совсѣмъ присмирѣли; говорить они не могли отъ безпокойства, а потому давали свои показанія письменно. Отсюда Николай фонъ-Мюнхгаузенъ привелъ пророковъ въ Бевергернъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ падшій король, и обратился къ нимъ съ горячею рѣчью, изъ которой они поняли, что онъ отказался отъ своихъ убѣжденій: мюнстерское государство ни въ какомъ случаѣ не есть тысячелѣтнее царство Христово, но только суетно-мертвый образъ его; что хотя онъ съ Ротманомъ и вѣрилъ, что оно продлится до пришествія Христа, однако, теперь онъ долженъ сознаться въ своемъ заблужденіи; точно также и занятіе имъ трона произошло не по его своеволію и охотѣ, а по велѣнію Дузентшура. Интересно, что онъ, отказываясь теперь отъ многихъ своихъ взглядовъ послѣ бесѣды съ богословами, сказалъ, что онъ готовъ просить на

колѣнахъ о помилованіи, чтобы вмѣстѣ съ Мельхіоромъ Гофманомъ склонить къ повиновенію перекрещенцевъ въ Нидерландахъ и въ Англіи: пусть они крестятъ своихъ дѣтей, пока не рѣшится этотъ религіозный вопросъ. По окончаніи переговоровъ 12 января 1536 года, трое преступниковъ были отправлены для казни въ Мюнстеръ, гдѣ, кромѣ князя-епископа Франца, свидѣтелями этого были приглашенные послы курфюрста кельнскаго и герцога фонъ-Клеве-Юлихъ. За день до своей казни Іоаннъ Лейденскій просилъ прислать ему священника; къ нему пришелъ духовникъ епископа, Іоаннъ фонъ-Зибергъ, который провелъ у него всю ночь; Іоаннъ Лейденскій сильно раскаявался и сознавался, что онъ десять разъ заслужилъ смерть. 22 января, въ восемь часовъ утра, были выведены изъ тюрьмы на эшафотъ король и его два товарища, послѣ того какъ всѣ городскія ворота были заперты. Эшафотъ стоялъ почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ воздвигнутъ тронъ Іоанна Лейденскаго. Какъ только приговоренные взошли на позорную площадку, они съ распростертыми руками пали ницъ и призывали на помощь небеспаго Отца; затѣмъ, поднявшись, окинули взоромъ зрителей, выслушали отъ судей смертный приговоръ, который гласилъ, что они перекрещены, бунтовщики, не повинуются власти. Они, однако, громко воскликнули: «Можетъ быть, мы сопротивлялись князю, но передъ Богомъ мы

невинны». Когда короля, надъ которымъ приговоръ долженъ былъ быть совершенъ раньше, привязали къ столбу, онъ склонилъ колѣна, сложилъ руки и сказалъ: «Отецъ, въ твои руки я передаю свою душу». Цѣлый часъ терзали его палачи накаленными щипцами и затѣмъ только они проткнули накаленнымъ копьемъ его горло и сердце, Онъ умеръ съ удивительною стойкостью. Точно также умерли Книппердоликъ и Крехтингъ, подвергшіеся тѣмъ же жестокимъ пыткамъ. Ихъ трупы были положены въ желѣзныя клѣтки и въ такомъ видѣ повѣшены на южной сторонѣ башни Ламберта, король по серединѣ и нѣсколько выше другихъ. «До нашихъ дней,—говоритъ Келлеръ,—висятъ эти желѣзные свидѣтели давно прошедшихъ дней и передаютъ въ теченіе трехъ съ половиной столѣтій тысячамъ поколѣній исторію этихъ страшныхъ событій» [208]). По смерти Іоанна появилась большая монета съ его бюстомъ въ королевскомъ нарядѣ и такая же медаль велечиною съ талеръ. О судьбѣ Ротмана извѣстія противорѣчатъ другъ другу. Керзенбройкъ и другіе разсказываютъ, будто еще въ самомъ началѣ боя онъ замѣшался въ ряды сражавшихся и палъ со многими другими. Ламбертъ Гортензіусъ, совѣтникъ герцога Юлиха, находившійся при епископскомъ войскѣ, говоритъ, что трупа Ротмана не было найдено. По другому извѣстію, Ротманъ бѣжалъ и потомъ много лѣтъ жилъ у одного фрисландскаго дворянина. Это

[208]) Ibid, 289.

извѣстіе основывается на двухъ сохранившихся письмахъ любекскаго совѣта къ мюнстерскому городскому совѣту отъ 8 іюля и 13 декабрря 1537 года. Въ первомъ изъ нихъ жители Любека изъявляютъ свою готовность слѣдить за Бернардомъ Ротманомъ, который, по показанію мюнстерцевъ, жилъ въ Ростокѣ и сосѣднихъ городахъ; въ другомъ они сообщаютъ, что они устраивали поимку въ Висмарѣ, предполагая, что нападутъ на Ротмана, на самомъ же дѣлѣ это оказался невинный медикъ изъ Аргема. Они требуютъ вознагражденія за расходы отъ мюнстерскаго городскаго совѣта въ размѣрѣ 65 марокъ и 14 шиллинговъ. Этому мнѣнію о бѣгствѣ Ротмана,—говоритъ Келлеръ,—нельзя придавать никакого значенія [209]). Во всякомъ случаѣ, его конецъ,—говоритъ Газе,—окутанъ благотворною тьмой [210]). и, прибавимъ отъ себя не сопровождался звѣрскими истязаніями и всенароднымъ позоромъ.

Послѣ этой кровавой расправы перекращенцы уже не могли явиться прежнею сектой: ихъ добивали гдѣ только было возможно; они притихли, разсѣялись, скрывались отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій и только постепенно изъ ихъ остатковъ образовалась чисто-религіозная секта менонитовъ, уже никогда не рисковавшая играть соціалной и политической роли. Воинствующіе перекрещенцы

[209]) Ibid, 287. — [210]) *Hase*, 135.

исчезли безслѣдно, не оставивъ по себѣ никакихъ видныхъ слѣдовъ, и память о ихъ дѣятельности заняла только страницы въ исторіи, говоря о томъ, что они не добились ничего. Тѣмъ не менѣе, это поучительныя страницы въ исторіи вообще и въ исторіи коммунизма въ особенности.

Исторія коммунизма—это исторія мирной проповѣди любви, братства и равенства,—проповѣди мечтателей; всѣ теоретическіе проекты коммунистовъ, начиная съ *Государства* Платона и кончая *Икаріею* Кабе, не подстрекаютъ къ насилію, по крайней мѣрѣ, не возбуждаютъ страстей, являясь простыми философскими, иногда, надо признаться, очень скучными, трактатами; всѣ практическія попытки коммунистовъ, начиная съ ессеевъ и кончая какими-нибудь американскими перфекціонистами, полны самоотреченія, но никогда—насилія. Вообще, читая исторію этихъ попытокъ коммунистовъ, только удивляешься, на какія жертвы способенъ человѣкъ ради идеи, какую энергію онъ можетъ проявлять, достигая завѣтной цѣли: всѣ эти люди—ессеи, гармонисты, перфекціонисты, послѣдователи Фурье и Оуэна, икарійцы, инспараціонисты—настоящіе герои и подвижники, піонеры, взявшіеся доказать вѣрность извѣстныхъ теоретическихъ взглядовъ. Какъ бы ни были ничтожны результаты ихъ усилій, скажемъ даже болѣе, какъ бы ни были несостоятельны ихъ усилія, все же эти люди заслуживаютъ полнѣйшей благодарности и уваженія. Они на свой собствен-

ный рискъ и счетъ дѣлаютъ извѣстные соціальные опыты, не требуя ни у кого поддержки, не требуя ни у кого жертвъ. Такіе опыты уже потому нужны, что, не бросившись въ воду, нельзя научиться плавать, и тотъ, кто первый бросается въ воду, для наученія плаванію другихъ, рискуя потонуть за нихъ, совершаетъ извѣстный подвигъ. Среди этихъ-то по преимуществу мирныхъ людей такія кровавыя попытки, какъ попытка перекрещенцевъ или попытка бабефистовъ во время первой французской революціи, являются если не единственными, то единичными явленіями, и именно эти-то явленія менѣе всего оставили практическихъ результатовъ. Мирные коммунисты добивались хоть чего-нибудь на извѣстное время, — воинствующіе не добились ни до чего. Это былъ своего рода урокъ. Неудача перекрещенцевъ заключалась, конечно, не въ недостаткѣ одаренныхъ людей, не въ недостаткѣ энергіи. Передъ нами прошелъ здѣсь цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ вожаковъ. Тутъ были и такія чистыя и одаренныя личности, какъ Мюнцеръ и Гансъ Денкъ, и такіе серьезные ученые, какъ Карлштадтъ и Гюбмейеръ, и такіе неудачные честолюбцы, какъ Гребель и Ротманъ; наконецъ, и такіе страстные фанатики, какъ Гофманъ, Матизенъ, Іоаннъ Бокель. А какой массы лицъ намъ еще не пришлось коснуться! Если-бы мы вздумали касаться всѣхъ вожаковъ анабаптизма, намъ не пришлось бы ограничиться этимъ небольшимъ

очеркомъ, а пришлось бы написать цѣлый томъ. Энергія, съ которою дѣйствовали многіе изъ этихъ вожаковъ движенія, была тоже изумительна: достаточно вспомнить неустанную дѣятельность и нечеловѣческую выносливость Мюнцера, умѣнье Ганса Денка привлечь на свою сторону сердца и умы людей самыхъ разнообразныхъ классовъ общества, или неутомимыя путешествія Мельхіора Гофмана изъ Дерпта въ Виттенбергъ, отсюда въ Стокгольмъ, изъ Стокгольма въ Голландію, далѣе въ Страсбургъ, и все это безъ посторонней помощи, почти безъ хлѣба. Мы уже говорили, что сами враги анабаптистовъ завидовали этой неутомимой энергіи въ дѣлѣ пропаганды. Но, всѣ эти люди, несмотря на всю свою энергію, погибли и должны были неизбѣжно погибнуть. Они стремились силою пересоздать моментально все общество, весь его строй, всѣхъ людей; въ своемъ прямолинейномъ радикализмѣ они съ лихорадочною поспѣшностью шли отъ отрицанія къ отрицанію, въ неудержимой экзальтаціи, стирая съ земли всѣ существовавшія религіозныя традиціи, науку, искуссво, правительство, — и ихъ горсть сразу очутилась лицомъ къ лицу съ цѣлымъ полчищемъ враговъ, изъ которыхъ каждый отстаивалъ что-нибудь дорогое для него. На ихъ жестокія крайности общество отвѣтило не менѣе жестокими крайностями: оно было сильнѣе и побѣдило ихъ, не разбирая, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ, смѣшивая въ одну кучу и такихъ высоко-гуман-

ныхъ мыслителей, какъ Гансъ Денкъ, и такихъ безумцевъ, какъ Іоаннъ Лейденскій.

Дорого обходятся человѣчеству подобные уроки, но, къ несчастію, оно вообще дорого платитъ за каждый свой шагъ впередъ, иногда даже за простую попытку сдѣлать этотъ шагъ прежде, чѣмъ настало для него время.

ИКАРІЯ.

(Очеркъ).

Іюльская революція во Франціи была однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ выстрѣловъ, однимъ изъ тѣхъ промаховъ, которые производятъ смятеніе всюду и не измѣняютъ ничего нигдѣ. Чуть не на другой день послѣ ея окончанія всѣ уже чувствовали, что попытка была крайне неудачна, что должны послѣдовать какое-то новое волненіе, новая смута, новая революція. Всѣ только напряженно спрашивали: «но когда-же?» Этотъ вопросъ оставался открытымъ, безъ отвѣта, восемнадцать лѣтъ, — восемнадцать лѣтъ, въ которые воздвигались баррикады въ Ліонѣ, съ кровавой рѣзней на улицахъ, писались книги Виллерме и Энгельса о страшномъ положеніи рабочихъ во Франціи и Англіи, шла агитація со стороны карбонаріевъ юной Италіи, Мадзини, Гарибальди, Кошута, происходили процессы сенъ-симонистовъ, сгущались вездѣ какія-то грозовыя тучи и слышались отдѣльные громовые удары недовольства, смутъ и возстаній во всей западной Европѣ. Трудные это были годы—годы страха и надеждъ, от-

чаяній и упованій. Перечитайте письма Гейне и Берне. «Письма изъ Франціи и Италіи» и «Съ того берега» и вы поймете, что передумало, перестрадало то поколѣніе людей сороковыхъ годовъ, которое теперь мало-по-малу уже сошло или сходитъ въ могилы. Одинъ изъ французскихъ дѣятелей какъ-то сказалъ: «мы танцуемъ на вулканѣ». Точно такое же ощущеніе испытывали въ эти тяжелыя восемнадцать лѣтъ всѣ мыслящіе люди, къ какимъ бы партіямъ они ни принадлежали. Волненія въ Италіи, во Франціи заставляли ежедневно ждать, что вотъ-вотъ случится нѣчто серьезное, страшное, рѣшительное, но на другой день оказывалось, что ничего такого особеннаго не случилось: кто-то дрался на улицахъ, кого-то сослали на галеры и все старое осталось по старому.

И вдругъ въ это-то мрачное время появляется книга, въ которой описывается страна, незнающая ни революцій, ни нищеты, ни преобладанія однихъ сословій надъ другими, полная однѣхъ тихихъ радостей и счастія, зиждущаяся на великой идеѣ «братства». Она, эта книга, казалось, обращалась снова къ больному человѣчеству съ великими словами утѣшенія «придите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные и я успокою васъ». Эта книга была «Путешествіе въ Икарію». Теперь можно читать этотъ объемистый томикъ только исключительно по обязанности. Онъ навѣваетъ только скуку своимъ однообразіемъ

и доводитъ до тошноты своею слащавостью въ описаніяхъ счастія икарійцевъ. Это что-то въ родѣ нѣмецкой сказки про Schlaraffenland, что-то въ родѣ разсказа про землю, гдѣ рѣки сытовыя, берега кисельные. Вы читаете и сознаете, что этого нѣтъ, что этого, можетъ быть, не будетъ и вамъ становится досадно, что васъ считаютъ за ребенка и хотятъ обмануть. Но тогда—тогда нашлись тысячи измученныхъ невыносимою жизнію, жаждавшихъ выхода изъ тяжелаго положенія людей, которые ухватились за эту проповѣдь братства и любви, и каждый день бѣдныя работницы и бѣдные работники приносили десятки свѣжихъ букетовъ въ даръ ея автору; они, бѣдные наивные люди, не знали какъ почтить его и дали ему трогательное названіе «отца». Отецъ Кабе сразу сдѣлался одною изъ популярнѣйшихъ личностей во Франціи, его слава перешла за границы Франціи и привлекла къ нему поклонниковъ среди представителей всѣхъ націй.

Кто же былъ этотъ Кабе? Каково было содержаніе его знаменитой книги?

Этьенъ Кабе родился въ Дижонѣ 1-го января 1788 года. Онъ былъ сынъ бочара и съ семилѣтняго возраста работалъ въ мастерской отца. На двѣнадцатомъ году онъ былъ принятъ стипендіатомъ въ городскую центральную школу, гдѣ и кончилъ курсъ ученья. Своимъ обширнымъ и разностороннимъ образованіемъ онъ былъ обя-

занъ своему знаменитому земляку Жакото, одному изъ самыхъ выдающихся педагоговъ того времени, искреннему патріоту и революціонеру. Кабе принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не сразу находятъ дорогу по своему вкусу, не сразу мирятся съ выпавшей имъ на долю ролью, а пробуютъ пристроиться то къ тому, то къ другому мѣсту и вездѣ терпятъ неудачу. Кабе изучалъ педагогику, былъ нѣкоторое время учителемъ гимназіи, позднѣе изучалъ медицину, наконецъ законовѣденіе и сдѣлался адвокатомъ въ Дижонѣ. При реставраціи онъ принималъ участіе въ политическихъ демонстраціяхъ и за это насильственно отрывался правительствомъ отъ адвокатской практики. Мелкія придирки, ежедневныя неудачи раздражали его, мѣшая его занятіямъ. Наконецъ онъ рѣшился уѣхать въ Парижъ. Здѣсь онъ примкнулъ къ сильно развившемуся тогда карбонаризму, сдѣлался членомъ высшаго отдѣла этого тайнаго общества и участвовалъ въ борьбѣ либеральной оппозиціи противъ правительства Бурбоновъ. Когда вспыхнула революція 1830 года, онъ былъ назначенъ главнымъ прокуроромъ въ Бастію, но его крайнія политическія убѣжденія скоро лишили его и этого мѣста. Правительству Луи-Филиппа были нужны не такіе люди. Съ этой поры со стороны Кабе началась еще болѣе ожесточенная борьба съ правительствомъ при помощи отдѣльныхъ памфлетовъ, а потомъ періодическаго изданія. Въ іюлѣ 1831 года онъ былъ

избранъ въ департаментѣ Котъ-д'Оръ депутатомъ въ палату и примкнулъ здѣсь къ крайней лѣвой фракціи.

Въ 1832 г. онъ написалъ исторію революціи 30 года и основалъ въ Парижѣ свой радикальный органъ «Le populaire». За статью въ этомъ изданіи въ мартѣ 1834 года онъ былъ приговоренъ на два года тюремнаго заключенія и бѣжалъ въ Лондонъ, «обрекая себя на добровольное изгнаніе», какъ говоритъ составитель статейки о Кабе въ «Политико-экономическомъ словарѣ». Выборъ между двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ или пятилѣтнимъ изгнаніемъ былъ просто предоставленъ Кабе правительствомъ. Отсюда изъ Лондона онъ осыпалъ французское правительство самыми желчными памфлетами. Въ Парижъ онъ возвратился только послѣ амнистіи 1839 года, но возвратился не только неуспокоеннымъ, непримиреннымъ, а еще болѣе смѣлымъ и самоувѣреннымъ бойцомъ. Время изгнанія прошло для него не даромъ; его взгляды получили новый складъ. Въ Англіи онъ изучалъ Томаса Мора, Кампанеллу и перешелъ на сторону комунистовъ. «Взвѣсивъ исторію всѣхъ временъ и народовъ, говоритъ одинъ изъ его учениковъ,—онъ пришелъ къ выводу, что простыя политическія реформы не могутъ обезпечить обществу безопасности и благосостоянія, къ которымъ оно стремится, что рабство древности, крѣпостное состояніе среднихъ вѣковъ и пролетаріатъ новаго времени только от-

личаются по названію другъ отъ друга, но не по сущности, что недугъ перемѣнилъ кличку, но не характеръ». Помочь горю долженъ былъ коммунизмъ. Въ этомъ духѣ онъ написалъ «Histoire populaire de la revolution française», четырехтомный панегирикъ якобинцамъ, санкюлотамъ, горѣ и въ особенности Кутонамъ, Робеспьерамъ и Сенъ-Жюстамъ, этимъ «непонятымъ героямъ террора», какъ рѣзко замѣчаетъ Сюдръ. Неутомимо сталъ онъ проповѣдывать коммунизмъ на публистическомъ поприщѣ и, наконецъ, написалъ свой знаменитый романъ «Voyage en Icarie». «Le populaire» сталъ въ это время выходить снова и служилъ подспорьемъ въ дѣлѣ распространенія идей Кабе. Съ этой-то минуты Кабе, какъ я уже сказалъ, сдѣлался одною изъ популярнѣйшихъ личностей того времени.

Успѣхъ этого романа можно объяснить только тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ, съ одной стороны, находились рабочіе и, съ другой стороны, тѣмъ гнетущимъ настроеніемъ, которое охватило тогда умы мыслящихъ людей. Ни самъ Кабе, какъ писатель и мыслитель, ни его романъ, какъ художественное произведеніе, не могли подкупить массу новизной идей или блескомъ изложенія. Кабе не былъ своеобразнымъ мыслителемъ, открывающимъ новые кругозоры обществу: въ его разсказѣ,—по удачному выраженію Луи Рейбо,—Буонаротти и Моръ, Фенелонъ и Кампанелла, отдѣленные другъ отъ друга вѣками,

протягивали одинъ другому руки». Новаго здѣсь не было почти ничего, а что было ново, то было едва-ли удачно. Кабе не былъ даже однимъ изъ тѣхъ сильныхъ стилистовъ, которые, по выраженію Сюдра, «всегда умѣютъ нанизать массу громкихъ словъ, скрывающихъ передъ ослѣпленнымъ читателемъ грубыя двусмысленности и чудовищные софизмы». Кабе, какъ художникъ, вполнѣ несостоятеленъ: его исторія первой революціи состоитъ изъ неловко сшитыхъ отчетовъ о засѣданіяхъ и отрывковъ изъ рѣчей республиканцевъ; всѣ эти отрывки пересыпаны его собственными объясненіями, очень часто имѣющими характеръ какихъ-то отрывочныхъ восклицаній; цѣльнаго впечатлѣнія это произведеніе не оставляетъ вовсе и напоминаетъ не историческое сочиненіе, а репортерскій крайне тенденціозный отчетъ. Его романъ еще болѣе несостоятеленъ въ художественномъ отношеніи, такъ какъ онъ страдаетъ убійственнымъ однообразіемъ, вялостью дѣйствія, слащавыми восторгами, выражающимися почти въ одной и той-же стереотипной формѣ. Но у Кабе, какъ у писателя, было одно достоинство — достоинство, крайне рѣдко встрѣчавшееся въ людяхъ существовавшихъ тогда партій: онъ шелъ неуклонно къ своей цѣли, онъ не соглашался ни на какія сдѣлки. Несмотря на свое поклоненіе передовымъ вожакамъ первой революціи, онъ прямо говорилъ, что у нихъ часто не было строго опредѣленной цѣли,

что они сами иногда шли какъ-бы въ туманѣ, подчиняясь прежде всего вспышкамъ страстей. Въ 1848 году онъ также требовалъ отъ вожаковъ революціи, чтобы они не останавливались на полдорогѣ, не отдѣлывались туманными фразами, а шли бы до конца путемъ логическаго развитія тѣхъ идей, во имя которыхъ совершался переворотъ. Этой строгой послѣдовательности не отрицаютъ даже его враги. Въ этомъ смыслѣ говоритъ о немъ Сюдръ. Но, конечно, не это качество стяжало ему поклоненіе толпы. Нѣтъ, его романъ имѣлъ успѣхъ, потому что былъ написанъ человѣкомъ, чувствовавшимъ необходимость выхода изъ невыносимаго существовавшаго тогда положенія, потому что онъ обращался къ читателямъ, чувствовавшимъ также сильно ту-же необходимость исхода. Этотъ романъ былъ одной изъ тѣхъ соломенокъ, за которыя хватаются въ такія времена утопающіе.

Содержаніе романа просто и несложно. Молодой лордъ Карисдаль, женихъ богатой пятнадцатилѣтней миссъ Генріеттъ, прочитавъ книгу объ Икаріи, пришелъ въ такой восторгъ отъ описанія этой страны, что рѣшился совершить туда путешествіе. Не ищите на географическихъ картахъ Икаріи—эта страна существуетъ только въ безпредѣльной области фантазіи, хотя въ романѣ и описывается маршрутъ лорда Карисдаля, отправившагося въ Икарію изъ Лондона и прибывшаго въ фантастическій портъ Камирисъ, на во-

сточной сторонѣ фантастической же страны марволовъ, союзниковъ икарійцевъ. Отсюда лордъ прибылъ въ фантастическій городъ Икаріи Тираму, гдѣ консулъ взялъ съ него двѣсти гиней за него и его слугу. На эти деньги Икарія обязывалась въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ кормить, поить, одѣвать, перевозить изъ города въ городъ, возить въ театры и на лекціи лорда Карисдаля и его слугу, такъ какъ за деньги въ Икаріи самому ничего нельзя достать: деньги тамъ не обращаются, деньги это «язва, отъ которой избавилъ страну преобразователь Икаріи великій Икаръ». Въ Икаріи нѣтъ таможенъ, этихъ «притоновъ воровъ, болѣе безжалостныхъ, чѣмъ пираты и бури». Корабль, на которомъ ѣхалъ лордъ Карисдаль, былъ устроенъ удивительно: на немъ устранены всѣ причины, вслѣдствіе которыхъ могло бы случиться несчастіе, на немъ приняты всѣ мѣры, чтобы путники не страдали даже морской болѣзнью. При входѣ на корабль, начальникъ корабля собралъ пассажировъ и успокоилъ ихъ, объявивъ имъ, что за ихъ безопасность можно вполнѣ поручиться, и напомнивъ, что главная цѣль Икаріи — это благополучіе и удобства ея гражданъ. Уже на первыхъ шагахъ лордъ убѣдился, что предусмотрительность икарійцевъ доходитъ до мелочей: вездѣ на стѣнахъ есть необходимыя свѣдѣнія для проѣзжающихъ, всюду приняты мельчайшія мѣры для удобнаго путешествія и удобной жизни, все поражаетъ

сразу роскошью, изобиліемъ и блескомъ. Съ этой минуты начинается рядъ восторговъ лорда Карисдаля, восторговъ уже скучныхъ потому, что даже случайная буря, случайно подгорѣвшее жаркое, случайно споткнувшійся на дорогѣ человѣкъ, ничто не нарушаетъ этого блаженнаго восхищенія лучшею изъ всѣхъ лучшихъ странъ. Тутъ нѣтъ ни промаховъ, ни ошибокъ, ни недосмотровъ, точно все здѣсь создали боги, а не люди, эти вѣчныя жертвы случайностей и заблужденій. Лордъ Карисдаль знакомится съ икарійцемъ Вальморомъ и восторги дѣлаются еще неудержимѣе, такъ какъ лордъ Карисдаль все хвалитъ, а Вальморъ все повторяетъ: «вы еще и не то увидите». Вальморъ вводитъ англичанина въ свою семью, знакомитъ его со своимъ дѣдомъ, отцомъ, сестрою, подругою дѣтства Динаизой.

Лордъ очарованъ этими людьми, они очарованы имъ, всѣ обнимаются и цѣлуются чуть-ли не по нѣсколько разъ въ одну минуту. Среди этого счастія темнымъ облачкомъ является неожиданный отказъ Динаизы выйдти замужъ за Вальмора. Вальморъ и его семья страдаютъ, но сила воли беретъ верхъ на столько, что Вальморъ даже не чувствуетъ ревности, узнавъ, что Динаиза любитъ лорда Карисдаля. Лордъ рѣшается жениться на Динаизѣ.

Но для этого ему нужно натурализоваться въ Икаріи, что и совершается. Назначается день свадьбы и въ эту минуту счастія Динаиза па-

даетъ мертвою. Лордъ сходитъ съ ума, бѣжитъ въ Англію, но... все это романическіе эффекты, читатель: Динаиза не умерла, а была въ продолжительномъ обморокѣ, она скачетъ за лордомъ и онъ, конечно, выздоровѣетъ. Вотъ нехитрая канва романа, которой, конечно, не придавалъ ровно никакого значенія и самъ Кабе, никогда не имѣвшій претензій на титулъ «талантливаго беллетриста»; его занимали тѣ узоры, которые онъ выведетъ при помощи ея.

Въ Икаріи царствуетъ полное равенство, люди не отличаются по сословіямъ, по характеру труда, по матеріальному положенію: они работники и только. Они ничего не покупаютъ и ничего не продаютъ; каждый избираетъ трудъ по своимъ способностямъ и работаетъ на государство; государство удовлетворяетъ всѣ ихъ потребности и доставляетъ имъ все нужное. Это избавляетъ ихъ съ одной стороны, отъ эксплоатаціи работодателя,—а съ другой стороны уничтожаетъ возможность эксплуатаціи лавочниковъ, то есть уничтожаетъ двѣ главныя язвы существующаго строя общественной жизни.

Въ Икаріи нѣтъ даже извозчиковъ, лодочниковъ: у государства есть перевозные экипажи для всѣхъ, доставляющіе въ опредѣленное время, въ опредѣленныя мѣста публику. Но этого мало: Кабе очень хорошо зналъ, что онъ пишетъ для французовъ, которыхъ трудно прельстить какой-бы то ни было теоріею общественной жизни, если эта

жизнь будетъ такъ скучна и однообразна, какъ напримѣръ, жизнь ессеевъ или шэкеровъ. Вслѣдствіи этого Кабе не забылъ и удовольствій. Удовольствія доставляются гражданамъ государствомъ безплатно и государство не скупится на эти удовольствія, устраивая массу баловъ, публичныхъ увеселеній, театральныхъ представленій, создавая даже театры маріонетокъ для дѣтей. Во всемъ этомъ Кабе только развилъ мысль Морелли: «Каждый гражданинъ есть общественный счетъ». Правда, въ Икаріи ни у кого нѣтъ частной недвижимой собственности, нѣтъ капиталовъ, но за то ни у кого нѣтъ никакихъ заботъ: довольно, чтобы человѣкъ работалъ по мѣрѣ силъ и способностей и онъ будетъ пользоваться всѣми удобствами жизни наравнѣ съ другими: государство предусматриваетъ всѣ его потребности и нужды. Въ этомъ была привлекательная сторона Икаріи: бѣдный, эксплуатируемый людъ, люди темнаго труда, презираемые при настоящемъ положеніи дѣлъ, не могли не отозваться сочувственно на планы Кабе, видя, что въ его Икаріи нѣтъ эксплуатаціи труда, нѣтъ дѣленія на почетный и непочетный трудъ. Ихъ должна была увлечь картина того, что въ Икаріи замѣчательные люди, выборные правители государства—не болѣе какъ портные, швеи, кузнецы и тому подобные представители механическаго или чернаго труда. Кромѣ того Кабе испугался зайдти такъ далеко въ своей коммунистической теоріи, какъ заходили другіе

крайніе коммунисты: онъ оставилъ существованіе семьи. Это крайне важная сторона его теоріи, такъ какъ коммуна съ сохраненіемъ семьи создавала лишнихъ поклонниковъ теоріи, и въ то же время вызывала самыя рѣзкія нападенія критиковъ. Въ этомъ онъ отступилъ отъ логической послѣдовательности Платона и Кампанеллы и склонился на сторону Томаса Мора и Морелли. Но такъ какъ въ Икаріи нѣтъ ни приданаго, ни наслѣдства, ни сословныхъ предразсудковъ, то браки заключаются по любви, и въ Икаріи нѣтъ ни проституціи, ни незаконныхъ сожительствъ, ни измѣнъ. Порокомъ считается въ Икаріи холостая жизнь. Въ ней и нѣтъ холостяковъ. Эта сторона точно также не могла не привлечь поклонниковъ на сторону Кабе, такъ какъ Икарія не разрушала семьи, супружескаго счастія, а напротивъ того создавала какую-то идеально-чистую и прекрасную семью. Такова была одна сторона медали— сторона безпорно привлекательная, симпатичная.

Но, спрашивается чѣмъ-же покупаются всѣ эти блага. Трудомъ. Трудиться должны всѣ икарійцы равное число часовъ. Дѣти начинаютъ работать: мальчики съ восемнадцатилѣтняго возраста, дѣвочки съ семнадцатилѣтняго возраста. Старики освобождаются отъ работы: мужчины на 65 году жизни, а женщины на 59 году жизни. Человѣкъ можетъ не работать только въ случаѣ болѣзни, но его тотчасъ-же отправляютъ въ такомъ случаѣ въ госпиталь; онъ можетъ получить времен-

ной отпускъ, но исключительно въ случаяхъ, указанныхъ закономъ, и только съ согласія его сотрудниковъ; беременныя и кормящія грудью женщины тоже освобождаются отъ работы, а также матери семействъ не ходятъ въ мастерскія. такъ какъ присмотръ за семьей и домомъ есть трудъ, полезный республикѣ. Работаютъ икарійцы по семи часовъ лѣтомъ и по шести зимою, съ шести или съ семи часовъ утра до часу пополудни; республика принимаетъ всѣ мѣры, чтобы облегчить трудъ, сократить его, улучшить его условія; она поощряетъ всякія изобрѣтенія въ этой области.

Домашнія работы дѣлаются дѣвушками и женщинами съ пяти или шести часовъ утра до восьми съ половиной, въ девять часовъ женщины и дѣвушки идутъ въ мастерскія и работаютъ тамъ до часу. Но чтобы все шло въ порядкѣ, чтобы сохранить излишнія расходы республики, чтобы люди были вполнѣ равны, республика должна ввести въ жизнь однообразный порядокъ и слѣдить за всѣмъ: икарійцы должны вставать отъ сна и ложиться спать въ опредѣленное время; они должны ѣсть и пить въ опредѣленный часъ; они должны идти въ театръ по жребью; правда, имъ можно ходить ежедневно въ театръ, но только въ тотъ, въ который ихъ толкнетъ жребій. Этотъ порядокъ во имя равенства доходитъ до послѣднихъ мелочей и связываетъ человѣка по рукамъ и по ногамъ, уничтожая его волю, его «Я» и ставя впереди всего законъ,

повелѣвающій дѣлать то-то и то-то. Республика разсматриваетъ планы домовъ и выбираетъ лучшіе: граждане должны въ нихъ жить. Республика выбираетъ форменныя одежды для людей разныхъ возрастовъ: граждане обязаны въ нихъ одѣваться. Республика запрещаетъ носить цвѣты или перья въ такомъ-то возрастѣ: граждане должны повиноваться. Республика опредѣляетъ пищу на каждый день, на каждый часъ: граждане должны ѣсть именно эту пищу и въ эти часы. Республика является самымъ строгимъ цензоромъ: писателемъ можно сдѣлаться послѣ экзамена, книга пропускается послѣ самаго строгаго цензированія, журналы разрѣшаются по одному на комуну, редакторы являются избранными и смѣняемыми чиновниками республики и журналъ можетъ наполняться только «протокольными» статьями. Республика воспитываетъ актеровъ и заказываетъ поучительныя пьесы: граждане только и могутъ видѣть эти заказныя патріотическія пьесы. Сторона цензурнаго вмѣшательства въ дѣла литературы, науки и искусства у Кабе, пожалуй, еще болѣе рѣзко проведена, чѣмъ у родоначальника этихъ воззрѣній, у Платона, такъ какъ Кабе, конечно, яснѣе и лучше Платона понималъ значеніе литературы, сдѣлавшейся въ его времена страшной силой и иногда прививавшей къ обществу не одно хорошее, доброе и честное, а развращавшей это общество. Вся эта система опеки производится съ

благонамѣренною цѣлью. Правда, граждане въ Икаріи сами избираютъ правителей, обсуждаютъ всѣ мѣры опеки, вотируютъ всѣ правила. Но опека, въ какомъ-бы видѣ она ни являлась, отпугиваетъ многихъ и многихъ, въ Икаріи-же, какъ и во всѣхъ подобныхъ иланахъ, она забирала въ руки всего человѣка, распоряжаясь его сномъ, отдыхомъ, его разговорами и мыслями, его удовольствіями и вкусами. Эта система и была ахилесовой пятой Кабе: его противники говорили, что его система создаетъ самую худшую изъ тираній, залѣзая въ душу человѣка. При этомъ иротивники совершенно упускали изъ виду то, что и при настоящемъ положеніи человѣческихъ обществъ извѣстные нравы и обычаи, приличія и моды, постановленія и законы создаютъ опредѣленный образъ жизни для каждаго человѣка и онъ является далеко не свободнымъ въ своихъ иоступкахъ, помня всегда, что «съ волками жить — по волчьи и выть». Кабе хотѣлъ подчинить человѣка извѣстнымъ правиламъ, которыя онъ считалъ разумными, теперь-же подчиняютъ человѣка нерѣдко тому, что не только не разумно, но положительно вредно. Но есть у Кабе и еще одна болѣе слабая сторона—это его объясненіе блаженнаго состоянія гражданъ Икаріи. Читая его книгу, вы поминутно наталкиваетесь на фразы въ родѣ слѣдующихъ: «воровство—его нѣтъ въ Икаріи»: «тюрьмы — ихъ нѣтъ въ Икаріи»; «ревность—

икарійцы ее подавляютъ»; «аресты—при коммунѣ ихъ не существуетъ»; «незаконное сожительство—неизвѣстно въ Икаріи»; нищенство, вредное честолюбіе, преступленія... да ничего-же этого нѣтъ въ Икаріи, въ ней все уменьшается, даже болѣзни, все болѣе развивается долговѣчіе, все сильнѣе распространяется красота. Вы, конечно, начинаете справляться, во сколько тысячелѣтій совершился этотъ прогрессъ, зная, какъ медленно перерождается человѣчество, и узнаете вдругъ, что тиранія въ Икаріи свергнута только въ 1782 году. Вы начинаете думать, что авторъ смѣется надъ вами: въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ люди не могли настолько переродиться въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ; но если они могутъ перерождаться гораздо медленнѣе, то какія-бы мѣры приняла Икарія въ переходную эпоху, втеченіе тѣхъ столѣтій, которыя должны были пройти прежде, чѣмъ люди превратятся въ икарійцевъ, т. е. въ существа безъ страстей, безъ личныхъ особенностей, безъ эгоистическихъ наклонностей, безъ наслѣдственныхъ пороковъ и недуговъ—этого авторъ не говоритъ. Какъ только вы тронете съ этой стороны построенное имъ зданіе—оно разлетится въ прахъ: онъ могъ создать такъ легко свою коммуну, потому что онъ взялъ не людей, а созданныхъ въ его воображеніи безгрѣшныхъ духовъ. Къ несчастію, трудно сказать, дойдутъ-ли люди когда-нибудь до того, что они сдѣлаются и безпороч-

ными, и вполнѣ разумными, и вполнѣ здоровыми, покуда-же это существа крайне безнравственныя, часто очень недалекія по уму, почти всегда страдающія наслѣдственными недугами, и именно для нихъ-то и нужно создать болѣе или менѣе сносныя условія жизни. Этого не брали въ расчетъ ни Платонъ, ни Моръ, ни Кампанелла, ни Кабе. Для переходныхъ эпохъ ихъ планы не пригодны, а безъ переходныхъ эпохъ новый порядокъ немыслимъ. Кабе искренно и страстно желалъ видѣть людей счастливыми, но, къ сожалѣнію, онъ съумѣлъ представить ихъ счастливыми, только отрѣшивъ ихъ отъ всего, что свойственно людямъ; этимъ онъ низвелъ свой планъ на степень одной изъ тѣхъ сказокъ, гдѣ герои добиваются счастья только потому, что у нихъ есть и ковры-самолеты, и семимильныя сапоги, и шапки-невидимки, и тѣ богатырскія силы, при которыхъ достаточно дунуть—и города рушатся, и полчища враговъ разлетаются. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительной жизни счастія добиться нѣсколько труднѣе.

Самъ Кабе чувствовалъ, что онъ не можетъ развить своей теоріи научнымъ путемъ. Когда одинъ изъ его учениковъ просилъ его объ этомъ, онъ отвѣтилъ въ своемъ журналѣ: «Мой принципъ—братство, моя теорія—братство, моя система—братство, моя наука—братство». Это значило, отдѣлаться отъ серьезнаго вопроса громкой, но, нужно признаться, лишенной всякаго здраваго смысла фразой. Впрочемъ, во Франціи

такія фразы въ ходу, онѣ подкупаютъ многихъ, появляясь въ сочиненіяхъ лучшихъ французскихъ писателей, начиная съ Виктора Гюго...

Кабе, какъ и нужно было ожидать, пріобрѣлъ себѣ поклонниковъ среди довѣрчивыхъ массъ и нажилъ противниковъ среди самыхъ разнообразныхъ партій интеллигенціи: противъ него вооружились коммунисты, не признававшіе семьи, довольно значительная и распространенная партія такъ называемыхъ бабефистовъ; противъ него возсталъ Прудонъ, доказывая несостоятельность его теоріи въ научномъ отношеніи и со стороны логической послѣдовательности; на него напали, конечно, и такія люди, какъ Сюдръ, упорный и не лишенный извѣстныхъ, хотя и поверхностныхъ познаній.

Возраженія Кабе современныхъ и позднѣйшихъ его противниковъ сводились къ слѣдующему. Бабефиеты не соглашались съ его введеніемъ въ Икарію религіи съ священнослужителями и священнослужительницами, искусствъ съ содержимыми на счетъ правительства художниками, актерами, писателями, и семьи съ законными женами, съ дѣтьми, ростущими дома. Бабефисты отрицали и церковь, и искусство, и семью, являясь болѣе радикальными и болѣе послѣдовательными коммунистами, чѣмъ Кабе. Когда въ журналѣ «l'Humanitaire» открыто потребовали общность женъ,—Кабе, не рѣшаясь разрубить прямо гор-

діевъ узелъ, сказалъ, что онъ «временно» желаетъ сохранить въ Икаріи бракъ и семью. Ему, разумѣется, стали доказывать, что достаточно одной такой капитальной уступки, чтобы вызвать сотни другихъ уступокъ. Это замѣчаніе было совершенно основательно и Кабе не могъ что-нибудь возразить на это, не смѣя въ то же время возстать противъ брака и семьи, такъ какъ именно это примиряло многихъ съ его теоріей. Прудонъ, этотъ сильный представитель литературнаго здраваго смысла во французской литературѣ, въ разборѣ коммунизма, оцѣнивая критически теорію Кабе, главнымъ образомъ, доказываетъ, что коммуна принимаетъ конечную цѣль за свое начальное основаніе; она несовмѣстима съ семьей, прототипомъ коммуны; она не можетъ существовать безъ закона распредѣленія, но распредѣленіе уничтожаетъ ее; она не можетъ обойтись безъ организаціи, но при организаціи она гибнетъ; то же самое относительно справедливости въ коммунѣ. «Первое, о чемъ должна позаботиться коммуна, какъ и религія, это поскорѣе задушить духъ противорѣчія при которомъ никакое учрежденіе въ ней не прочно и не окончательно установлено, говорилъ Прудонъ.— Я посовѣтую Кабе, когда онъ получитъ изъ рукъ народа бразды государства, чтобы всѣ партіи слились подъ его отеческой диктатурой, измѣнить съ начала до конца нашу систему университетскаго образованія, эту противную систему, при

которой молодые люди дѣлаются людьми сомнѣвающимися, спрашивающими, аргументирующими безъ конца, безъ сожалѣнія». «Въ противномъ случаѣ ему зададутъ сотни вопросовъ, на которые онъ не отвѣтитъ. Его спросятъ, почему онъ основаніемъ всего считаетъ братство, когда мы видимъ только борьбу людей и знаемъ, что далеко не такъ легко доискаться основъ, на которыхъ-бы можно построить вѣчный миръ. Какъ, удерживая бракъ, не создать среди великой коммуны новой общины, imperium in imperio; водворяя же въ общинѣ семью, нужно водворить и ея неразлучные аттрибуты, хозяйство, собственность, наслѣдство, все то, что несовмѣстимо съ коммуной. Кабе въ сущности и дѣлаетъ это: «каждый домъ, имѣющій дворъ и садъ, занимается одной семьей». Вотъ однимъ взмахомъ пера созданы три исключенія изъ общаго правила: 1) отдѣльность семей, 2) отдѣльность жилищъ, 3) отдѣльность хозяйствъ. Но это не все. Изъ четырехъ разъ ежедневной ѣды, предлагаемой Кабе икарійцамъ (Фурье предлагалъ ѣсть семь разъ въ день!), два раза ѣдятъ въ мастерскихъ, третій разъ въ общемъ ресторанѣ республики, четвертый разъ ѣдятъ вечеромъ дома, въ своей семьѣ. Для чего это различіе? для чего эта ѣда въ собраніяхъ съ согражданами, съ семьей? Отчего не ѣсть всегда съ коммуной или съ семьей?» Прудонъ доказываетъ, что уже здѣсь даже въ этихъ мелочахъ заключается цѣлый рядъ противорѣчій: людямъ

позволяютъ, какъ-бы въ награду имѣть право хоть разъ въ день удаляться изъ общины и поѣсть въ своей семьѣ. «Къ этому снисхожденію Кабе прибавляетъ другое: въ воскресенье всѣ свободны! Каждый можетъ ѣсть гдѣ ему угодно, дома, въ ресторанѣ, въ деревнѣ, ad libitum. Какъ добрая и снисходительная мать, законодатель Икаріи почувствовалъ необходимость время отъ времени отпускать возжи коммунистическихъ строгостей: онъ желалъ напомнить гражданамъ, что они не только братья, но и личности. По воскресеньямъ онъ имъ 'даетъ свободу!» Раздѣленіе труда необходимо для успѣшности труда, безъ этого трудъ не можетъ усовершенствоваться, безъ этого онъ тяжелѣе и совершается медленнѣе; но раздѣленіе труда, различіе ремеслъ и занятій кладетъ особую неизгладимую печать на духъ и тѣло отдѣльныхъ личностей, создаетъ индивидуальныя особенности. А все, что содѣйствуетъ созданію индивидуализма, подрываетъ коммуну. «Для коммуны Кабе, говоритъ Прудонъ, нужнѣе всего послушаніе, повиновеніе, принятіе всего на вѣру». «Въ нашихъ школахъ—начиная первоначальной и кончая нормальной—не перестаютъ заботиться о томъ, чтобы ученикъ умѣлъ работать одинъ. Если задаютъ иногда всѣмъ одно и то-же сочиненіе, то требуютъ, чтобы каждый писалъ отдѣльно, на состязаніе; юношу хотятъ пріучить думать самостоятельно; преподавая ему общія основанія науки, хотятъ, чтобы онъ ихъ

усвоилъ; въ немъ пробуждаютъ изобрѣтательныя способности; въ немъ развиваютъ, если можно такъ выразиться, эгоизмъ генія, право на собственность мнѣній. И чѣмъ больше воспринятая имъ эрудиція принимаетъ оригинальныя, личныя, особенныя формы, тѣмъ сильнѣе привѣтствуютъ его, радуются, что не даромъ потратили деньги. Изъ воспитанія литературнаго и научнаго проистекаетъ образованіе профессіональное и ясно, что эта манія воспитывать изъ молодыхъ людей, оригинальныхъ, способныхъ къ иниціативѣ и изобрѣтеніямъ, все болѣе и болѣе отдаляетъ отъ коммунистическаго принципа; вмѣсто работниковъ, соединенныхъ братски, мы получимъ въ концѣ концовъ людей самолюбивыхъ, характеры не покорные. «Я обращаю вниманіе мыслителей-коммунистовъ на этотъ страшный вопросъ». «Коммунизмъ, чтобы существовать, исключаетъ такую массу словъ, понятій и фактовъ, что существа. созданныя его усиліями, въ концѣ концовъ не будутъ имѣть надобности ни говорить, ни думать, ни дѣйствовать: это будутъ устрицы, прикованныя другъ подлѣ друга, безъ дѣятельности и безъ чувствъ, къ скалѣ... братства. Какая интеллигентная и прогрессивная философія этотъ коммунизмъ!» «Коммунизмъ есть отвращеніе къ труду, скука жизни, уничтоженіе мысли, смерть собственнаго «я», утвержденіе ничтожества. Коммунизмъ въ наукѣ, какъ и въ природѣ, есть синонимъ нигилизма, нераздѣльности, неподвижно-

сти, ночи, молчанія: это противоположность существующаго, тотъ черный хаосъ, изъ котораго Создатель, Богъ свѣта, вызвалъ міръ». Интересны въ страстной и часто пристрастной критикѣ Прудона подробности частныхъ вопросовъ, напримѣръ, вопроса объ изданіи книги при теоріи Кабе. Человѣкъ задумалъ напечатать книгу. Кто дастъ ему бумагу, наберетъ книгу, напечатаетъ, сброшюруетъ? Община, конечно, такъ какъ все принадлежитъ общинѣ, и у частнаго лица нѣтъ средствъ для печатанія книги. Но печатая книгу, община дѣлаетъ безполезный расходъ: ей нужны гарантіи въ полезности книги. Значитъ назначутъ цензора для разсмотрѣнія книги. Значитъ свободы печати нѣтъ и есть произволъ единичныхъ личностей. Но, можетъ быть, можно аппелировать къ общественному мнѣнію, къ всеобщему голосованію. При этомъ нужно предположить, что голосующіе изданіе книги знаютъ ее во всѣхъ подробностяхъ, и выходитъ, что или цензорское запрещеніе ни къ чему не ведетъ, такъ какъ книгу узнаютъ и при запрещеніи, или голосованіе будетъ безсмысленно, если будутъ голосовать, не зная всего сочиненія. Въ разборѣ Икаріи, сдѣланномъ Сюдромъ, критикъ прежде всего указываетъ на отсутствіе оригинальности въ трудѣ Кабе, на его уступки въ родѣ сохраненія семьи и, главнымъ образомъ, на то, что весь порядокъ въ Икаріи существуетъ и можетъ существовать только потому, что Кабе взялъ не

людей съ ихъ пороками, а безгрѣшныхъ ангеловъ. Далѣе Сюдръ нападаетъ на Кабе за систему деспотизма: регламентація всего, принудительная работа, стѣсненія мысли, все это крайне непривлекательно. Сюдръ выписываетъ слова Кабе: «нужно, чтобы коммуна подчинила всѣ воли и всѣ дѣйствія своимъ правиламъ, своему порядку и общей дисциплинѣ», и кончаетъ эту выписку вопросомъ: «нужно-ли еще что нибудь прибавлять къ этому признанію?» Зло подсмѣивается Сюдръ надъ свободой совѣсти въ Икаріи, гдѣ допускаются всѣ религіи, но отцамъ и матерямъ запрещается сказать хоть слово о божествѣ дѣтямъ до шестнадцати или семнадцатилѣтняго возраста этихъ дѣтей, когда профессоръ философіи, но никакъ не священникъ излагаетъ имъ всѣ религіи. Еще большее поле для насмѣшекъ открываетъ Сюдру исторія Икаріи, гдѣ въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ злодѣйства превратились въ добродѣтель, нищета въ богатство, люди въ ангеловъ. Въ концѣ разбора теоріи Кабе. Сюдръ говоритъ, что «ясность и точность доктринъ Кабе менѣе опасны, чѣмъ смутныя декламаціи тѣхъ туманныхъ писателей, которые преслѣдуютъ тѣ-же цѣли, но не сознавая этого или не признаваясь въ этомъ». И, можетъ быть, онъ говорилъ именно это не безъ основанія: нѣтъ ничего труднѣе какъ создать теоретически новый строй жизни во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ и нѣтъ ничего легче, какъ найдти темныя, слабыя и непривлекатель-

ныя стороны въ этой фантастической картинѣ несуществующаго строя жизни. Говорятъ: лучше синицу дай въ руки, чѣмъ обѣщать журавля въ небѣ; но дай вамъ синицу въ руки и вы тотчасъ-же начнете роптать, что она и мала, и нехороша, а покуда вамъ только обѣщаютъ какого-то неизвѣстнаго журавля въ небѣ—у васъ разыгрывается воображеніе, вы рисуете себѣ этого журавля именно въ томъ видѣ, въ какомъ вы желали-бы его имѣть. Такія системы, какъ система Кабе, не даютъ возможности воображенію развернуться ни на шагъ. У него нѣтъ ничего недосказаннаго, ничего туманнаго. Онъ менѣе всего способенъ былъ къ шарлатанству и надувательству: всѣ, кто шелъ за нимъ, знали, какія условія жизни ждутъ ихъ впереди. Это, можетъ быть, наполовину уменьшало число его адептовъ. Но какъ-бы ни были ожесточенны нападки на Кабе все-таки въ 1847 г. существовали уже сотни тысячъ икарійскихъ коммунистовъ, людей, страстно, желавшихъ осуществить на практикѣ золотыя мечты своего учителя. Число этихъ безусловныхъ поклонниковъ Кабе въ 1847 г. доходило до четырехсотъ тысячъ, не считая людей, болѣе или менѣе сочувствовавшихъ новой проповѣди. Они были не только во Франціи, но и въ Швейцаріи, Испаніи, Германіи, Англіи, Южной Америкѣ.

Кабе не довольствовался одной пропагандой своихъ мнѣній; онъ рѣшился испытать соціализмъ на практикѣ и съ этою цѣлью сталъ дѣлать при-

готовленія для основанія большой колоніи въ Соединенныхъ Штатахъ. Для этой цѣли онъ, по всей вѣроятности, по совѣту хорошо знакомаго съ Америкой Оуэна, пріобрѣтаетъ землю въ Техасѣ [1]) и обращается къ своимъ ученикамъ, съ приглашеніемъ помочь ему основать Икарію. Въ маѣ 1847 года появилась въ журналѣ Кабе статья подъ заглавіемъ «Въ Икарію!» Въ слѣдующемъ нумерѣ журнала была напечатана другая статья: «Работники, въ Икарію!» Описывая горькое положеніе рабочихъ во Франціи, авторъ говорилъ: «Мы создадимъ Икарію въ Америкѣ». Далѣе въ новой статьѣ Кабе обращается къ женщинамъ, призывая ихъ въ Америку. «По всѣмъ отчетамъ и письмамъ, говоритъ онъ, мы можемъ заключить, что сочувствіе къ нашему предпріятію очень велико, что мы и теперь можемъ разсчитывать на милліонъ сотрудниковъ въ нашемъ дѣлѣ». Эффектъ этого воззванія былъ невѣроятенъ. Тысячи поздравленій посыпались къ нему со всѣхъ сторонъ. Его намѣреніе сдѣлалось темою разсужденій для всѣхъ журналистовъ. Одни допускали это, другіе смѣялись и бранили его, но большая часть благопріятствовала Кабе. Онъ, какъ всѣ хорошо знали, никогда не былъ шарлатаномъ и этотъ опытъ долженъ былъ, повидимому,

---

[1]) Гиндсъ, а вслѣдъ за нимъ и Земперъ, никогда, впрочемъ, какъ кажется, не провѣряющій заимствуемыхъ имъ свѣдѣній, говорятъ, что Кабе пріобрѣлъ въ Техасѣ 1.000,000 акровъ земли.

имѣть серьезное значеніе, провѣряя на практикѣ выводы теоріи. Тысячи икарійцевъ просили чести быть первыми колонистами. При содѣйствіи комитета, приставленнаго къ Кабе парижскими икарійцами, онъ принялъ всѣ необходимыя мѣры, съѣздилъ въ сентябрѣ въ Лондонъ для совѣщанія съ Робертомъ Оуэномъ, сдѣлалъ нужныя приготовленія и выбралъ 69 человѣкъ между своими самыми преданными учениками. Всѣ избранные были люди молодые и сильные, способные выдержать всѣ труды и лишенія, которые ихъ ожидали. Кабе очень хорошо зналъ, что колонистовъ ожидаетъ не мало испытаній. Въ четвергъ 3-го февраля 1848 г., въ 9 часовъ утра въ Гаврѣ тронулся въ путь корабль «Римъ». Это первый отрядъ икарійцевъ оставлялъ Францію и поплылъ къ Соединеннымъ Штатамъ, унося съ собою лучшія пожеланія отъ сотни тысячъ коммунистовъ. Это были первыя ласточки, которыя должны были сдѣлать весну новой жизни—жизни, не похожей на мрачную, полную бурь и вражды жизнь тогдашняго общества. Эти люди отплывали отъ стараго свѣта въ новый свѣтъ съ яркими надеждами сдѣлаться провозвѣстниками новой эры братства и любви... и какъ странна судьба! Три недѣли спустя отправка первыхъ икарійцевъ въ Америку врядъ-ли бы осуществилась, и до сихъ поръ основаніе Икаріи было бы только одной мечтой. Ни Кабе, ни его школа не предвидѣли, что двадцать одинъ день спустя по-

слѣ отъѣзда перваго отряда икарійцевъ, въ Парижѣ будетъ провозглашена республика. Революція, которая случилась 25 февраля 1848 г., была первымъ и самымъ страшнымъ ударомъ, испытаннымъ икарійскою попыткою. Икарійская школа, которая была такъ согласна до тѣхъ поръ— вдругъ раздѣлилась. Нѣкоторые были готовы вызвать назадъ первый отрядъ, отказаться отъ идеи эмиграціи и посвятить себя исключительно служенію новой республикѣ. Другіе, которые лучше оцѣнивали событія, держали сторону Кабе и хотѣли продолжать начатое дѣло, предвидя, что нельзя ожидать ничего хорошаго отъ республики, во главѣ которой стояли такіе люди, какъ Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Мари, Маррастъ и другіе республиканцы этого оттѣнка; ихъ непріязненность ко всѣмъ соціальнымъ реформамъ была хорошо извѣстна, а, между тѣмъ, одно измѣненіе политическихъ формъ не могло привести ни къ чему. Но первый толчекъ былъ данъ икарійцамъ, и ихъ единство рушилось. Самъ Кабе колебался между двумя планами, которые парализировали его энергію. Это было для него страшное время. Между тѣмъ авангардъ переселенцевъ, прибывъ 27 марта въ Новый Орлеанъ, услышалъ въ городѣ веселую пушечную пальбу. Это не было привѣтствіе, посылаемое прибывшему къ городу отряду икарійцевъ. Сойдя на берегъ, отрядъ узналъ о провозглашеніи республики во Франціи. Между прибывшими высказывались самыя горькія сожалѣнія.

Было даже сдѣлано предложеніе возвратиться во Францію, но оно не было принято большинствомъ и піонеры «великой икарійской коммуны» направились къ мѣсту своего назначенія. Въ іюлѣ 1848 г. ими было положено основаніе икарійской колоніи въ Техасѣ.

Путники прибыли на мѣсто. Передъ ихъ глазами раскидывалась дѣвственная пустынная степь, непривѣтная прерія, наполнявшая душу невольною тоской. Здѣсь приходилось основать поселеніе, здѣсь приходилось создать новое государство, которое заставило бы переселенцевъ забыть ихъ «прекрасную Францію». Прежде всего нужно было устроить себѣ хоть какой-нибудь кровъ и переселенцы приступили къ сооруженію нѣсколькихъ убогихъ хижинъ, принялись за обработку земли. Но что знали эти портные, сапожники, столяры въ дѣлѣ земледѣлія? Они не умѣли даже владѣть плугомъ и только надрывали свои силы. совершая незнакомое имъ дѣло. Они принялись за работу усердно; но въ этой пустынѣ ихъ уже сторожилъ страшный, неотразимый врагъ—маларія. Грозная болѣзнь нежданно, негаданно посѣтила ихъ кружокъ, отняла сразу у нихъ всю энергію и вырвала изъ ихъ общества ихъ единственнаго доктора Ровейера: бѣднякъ сошелъ съ ума. Кромѣ сошедшаго съ ума доктора, пятеро изъ колонистовъ умерли. Остальнымъ поселенцамъ оставалось одно — оставить нездоровую мѣстность и искать другого пріюта. Эта необходимость была

горькимъ разочарованіемъ для первыхъ икарійцевъ. Кромѣ того самая земля, купленная для нихъ, оказывалась неудобной для коммунистической жизни: это было черезполосное владѣніе разными отдѣльными клочками, а не сплошное, принадлежащее коммунѣ пространство. Селиться тутъ было невозможно. Они не безъ борьбы, не безъ труда рѣшились на удаленіе, оставивъ на мѣстѣ пять труповъ своихъ собратьевъ: Гильо, Колле, Герина, Шовена и Соже. Они вернулись по направленію Шрьюпорта и Нью-Орлеана, гдѣ они надѣялись встрѣтить другихъ икарійцевъ, долженствовавшихъ присоединиться къ нимъ. Передъ ними лежала дорога въ пятьсотъ миль: имъ приходилось сдѣлать путешествіе чрезъ пустынную страну безъ всякихъ средствъ и при страшныхъ лишеніяхъ. Нужно было глубоко вѣрить въ правоту своихъ идей, чтобы не пасть духомъ, не бросить всего начатаго дѣла. Отступленіе изъ Техаса было однимъ изъ самыхъ печальныхъ явленій въ этой попыткѣ. Изъ боязни не найдти на пути необходимыхъ средствъ для такого многочисленнаго общества, какъ ихъ кружокъ, икарійцы раздѣлились поровну на три отряда, условившись о мѣстѣ соединенія. Эти партіи разсѣялись по дорогѣ; болѣзнь помѣшала многимъ слѣдовать за ихъ друзьями. Четверо изъ нихъ умерли въ дорогѣ отъ усталости и лишеній. Остатокъ первой партіи съ немногими членами второй прибылъ наконецъ въ Нью-Орлеанъ въ концѣ 1848 года.

Между тѣмъ другія партіи отправлялись уже изъ Франціи. Кабе лично оставилъ Парижъ въ декабрѣ, а въ мартѣ 1849 г. всѣ икарійцы, въ числѣ 280 человѣкъ, со своимъ вождемъ во главѣ, оставили Нью-Орлеанъ съ намѣреніемъ поселиться въ Нову въ штатѣ Илинойсѣ. Нову было хорошимъ мѣстомъ для временнаго поселенія. Никѣмъ незанятыхъ домовъ было очень много. Отсюда за нѣсколько времени передъ тѣмъ были изгнаны извѣстный мормонскій пророкъ Джозефъ Смитъ и его послѣдователи; вслѣдствіе этого населеніе Нову уменьшилось съ 15—20 тысячъ человѣкъ на 3—4 тысячи. Дома и обработанныя земли продавались за безцѣнокъ. Это была счастливая случайность, на какую, разумѣется, нельзя разсчитывать въ подобныхъ предпріятіяхъ. Кабе и его спутники поселились здѣсь. Между 1850—1855 годами многіе новые члены увеличили ихъ число. Колонія стала процвѣтать. Они имѣли рабочіе станки, фермы, мельницу и водочный заводъ. Съ большимъ успѣхомъ обработывая поля въ Нову, они устраивали разныя торговыя спекуляціи, занимались различными видами мануфактурной промышленности съ ловкостью истыхъ французовъ. У нихъ была школа для дѣтей; они завели типографію, издавали газету. Отъ времени до времени, они разсылали множество книгъ и памфлетовъ для распространенія своихъ принциповъ во Франціи. Одинъ изъ этихъ памфлетовъ крайне интересенъ, потому что онъ показываетъ,

что самъ Кабе остался все тѣмъ же мечтателемъ и далеко не практикомъ. Этотъ памфлетъ изданъ въ Нову, въ 1854 году, въ немъ всего 12 страницъ: онъ носилъ заглавіе «Если бы я имѣлъ полмилліона долларовъ». Это мечты о томъ, что могъ бы и что хотѣлъ бы сдѣлать Кабе для общины, если бы кто нибудь далъ ему 500,000 долларовъ... «Самый фактъ, что послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Нову онъ все время тратилъ на подобныя неосуществимыя мечты, достаточно ясно показываетъ, что онъ не былъ хорошимъ руководителемъ для подобнаго предпріятія, говоритъ Нордгофъ. Мнѣ кажется, что для развитія коммунистической общины прежде всего требуются физическое и нравственное побужденія, происходящія изъ жизни, полной лишеній и направленной на безпрерывное пріобрѣтеніе собственности трудами ея членовъ. Мало того, Кабе въ первомъ же параграфѣ показываетъ полное пренебреженіе къ одному изъ основныхъ принциповъ коммунистической общины. «Будь у меня 500,000 долларовъ, пишетъ онъ, намъ открылся бы громадный кредитъ, который могъ бы сильно увеличить наши средства». Но очень хорошо извѣстно, что долги—это гибель подобныхъ общинъ». Среди остатка икарійцевъ, которые такъ мужественно и упорно потомъ продержались въ Іовѣ, лучше всего сознается, сколько они испытали бѣдствій въ теченіи многихъ лѣтъ вслѣдствіе долговъ. Будь у Кабе полмилліона долла-

ровъ, говорится далѣе въ памфлетѣ,—онъ могъ бы поставить свою общину на болѣе широкую ногу: онъ рисуетъ прелестную картину жилищъ съ газовымъ освѣщеніемъ, съ проведенной горячей и холодной водой, болѣе обширныхъ фабрикъ, плодородныхъ и хорошо обработываемыхъ полей и фермъ, высшихъ и элементарныхъ школъ, театровъ и другихъ увеселительныхъ мѣстъ, роскошно устроенныхъ садовъ и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Но мечты оставались однѣми мечтами и жизнь въ Нову была далеко не такъ привлекательна, хотя дѣла икарійцевъ шли не дурно. Они имѣли контору въ Парижѣ, корреспондентовъ—вездѣ. Такъ какъ колонія состояла большею частью изъ французовъ, то и удовольствія, имѣющія и въ теоріи Кабе не малое значеніе, не были забыты. Икарійцы имѣли небольшой театръ съ особенными артистами. Они устроили оркестръ изъ пятидесяти человѣкъ.

Въ 1855 г. колонія считала въ своемъ составѣ пятьсотъ членовъ. Это не удовлетворяло икарійцевъ. Убѣжденные, что Нову было только временнымъ мѣстопребываніемъ и что главная община должна была быть основана въ другомъ мѣстѣ, они пріобрѣли три тысячи акровъ земли въ штатѣ Іовѣ, мечтая о переселеніи. Это была роковая ошибка; они еще не успѣли вполнѣ твердо стать на ноги, а уже подготовляли себѣ новыя испытанія. Какъ бы то ни было, но нѣсколько человѣкъ было послано въ Іову, чтобы устроить

мѣсто для общины. До сихъ поръ нравственный авторитетъ Кабе на его послѣдователей, казалось, нисколько не уменьшился. Онъ все-таки былъ глава и отецъ икарійской семьи. Когда-же колонія достигла до крайняго предѣла своего процвѣтанія и порѣшила вопросъ о переселеніи въ Іову, мирная картина измѣнилась окончательно. Большая часть икарійцевъ состояла изъ людей, бывшихъ прежде революціонерами. Авторитетъ основателя общины, какъ-бы мягокъ, справедливъ и законенъ онъ ни былъ, сдѣлался для нихъ подъ конецъ тягостнымъ; они ему подчинялись, потому что сознавали необходимость для успѣха предпріятія, но теперь они думали, что настало время отъ него освободиться. Это было вполнѣ понятно, тѣмъ болѣе, что Кабе, какъ говоритъ Нордгофъ, проявлялъ одно время въ Нову диктаторскія стремленія, что главнымъ образомъ и возбудило расколъ въ общинѣ. Къ тому-же теперь Кабе дѣлался старъ. Его умственныя способности понизились; среди икарійцевъ составлялся тайный заговоръ противъ его власти. Открылась борьба, грозившая разрушеніемъ Икаріи. Достаточно сказать, что послѣ тихой, хотя упорной и ожесточенной борьбы, продолжавшейся цѣлый годъ, меньшинство (всего 200 человѣкъ) оставили Нову съ Кабе во главѣ.

Старый боецъ за великую идею братства былъ нравственно уничтоженъ. Онъ все переносилъ во время своей долгой карьеры: рѣзкую критику,

оскорбленія, клевету, вызовы, заключеніе, ссылки. Достаточно сказать, что въ 1849 году нѣкоторые изъ послѣдователей Кабе рѣшились даже обвинить его въ обманѣ относительно собраннаго имущества въ 200,000 франковъ и судъ исправительной полиціи сенскаго департамента присудилъ 30 сентября 1849 г. его заочно къ двухлѣтнему тюремному заключенію и къ пятилѣтней потерѣ гражданскихъ правъ,—Кабе вернулся во Францію въ іюнѣ 1851 года, отдался въ руки власти и, лично защищая свое дѣло по аппеляціи, былъ оправданъ 26 іюля 1851 г. Нужно было имѣть много вѣры въ свои идеи и желѣзной воли, чтобы не пасть духомъ при такихъ обстоятельствахъ и даже надѣяться попасть въ президенты республики: въ 1852 г. Кабе непремѣнно хотѣлъ заявить свою кандидатуру на званіе президента французской республики. Ничто не поразило его такъ, какъ послѣднія печальныя событія. Кабе было 69 лѣтъ. 8 ноября 1856 г. онъ умеръ отъ апоплексическаго удара въ Сенъ-Луи, столицѣ миссурійскаго штата. Смерть Кабе была большимъ бѣдствіемъ для тѣхъ, кто за нимъ послѣдовалъ. Многіе потеряли надежду на окончаніе предпріятія и оставили своихъ собратьевъ, которые, имѣя болѣе вѣры въ свое призваніе, съ большимъ мужествомъ посвятили себя своему дѣлу. Они поселились въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Сенъ-Луи и основали Чельтенгэмскую колонію. Они испытали временное, очень кратковременное

благосостояніе, но бѣдствія не заставили себя ждать. Болѣзни, нищета и несогласія разстроили общину. Но все-таки нѣкоторые изъ оставшихся не сдались-бы, если-бы финансовыя затрудненія не принудили ихъ къ тому. Когти ихъ кредиторовъ все глубже и глубже проникали въ горло несчастной жертвы и въ январѣ 1864 г. Чельтенгэмская колонія прекратила свое существованіе. Такъ кончилась одна изъ вѣтвей икарійской общины. Другая, расположенная въ Нову, осталась тамъ до 1859 г., такъ какъ ея вожаки хотѣли показать, что они могутъ жить и расти безъ управленія своего основателя. Потомъ эти колонисты удалились въ Іову. Новыя бѣдствія ожидали ихъ здѣсь. Неизвѣстность за свою будущность, нужда и бѣдность, были ихъ удѣломъ на много лѣтъ. Трудно повѣрить, сколько требовалось вѣры въ свои принципы и постоянства, чтобы довести до болѣе или менѣе счастливаго окончанія свое дѣло. Упорные бойцы выдержали все и создали Икарію, хотя и не такую, какая грезилась Кабе. Ихъ средства позволяли имъ построить только одни шалаши. Они стали считать за значительное благоденствіе, когда нашли возможность построить нѣсколько хижинъ, хотя и онѣ были такъ бѣдны, что вѣроятно этимъ людямъ еще много лѣтъ не пришлось бы видѣть никакого комфорта, если бы они были менѣе энергичны.

Эта икарійская община находится на разстоя-

ніи 4 миль отъ Корнинча, станція желѣзной дороги изъ Берлингтона къ рѣкѣ Миссурп. Икарійцы начали здѣсь свое дѣло съ 4 тысячами акровъ земли, довольно хорошо обработываемыхъ, и съ долгомъ въ 20,000 долларовъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ они отдали землю своимъ кредиторамъ подъ условіемъ, что они имѣютъ право выкупить половину ея до истеченія опредѣленнаго срока. Благодаря упорному труду, они достигли этого. Въ 1874 году они уже владѣли 1,936 акрами земли, часть которой состояла изъ лѣса. Теперь Икарія, какъ кажется, свободна отъ всякаго матеріальнаго стѣсненія. Не будучи въ особенно блестящемъ положеніи, она уже стоитъ на довольно твердомъ основаніи. Приверженность ея членовъ къ великой идеѣ человѣческаго братства не поколебалась. Теперь, какъ и въ первый день своего существованія, они вѣрятъ и провозглашаютъ равенство правъ и равенство обязанностей между всѣми дѣтьми природы. Они возстаютъ противъ всякой мысли превосходства, основаннаго на мускульной силѣ, умѣ или богатствѣ. Они не дѣлаютъ различія между сыномъ бѣдняка и сыномъ богача. По ихъ мнѣнію всѣ равны, всѣ имѣютъ права требовать отъ общества полнаго удовлетворенія своихъ нуждъ, всѣ обязаны производить пропорціонально силѣ и способности, даннымъ человѣку природою. Такими остались принципы Икаріи. Лѣтомъ 14 августа 1876 г. Уильямъ Гиндсъ посѣтилъ Икарію

и тогда-же написалъ слѣдующее письмо въ «American Socialist».

«Дюжина небольшихъ домиковъ расположена здѣсь по краямъ параллелограмма; большое центральное зданіе содержитъ общую кухню и общую столовую, которая также служитъ мѣстомъ общественныхъ увеселеній, будутъ ли то какіе нибудь танцы или театральныя представленія; подъ рукой находится пекарня и прачешная; множество деревянныхъ шалашей, расположенныхъ около главнаго строенія, напоминаютъ о прежней бѣдности и нищетѣ этого народа. Небольшая молочная ферма около покрытаго соломою сарая для скота, на югѣ конюшни для лошадей, на сѣверѣ помѣщенія для овецъ; всѣ эти строенія находятся на возвышенномъ берегу рѣки Нодавэй и окружены владѣніями общины. У икарійцевъ около 2 тысячъ акровъ плодородной земли, изъ которыхъ обработывается 700, нѣсколько строеваго лѣса, сочные луга, на которыхъ пасется 600 овецъ и 140 головъ рогатаго скота. Въ настоящій годъ обработано 5 акровъ картофеля, 100 пшеницы, 250 ржи, 11—12 земляники, не считая виноградниковъ и плодовыхъ деревьевъ. По звуку общественнаго колокола, всѣ направляютъ свои шаги къ центральному строенію. Если вы войдете сюда во время обѣда, то увидите всю общину, нынѣ числящую 75 членовъ, сидящею за круглыми или продолговатыми столами, такъ дружно и весело, какъ умѣетъ быть

только французскій народъ. Надъ входной дверью вы замѣтите слово «Равенство», а какъ разъ на противоположномъ пунктѣ слово «Свобода»; на одномъ изъ концовъ комнаты стоятъ цифры годовъ: 1776—1876. Вы также замѣтите, что на столѣ стоитъ множество питательныхъ кушаньевъ. Если вы войдете въ тоже помѣщеніе вечеромъ, то застанете нѣсколько семействъ, собранныхъ вмѣстѣ; одни танцуютъ, другіе поютъ свои пѣсни про равенство и братство.

«Войдя туда въ воскресенье послѣ обѣда, какъ мнѣ и удалось, вы услышите избранные отрывки изъ писаній ихъ «великаго апостола», Этьена Кабе, или разсказы, или пѣсни, которыя въ состояніи возбудить соціалистическій энтузіазмъ. Одна изъ слышанныхъ мною пѣсенъ имѣла слѣдующій припѣвъ:

Travailleurs de la grande cause,
Soyons fiers de notre destin;
L'egoiste seul se repose,
Travaillons pour le genre humain [1]).

Тутъ же я слышалъ декламацію пятнадцатилѣтней дѣвушки; декламація была очень эффектна. Дѣвушка вложила много выраженія въ слова:

---

[1]) Работники великаго дѣла, будемъ гордиться своею участью: только эгоисты покоятся, мы же трудимся для человѣческаго рода.

„Mes frères, il est temps que les haines s'oublient,
Que sous un seul drapeau les peuples se rallient;
Le chemin du salut va pour nous s'aplanir,
La grande liberté, que l'humanité rêve,

Comme un soleil nouveau, radieuse, se leve
Sur l'horizon de l'avenir“ [1]).

«Дѣйствительно,—продолжаетъ Гиндсъ,—пора, чтобы всѣ вражды забылись и люди соединились подъ одно знамя. Но долженъ ли быть такимъ знаменемъ коммунизмъ? Икарійцы съ энтузіазмомъ отвѣтятъ: «да», и если кто спроситъ: «забыты ли всѣ ненависти въ самой Икаріи?» они также отвѣтятъ: «да». Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности у медали есть и оборотная сторона, какъ мы увидимъ далѣе. «Икарія просуществовала уже двадцать девять лѣтъ. Она побѣдила отчасти враждебныя отношенія и испытала трудныя лишенія, неразлучно соединенныя съ устройствомъ коммуны въ новой странѣ, и безъ капитала. Она началась въ бѣдности. А теперь она имѣетъ 60,000 ф. с. въ полной и неотъемлемой собственности, а долгу всего только 4,000. Членовъ у нея теперь вдвое больше, чѣмъ было восемь или десятъ лѣтъ тому назадъ. Икарійцами воздѣлываются овощи и разводятся виноградни-

[1]) Братья мои, настало время забыть всѣ ненависти; пусть всѣ народы соединятся подъ однимъ знаменемъ; путь спасенія разстилается передъ нами, великая свобода, о которой грезитъ человѣчество, какъ новое солнце, сверкая, поднимается на горизонтѣ будущаго.

ки; здѣсь приступаютъ къ разведенію мелкихъ плодовыхъ деревьевъ. Икарійцы поговариваютъ о разныхъ радикальныхъ измѣненіяхъ, съ надеждой осуществить ихъ въ близкомъ будущемъ. Они стараются о пріобрѣтеніи новыхъ членовъ и недавно они приняли четыре семейства. И хотя Икарія представляетъ мало развлеченія, не имѣетъ возможности для болѣе высокаго образованія или естетической культуры, лишена многихъ удобствъ общинной жизни, я все таки не вижу причины, почему она не достигнетъ полнаго успѣха, такъ какъ она имѣетъ достаточно силы. Здѣсь дѣло идетъ о попыткѣ устроить цвѣтущую коммуну безъ господствующей религіи или, можетъ быть, мы вѣрнѣе выразимъ икарійскую идею, сказавъ: безъ всякаго богословія. Если это удастся, то икарійцы разрѣшатъ довольно трудную задачу. Построить общину все равно, что построить каменный домъ: чѣмъ лучше цементъ или известь, тѣмъ крѣпче стѣны. Было доказано, что при помощи строгаго религіознаго духа можно сдѣлать хорошую известь. Икарійцы убѣждены, что они могутъ приготовить известь, годную на самыя высокія стѣны, съ помощью однихъ принциповъ равенства, свободы и братства. Увидимъ. Многіе икарійскіе принципы будутъ строже выражены, когда число икарійцевъ увеличится. Ихъ система основана на чистѣйшей демократіи, съ ея незапрещенной свободой разсужденія. Такія разсужденія можно допустить въ небольшой ком-

мунѣ, но не сдѣлаются ли они невыносимыми въ большой? Тогда не будетъ ли коммуна зависѣть отъ произвола большинства? Если простое большинство ведетъ дѣло, какъ это мы и видимъ въ Икаріи, можетъ случиться, что самый достойный въ общинѣ будетъ имѣть самое маленькое значеніе. Бѣда коммунѣ въ такомъ состояніи. Лучше бы ей было не родиться. Какъ я уже раньше замѣчалъ въ своихъ письмахъ, однимъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ для успѣха коммунизма—это вопросъ, какъ будутъ относиться между собой индивидуальная свобода и подчиненіе центральной власти. Принципъ субординаціи можетъ быть такъ силенъ, что будетъ серьезно препятствовать развитію индивидуальныхъ членовъ; съ другой стороны, индивидуализмъ можетъ представить такія требованія, что будетъ грозить уничтожить правительственную власть общины. Если многіе американскіе коммунисты дошли до крайности въ вопросѣ о послушаніи, то икарійцы придерживаются другой крайности. Настоящій человѣкъ выкажется тогда, когда найденъ будетъ способъ обезпечить полное подчиненіе центральному принципу организаціи, и въ то же самое время дать личности возможность постоянно и свободно развивать всѣ тѣ способности, которыя она получила отъ природы. Нельзя удержаться отъ удивленія передъ небольшой кучкой икарійцевъ, передъ этимъ веселымъ остаткомъ арміи, собранной въ Нову, подъ

предводительствомъ Кабе. Изъ каждыхъ двадцати пришедшихъ сюда икарійцевъ, въ живыхъ остался едва одинъ, и все таки они кажутся такими же мужественными и преданными коммунизму, какими они были бы, если бы путь ихъ былъ усѣянъ цвѣтами и розами, а не терновыми шипами». Икарійцы живутъ, руководствуясь конституціею, разработанной для общины Кабе. Въ основу ея положены принципы равенства и братства; коммунизмъ заставляетъ пользоваться всѣмъ сообща и отрицать не только рабство, но всякихъ наемныхъ слугъ. Слѣдующіе вопросы и отвѣты, приводимые въ сочиненіи Гиндса, познакомятъ читателя во всѣхъ подробностяхъ со всѣми практическими данными икарійской общины. Надо замѣтить, что отвѣты эти были даны въ сентябрѣ 1878 года президентомъ Икаріи. «Сколько теперь жителей въ Икаріи?» — «83». — «Имѣете ли вы много приспособленій для ремеселъ? — «Мы имѣемъ подъ рукой около пятидесяти». — «Сколько членовъ вы приняли прошедшій годъ?» — «17 окончательно и трехъ временно». — «Какія у васъ правила о принятіи новыхъ членовъ?» — «Каждый желающій можетъ быть принятъ; ему могутъ позволить провести шесть мѣсяцевъ въ качествѣ новиціата; какъ членъ коммуны, онъ принимается только по согласію трехъ четвертей полноправныхъ членовъ». — «Желаете-ли вы большаго прибавленія членовъ?» — «Конечно. Это наша обязанность, а вмѣстѣ съ тѣмъ

и нашъ интересъ; но наши средства и трудность найдти подходящій матеріалъ до настоящаго времени предупреждали слишкомъ быстрое распространеніе». — «Что составляетъ вашъ доходъ?» — «Кромѣ паровыхъ лѣсопильны и мельницы, мы разсчитываемъ на обработку нашихъ стадъ и плантацій хлопка». — «Сколько вы имѣете земли, и какое количество ея подъ обработкой?» — «Мы имѣемъ 2,150 акровъ. 700 теперь подъ распашкой, 400 покрыты лѣсомъ; остальные составляютъ пастбище». — «Сколько у васъ скота?» — «Мы имѣемъ отъ 30 до 40 лошадей, 140 головъ рогатаго скота, 600 овецъ». — «Была ли ваша община счастлива прошедшій годъ, въ финансовомъ и другихъ отношеніяхъ?» — «Послѣдніе два года не были матеріально благопріятны для Икаріи; наши урожаи были очень нехороши, мы до спхъ поръ чувствуемъ послѣдствія». — «Ваша система, какъ я ее понимаю, по теоріи одна изъ самыхъ чистыхъ коммуническихъ?» — «Да». — «Вполнѣ ли осуществляется ея идея на практикѣ?» — «Наша система, какъ вы знаете, смотритъ на общность имуществъ самымъ широкимъ образомъ; но мы все-таки очень несовершенно ее примѣнили, но это противорѣчіе между практикой и теоріею у насъ понемногу исчезаетъ. Членамъ не даютъ денегъ для ихъ частнаго употребленія». — «Каждый домъ, я это замѣтилъ, окруженъ садомъ. Обработываются ли сады для общины или для индивидуальной пользы?» — «Каждая семья имѣетъ свой небольшой садъ, гдѣ она

можетъ разводить цвѣты и плоды, и вполнѣ ими распоряжаться; но значительная часть общества находитъ, что этотъ обычай противорѣчитъ остальному правилу, и требуетъ его запрещенія».— «Я вижу, что ваша система чисто демократическая».—«Какъ далеко можно провести ее во вседневной жизни?»—«Наша система совершенно демократическая и мы не испытываемъ никакихъ затрудненій, чтобы привесть ее въ исполненіе».— «Такъ какъ вы рѣшаете все голосованіемъ, то служащіе, значитъ, должны имѣть только исполнительную власть?»—«Наши чиновники избираются только для того, чтобы приводить въ исполненіе постановленія общаго собранія или законодательнаго корпуса; другой власти они не имѣютъ. Какіе у васъ служащіе? какъ они избираются? на долго?»—«Чиновники икарійской общины слѣдующіе: директоръ земледѣлія, директоръ промышленности, директоръ одежды и жилья, секретарь, казначей и президентъ. Они избираются ежегодно 3-го февраля простымъ большинствомъ; ихъ положеніе всегда зависитъ отъ доброй воли членовъ общины».—«Говорятъ, что бракъ у васъ обязателенъ? какъ это понимать? означаетъ ли это, что желательно, чтобы всѣ члены были женаты и что тотъ, кто отъ этого откажется, не будетъ принятъ въ ваше общество?»—«У насъ бракъ обязателенъ, это значитъ, что безбрачіе считается аномаліею, противной природѣ. Его можно допустить только теперь, когда число членовъ т[illegible]ъ

ограничено, что нельзя требовать, чтобы всѣ мужчины и женщины непремѣнно сошлись по склонности». — «Какія ваши средства дисциплины? какъ вы поступаете съ нарушителями общественнаго порядка и съ виноватымъ противъ нравственности?» — «Нарушеніе правилъ, законовъ и постановленій общины наказывается по общественному приговору: лишеніемъ гражданскихъ правъ или исключеніемъ изъ общества, смотря по тяжести вины». — «Какое положеніе занимаетъ женщина въ Икаріи? имѣетъ ли она право голоса въ собраніи?» — «Женщины приходятъ на собранія, принимаютъ участіе въ преніяхъ, онѣ могутъ вносить предложенія и опровергать проекты другихъ, но права рѣшающаго голоса не имѣютъ». — «Правъ ли я, говоря, что вы возносите принципъ коммунизма до религіи, думая, что онъ вполнѣ олицетворяетъ религію»? — «Вы совершенно правы, если предполагаете, что мы возносимъ идею коммунизма и особенно принципъ братства на мѣсто религіи; но нами очень уважается христіанство въ его первоначальной чистотѣ. Въ Икаріи допускается большая индивидуальная свобода въ дѣлѣ религіи, лишь бы только ея проявленіе не производило безпорядка и неудовольствія».

Увѣреніе президента коммуны, что нѣтъ никакихъ трудностей въ примѣненіи на практикѣ всей чисто демократической теоріи Икаріи, заставляетъ предполагать существованіе полной гармоніи въ обществѣ; хотя это трудно допустить,

обративъ вниманіе на факты. Извѣстно, что въ общинѣ въ послѣднее время было сильное стремленіе раздвоиться на двѣ отдѣльныя почти совершенно противоположныя партіи. Это стремленіе тѣмъ болѣе знаменательно и тѣмъ болѣе печально, что оно происходитъ въ сравнительно очень малолюдной общинѣ, гдѣ повидимому гораздо легче было бы сохранить согласіе. Передъ посѣщеніемъ общины Гиндсомъ, лѣтомъ 1876 г., было даже серьезное столкновеніе между двумя партіями; столкновеніе, однако, кончилось довольно миролюбиво и потому коммуна думала, что не стоитъ и упоминать объ этомъ фактѣ. Но согласіе, полученное при помощи составленнаго тогда компромиса только внѣшнее и воображаемое. Старый антагонизмъ сталъ снова проявляться за послѣднее время и, повидимому, между обѣими партіями лежитъ непроходимая пропасть. Одна партія осторожна, благоразумна, противится всякимъ радикальнымъ перемѣнамъ, желая двигаться понемногу, какъ прежде при Кабе. Между тѣмъ какъ другіе полагаютъ, что настало время сдѣлать нововведенія въ практической жизни общины, увеличить ея промышленность, измѣнить ея образовательныя средства, дать право голоса икарьянкамъ и т. п. Молодежь чувствуетъ, что старики являются не особенно умѣлыми хозяевами, что полная равноправность женщины съ мужчиной есть необходимое условіе подобной общины, и не можетъ не волноваться. Первая пар-

тія состоитъ большею частью изъ старыхъ членовъ общины; вторая изъ молодыхъ, особенно женщинъ и почти всѣхъ вновь прибывшихъ. По числу приверженцевъ она превосходитъ консервативную партію, но имѣетъ меньше голосовъ на собраніи, такъ какъ по икарійскимъ постановленіямъ только мужчины старше двадцати лѣтъ имѣютъ право подавать голосъ. Вторая партія, сдѣлавъ нѣсколько предложеній исправить конституцію, которыя были отвергнуты генеральнымъ собраніемъ, наконецъ предложила условія раздѣленія. Члены этой партіи потребовали, чтобъ было сдѣлано по жребію раздѣленіе земли и имущества, чтобъ каждый собственникъ, мужчины, женщины и дѣти, получилъ по десяти акровъ земли. Затѣмъ они поведутъ свои дѣла, земледѣльческія, промышленныя и финансовыя, какъ двѣ разныя отрасли одной общины; земля будетъ находиться только въ пользованіи, но каждая сторона имѣетъ право заложить ее въ пятой части ея настоящей стоимости; каждая сторона можетъ принимать къ себѣ тѣхъ новыхъ членовъ, которыхъ она захочетъ. Оставшаяся земля, послѣ дѣлежа, будетъ служить для снабженія новыхъ членовъ и будетъ находиться въ распоряженіи обѣихъ сторонъ. Въ случаѣ смерти, если приписанная члену земля не будетъ въ извѣстный срокъ занята какимъ нибудь новымъ членомъ, противная сторона имѣетъ право ее требовать. Это предложеніе было также отвергнуто большинствомъ

голосовъ. Молодая партія тогда рѣшилась принять exstra-конституціонныя средства, чтобы привести дѣлежъ въ исполненіе. Изъ свидѣтельствъ обѣихъ сторонъ можно видѣть, что въ нихъ нѣтъ недостатка въ привязанности къ коммунизму. Всѣ готовы за него умереть. Непримиримое различіе касается вопроса общественной политики. Если бы община раздѣлилась на двѣ части, то каждая сторона сдѣлалась бы самостоятельною общиною и постаралась бы осуществить свой соціальный идеалъ. Одинъ недавній посѣтитель Икаріи, въ письмѣ, написанномъ послѣ десятидневнаго пребыванія въ общинѣ, говоритъ: «Икарійская община есть ничто иное какъ республика въ миніатюрѣ съ ея разработанной конституціею, ея законами, правилами и постановленіями, съ ея президентомъ и гражданскими властями, ея политиками, чиновниками и собраніями, и она также подвержена всѣмъ условіямъ, измѣненіямъ и перемѣнамъ, какъ и всякая другая. Республика не можетъ существовать безъ партій и это ключъ для разгадки волненій въ Икаріи, до того сильныхъ, что республика пошатнулась, точно отъ землетрясенія, между тѣмъ какъ машина ея внутренняго управленія, законовъ и правилъ перестала дѣйствовать. Тамъ было столкновеніе между консервативною и прогрессивною партіею, какъ и во всѣхъ государствахъ; да иначе и быть не могло. Развѣ прогрессъ не есть толчекъ, необходимый для крайняго консерватизма? И развѣ консерватизмъ не

составляетъ преграды для крайняго прогрессизма? Развѣ не этому соединенію человѣчество обязано всѣмъ, что оно имѣетъ и почти всѣмъ, что оно знаетъ?»

Это разсужденіе очень вѣрно; но понятно, что республика можетъ быть въ самомъ цвѣтущемъ состояніи подъ управленіемъ одной партіи. Дѣйствительно народъ Соединенныхъ Штатовъ указываетъ на одинъ эпизодъ своей исторіи, на время управленія президента Монро, какъ на золотой вѣкъ. [1]) Но оставивъ въ сторонѣ вопросъ о политикѣ, скажемъ, что общины должны найти средства обезпечить единство и единодушную дѣятельность; въ противномъ случаѣ чѣмъ онѣ будутъ больше, тѣмъ больше будетъ въ нихъ неурядицъ. Религіозное вдохновеніе можетъ привести сотни, даже тысячи, къ одному сердцу и къ одной мысли; способнный вождь можетъ сдѣлать многое, что утвердитъ желаемое единство, управляя по идеѣ правды и любви, но трудно доказать на практикѣ, что чистая демократія съ ея частными антогонизмами можетъ соединить гораздо большое число членовъ. Партія въ Икаріи которая требуетъ отдѣленія, говоритъ, что ея члены пришли къ сознанію, что они не могутъ жить въ мирѣ и единствѣ со старымъ народомъ».

[1]) Джемсъ Монро, былъ президъ. Соед. Штатовъ съ 1817 г. по 1825 годъ. Впослѣдствіи принималъ участіе въ составленіи конституціи шт. Виргинія Ум. 1834 г., 73 лѣтъ.

По общему разсмотрѣнію общины, Гиндсъ убѣдился, что гармоническое соединеніе старого и молодого элементовъ есть одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, которыя приходится рѣшать коммунизму. Въ обыкновенномъ обществѣ, когда человѣкъ достигаетъ двадцати однолѣтняго возраста, онъ дѣлается легально свободнымъ и въ правѣ самъ избрать себѣ образъ жизни; онъ обыкновенно удаляется изъ отцовскаго дома и выбираетъ себѣ занятія, религію, политическія убѣжденія. Не такъ въ общинахъ. Въ Икаріи молодой человѣкъ пріобрѣтаетъ право голоса въ двадцать лѣтъ; въ большинствѣ же общинъ положеніе членовъ ни въ чемъ не измѣняется, когда они достигаютъ законной зрѣлости. Они могутъ только надѣяться занять мѣста, когда, послѣ долгаго испытанія въ честности, они зарекомендуютъ себя, какъ людей, вполнѣ способныхъ. Если съ другой стороны старшіе привыкли къ своимъ обязанностямъ и сознаютъ, что они не будутъ въ такой безопасности, когда власть будетъ въ рукахъ молодыхъ, то очевидно, что процессъ передачи интересовъ общины отъ одного поколѣнія къ другому будетъ ограниченнымъ, хотя рано или поздно онъ долженъ совершиться. Нужна самая высокая мудрость, чтобъ сдѣлать эту передачу, не повредивши согласію общины. Это можетъ касаться не только служебныхъ и дѣловыхъ интересовъ, но можетъ также возбудить политическіе вопросы, что очень важно; потому что каждое по-

колѣніе приноситъ съ собою новыя истины, которыя поражаютъ даже тѣхъ, кто въ свою очередь въ молодости считался либеральнымъ. Счастлива та община, въ которой старшіе члены такъ мудры, что, пожертвовавъ самолюбіемъ, передаютъ свои почетныя обязанности другимъ, когда интересы общества этого потребуютъ. Правда, въ Икаріи каждый человѣкъ, имѣя отъ роду 20 лѣтъ, можетъ занимать всѣ мѣста, на которыя будетъ выбранъ, и здѣсь все рѣшается голосованіемъ. Но очевидно, что въ общинѣ, гдѣ болѣе сильная партія перестанетъ возбуждать уваженіе и довѣріе меньшинства, тамъ будутъ дурныя мысли и дѣла, тамъ нарушатся миръ и согласіе, и община скорѣе напомнитъ про адъ, чѣмъ про рай. Въ Икаріи каждая партія думаетъ, что другая виновата во всѣхъ бѣдствіяхъ, окружающихъ общину, хотя, вѣроятно, ни одна изъ нихъ не права совершенно, ни вполнѣ виновата. Если время сотретъ всѣ эти слѣды раздѣленія и сдѣлаетъ изъ общины одну партію, которая отброситъ всѣ крайности, соединитъ мудрость осторожности съ мудростію прогресса, то Икарія можетъ дойти до процвѣтанія. Одна изъ главныхъ бѣдъ Икаріи это то, что икарійцы надѣлали враговъ въ одномъ и томъ же домѣ, возстановивъ жену противъ мужа и дѣтей противъ отцовъ и разрѣзали узы, которыя должны были усиливаться съ каждымъ годомъ. Раздоры въ общинѣ гораздо серьезнее чѣмъ раздоры

въ обыкновенныхъ семьяхъ, такъ какъ число ея членовъ больше, соціальныя обязанности сложнѣе. Отсюда вытекаетъ важность тщательнаго избранія матеріала въ строеніи подобнаго общества. Отсюда, значитъ, необходимая обязанность каждаго члена работать для единства и мира. Трудность хорошаго и справедливаго дѣленія имущества есть также одна изъ причинъ неудовольствія. Предложеніе «молодой партіи» въ Икаріи, напр., раздѣлить имущество по жребію, на первый взглядъ кажется совершенно справедливымъ; но одна партія заключаетъ въ себѣ людей, которые состарѣлись на служеніи общинѣ, тогда какъ другую составляютъ люди только нѣсколько лѣтъ связанные съ дѣлами ея; въ этомъ случаѣ понятно, что предложенныя условія дѣлежа будутъ несправедливы. И, вѣроятно, никакія предложенія, сдѣланныя одной изъ сторонъ, не будутъ идеально справедливы. Вѣроятно, суды и адвокаты тоже не съумѣютъ рѣшить этого вопроса. И дѣйствительно, если община должна отъ времени до времени раздѣляться, какъ и много другихъ организацій, то нужно найти средство обойтись безъ насилія или судебнаго иска. Гораздо лучше прибѣгнуть къ рѣшенію третейскаго суда и при всеобщемъ согласіи подчиниться этому рѣшенію. Еще лучше раздѣлить свое имущество самимъ, какъ было сказано основателемъ Путнейской общины, который сказалъ, когда община была наканунѣ распаденія вслѣдствіи внѣшняго

давленія: «Если раздѣленіе собственности необходимо, чтобъ удовлетворить нашихъ враговъ, я былъ бы недоволенъ, еслибы это сдѣлалось по самолюбивымъ расчетамъ или по постановленіямъ легальнаго права; это надо сдѣлать на основаніи принципа, что сильный долженъ помочь слабому». Чтобъ вполнѣ оцѣнить благородство этихъ словъ, надо знать, что основатель этой общины и его жена вложили половину общиннаго капитала; а многіе члены не принесли ничего. Дѣйствіе, которое можетъ произвести такой совѣтъ при такихъ обстоятельствахъ, будетъ громадное, онъ привлечетъ всѣ сердца и учредитъ общины, которыя противустоятъ давленію какъ внутреннему, такъ и внѣшнему».

Гиндсъ писалъ эти строки такъ сказать, наканунѣ раздѣленія Икаріи на двѣ части. Въ 1878 году разрывъ сдѣлался неизбѣжнѣмъ; январь и февраль 1879 года прошли въ разбирательствѣ претензій обѣихъ партій, а въ апрѣлѣ 1879 года юная Икарія отдѣлилась отъ старой Икаріи. Говорить о дальнѣйшемъ существованіи небольшой горсти этихъ піонеровъ коммунизма было-бы излишне, такъ какъ это существованіе покуда далеко не блестяще...

Таковы были результаты, добытые этими людьми, потратившими втеченіи тридцати лѣтъ много усилій, много энергіи, много мужества, чтобы осуществить на практикѣ созданныя теоретически планы новой жизни. Нельзя безъ ува-

женія и грусти смотрѣть на эти разбитыя надежды, погибшія мечты. Это были люди убѣжденія, и честь и слава имъ за то, что они не отшатнулись ни передъ какими испытаніями, чтобы вполнѣ мирнымъ путемъ добиться отвѣта на вопросъ: «можно ли такъ жить?» Въ нихъ бросаютъ насмѣшками, ихъ обвиняютъ. Но за что? Развѣ тысячи алхимиковъ, дѣлая свои невозможные опыты, не создали химіи? Развѣ опыты воздухоплавателей, думающихъ найдти средства управлять воздушнымъ шаромъ, безполезны и не нужны? Развѣ эти икарійцы, жертвуя своею жизнью, не дали полезныхъ уроковъ человѣчеству? Развѣ человѣчество можетъ рѣшить что нибудь безъ сотенъ и тысячъ подобныхъ опытовъ?

КОНЕЦЪ.

Date Due

Demco 293-5

Duke University Libraries
D02592427V